

Вестник Московского университета

ISSN 0130–0105

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

*Основан
в 1946 году*

Серия 6
ЭКОНОМИКА

2/2023

УЧРЕДИТЕЛИ:

**Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова;
экономический факультет МГУ**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Аузан А. А. — главный редактор (д.э.н., профессор, декан экономического факультета, зав. кафедрой прикладной институциональной экономики)

Иващенко Н. П. — зам. главного редактора (д.э.н., профессор, зав. кафедрой экономики инноваций, зам. декана экономического факультета по межфакультетскому взаимодействию и инновационной деятельности)

Пороховский А. А. — зам. главного редактора (д.э.н., профессор, зав. кафедрой политической экономии)

Шерешева М. Ю. — зам. главного редактора (д.э.н., профессор кафедры прикладной институциональной экономики)

Бобылев С. Н. (д.э.н., профессор, зав. кафедрой экономики природопользования, руководитель Центра биоэкономики и эко-инноваций)

Герасименко В. В. (д.э.н., профессор, зав. кафедрой маркетинга)

Калабихина И. Е. (д.э.н., профессор, зам. зав. кафедрой народонаселения)

Калягин Г. В. (к.э.н., доцент кафедры прикладной институциональной экономики)

Картаев Ф. С. (д.э.н., доцент, зав. кафедрой математических методов анализа экономики)

Колганов А. И. (д.э.н., зав. лабораторией по изучению рыночной экономики)

Колесов В. П. (д.э.н., профессор, президент экономического факультета)

Колосова Р. П. (д.э.н., профессор кафедры экономики труда и персонала)

Кулик Л. В. (к.ф.н., доцент, зав. кафедрой иностранных языков)

Курдин А. А. (к.э.н., с.н.с., зам. декана экономического факультета по научной работе)

Лугачев М. И. (д.э.н., профессор, зав. кафедрой экономической информатики)

Соловьева О. В. (д.э.н., профессор кафедры учета, анализа и аудита)

Трухачев С. А. (зам. декана экономического факультета по развитию)

Худокормов А. Г. (д.э.н., профессор, зав. кафедрой истории народного хозяйства и экономических учений)

Шаститко А. Е. (д.э.н., профессор, зав. кафедрой конкурентной и промышленной политики)

Эченикэ В. Х. (к.э.н., доцент кафедры управления рисками и страхования)

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 6 ЭКОНОМИКА

Издательство Московского университета

№ 2 • 2023 • МАРТ — АПРЕЛЬ

Выходит один раз в два месяца

СОДЕРЖАНИЕ

Междисциплинарные исследования

Мальцев А. А. Петр I и междисциплинарный синтез 3

Экономическая теория

Григорьев Л. М. Петр Первый — Царь догоняющего развития 20

Заостровцев А. П. Реформы Петра I как вариант адаптивной модернизации 45

Латов Ю. В. Петровская модернизация — «военное чудо»
вместо «экономического чуда»? 62

Нефедов С. А. Петровские преобразования
в контексте теории военной революции 82

Вопросы управления

Белых А. А. Три века Табели о рангах 97

Ореховский П. А. Амбивалентность мифа Петра I
в новой российской политической теологии 114

Отраслевая и региональная экономика

Розинская Н. А. Петровские реформы в аграрном секторе:
достигнутые результаты и непреднамеренные последствия 126

Научная жизнь

Анисимов Е. В. Индустриализация, как ее задумал Петр Великий 147

Каменский А. Б. Уроки петровских реформ глазами историка 159

CONTENTS

Interdisciplinary Studies

<i>Maltsev A. A.</i> Peter the Great and interdisciplinary synthesis	3
--	---

Economic Theory

<i>Grigoryev L. M.</i> Peter the Great — the king of catching up development	20
<i>Zaostrovitsev A. P.</i> Reforms of Peter I as a variant of adaptive modernization	45
<i>Latov Yu. V.</i> Petrovskaya modernization — “war miracle” instead of “economic miracle”?	62
<i>Nefedov S. A.</i> Peter’s transformations in the context of the theory of military revolution	82

Management Issues

<i>Belykh A. A.</i> Three centuries of the Table of ranks	97
<i>Orekhovsky P. A.</i> Ambivalence of the myth of Peter the Great in the new Russian political theology	114

Branch and Regional Economy

<i>Rozinskaya N. A.</i> The evolution of the agricultural sector in the era of Peter the Great transformations	126
---	-----

Academic Life

<i>Anisimov E. V.</i> Industrialization as conceived by Peter the Great	147
<i>Kamenskii A. B.</i> The lessons of the Petrine reforms as seen by a historian	159

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. А. Мальцев¹

МГУ имени М. В. Ломоносова /
Институт экономики УрО РАН /
Университет Пикардии имени Жюль Верна
(Москва, Екатеринбург, Россия / Амьен, Франция)
УДК: 330.88

ПЕТР I И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ СИНТЕЗ²

В статье рассматриваются особенности процессов междисциплинаризации в современных общественных науках. Автором показано, что в наши дни эти процессы находят отражение не столько в «интервенции» экономистов на «территорию» смежных социальных дисциплин, сколько в переносе в экономику концепций и установок из других наук об обществе. Раскрыты причины сокращения интереса обществоведов к «большим теориям» и выделены факторы, обусловившие начало так называемого количественного поворота в общественных науках. Автором продемонстрировано, как процессы эмпиризации общественных наук связаны с междисциплинаризацией исследовательского пространства. Проведенный в исследовании анализ позволил установить, что в настоящий момент одним из главных факторов, способствующих укреплению диалога между представителями различных социально-гуманитарных дисциплин, выступает растущее единство аналитического аппарата. Как итог, все чаще исследователи определяют свою профессиональную самоидентификацию через используемые ими методы. На примере материалов статей, подготовленных участниками конференции «Парадоксы петровских преобразований: выводы для экономики современной России», проведенной на экономическом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова 21 сентября 2022 г. и вошедших в настоящий номер «Вестника Московского университета. Серия 6. Экономика», проанализирована специфика процессов междисциплинаризации российского обществоведческого дискурса. Установлено, что в отличие от зарубежных коллег российских обществоведов объединяет не столько общность аналитического инструментария, сколько стремление вписать свои исследования в большую теоретическую рамку. Такой рамкой среди российских обществоведов на протяжении последних десятилетий выступают различные разновидности институционализма.

Ключевые слова: экономическая наука, междисциплинарный синтез, эмпирический поворот, социальные дисциплины.

¹ Мальцев Александр Андреевич — д.э.н., доцент, и.о. зав. кафедрой политической экономики, зам. декана по аспирантуре и организации исследовательского процесса, Экономический факультет, МГУ им. М. В. Ломоносова, в.н.с. Института экономики УрО РАН, докторант Университета Пикардии имени Жюль Верна; e-mail: almalzev@mail.ru, ORCID: 0000-0001-9153-5120.

² Статья выполнена в рамках исследовательского проекта «Регуляторное вмешательство в цифровую эпоху: корректировка когнитивных ошибок или препятствование предпринимательству»

Цитировать статью: Мальцев, А. А. (2023). Петр I и междисциплинарный синтез. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 58(2), 3–19. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-58-2-1>.

A. A. Maltsev

Lomonosov Moscow State University /
RAS Institute of Economics Ural branch /
University of Picardie Jules Verne
(Moscow, Ekaterinburg, Russia / Amiens, France)

JEL: A12, B40

PETER THE GREAT AND INTERDISCIPLINARY SYNTHESIS

This paper examines the specifics of interdisciplinary synthesis in modern social sciences. The author argues that currently economists do not “intervene” on to the “territory” of adjacent social sciences but rather export concepts from their disciplines into economics. The article reveals the reasons for the decline in the interest of social scientists in “grand theories” and highlights the factors that conditioned the rise of the so-called quantitative turn in social sciences. The author demonstrates the correlation between the empirical turn in social sciences and the promotion of interdisciplinarity. The analysis allows to state that the main driver enhancing the dialogue between representatives of various scientific fields is the growing unity of the analytical toolkit used by scholars. As a result, more and more researchers identify themselves through the analytical methods they use. Drawing on the papers prepared by the participants of the conference “Paradoxes of Peter the Great’s reforms: lessons for the economy of modern Russia”, held at the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University on September 21, 2022 and formed this issue of Lomonosov Economics Journal, the author examines the manifestations of interdisciplinary approach in Russian social sciences. It has been identified that, unlike their international colleagues, Russian social scientists are united not so much by common analytical toolkit, but by the desire to fit their research into a broad theoretical framework, which over the past decades is represented by diverse types of institutionalism.

Keywords: economics, interdisciplinary synthesis, empirical turn, social disciplines.

To cite this document: Maltsev, A. A. (2023). Peter the Great and interdisciplinary synthesis. *Lomonosov Economics Journal*, 58(2), 3–19. <https://doi.org/MSU0130-0105-6-58-2-1>.

Введение

«То академик, то герой, то мореплаватель, то плотник», — писал в 1826 г. о Петре I А. С. Пушкин. Спустя без малого двести лет ситуация практически не изменилась — специалисты так и не пришли к какому-то консенсусу в отношении оценки деятельности царя-реформатора. При этом, судя по всему, накал дискуссий вокруг фигуры Петра I и проведенных им ре-

форм значительно возрастает к круглым юбилейным датам. Минувший 2022 г. не стал исключением. Если обратиться к ресурсам поисковой системы Google Scholar, то выяснится, что за 2022 г. (год 350-летия Петра I) в нее вошло примерно 22 тыс. работ, написанных на русском языке, в заглавии которых фигурирует имя Петра I¹. Для сравнения, десятилетием ранее в той же Google Scholar было проиндексировано лишь 17,2 тыс. публикаций, содержащих в названии упоминание о первом российском императоре².

Еще любопытнее взглянуть на рост интереса к изучению личности и деятельности Петра I сквозь призму анализа дисциплинарной принадлежности авторов, занимающихся подобными изысканиями. Логично предположить, что наибольшую активность в такого рода исследованиях должны проявлять историки. Библиометрическая статистика полностью подтверждает эту гипотезу. Так, в eLibrary в 2022 г. в тематическую рубрику «История. Исторические науки» оказались включены 133 материала, в названии которых встречается словосочетание «Петр I», тогда как, скажем, по тематике «Философия» «петровских» работ насчитывалось лишь 43. Однако если суммировать общее количество публикаций из рубрик «Экономика. Экономические науки» (44), «Политика. Политические науки» (35) и «Социология» (17), чьи авторы в 2022 г. упомянули в заглавии Петра Великого, то окажется, что неисторики превзошли историков (139 против 133 работ, соответственно)³.

Чем же можно объяснить стремление «непрофильных» специалистов к изучению деятельности Петра I? Конечно, велик соблазн объяснить его многогранностью деятельности Петра Великого, масштабом и противоречивостью его преобразований, создавших такое количество материала для осмысления, запас которого подпитывает интерес исследователей уже четвертое столетие подряд. Наверное, будут правы и эксперты, пишущие о том, что «Петр I создал современную Россию» (Raëff, 2019, p. 76), поэтому, изучая петровскую эпоху, мы постигаем корни современных социально-экономических проблем.

Безусловно, такого рода аргументы нельзя сбрасывать со счетов, однако, за ростом числа работ отечественных обществоведов, посвященных Петру I, может стоять нечто большее, чем одно лишь желание отыскать в прошлом истоки вызовов, с которыми сталкиваются российское общество и экономика в XXI столетии. Скажем, внимание, которое специалисты из разных областей социальных наук уделяют фигуре Петра I, можно

¹ https://scholar.google.com/scholar?start=170&q=%D0%9F%D0%B5%D1%82%D1%80+I+&hl=en&as_sdt=0,5&as_ylo=2022&as_yhi=2022

² https://scholar.google.com/scholar?q=%D0%9F%D0%B5%D1%82%D1%80+I+&hl=en&as_sdt=0%2C5&as_ylo=2012&as_yhi=2012

³ Расчеты проводились по: <https://elibrary.ru/querybox.asp>

интерпретировать в качестве одного из маркеров, свидетельствующих о растущем межпредметном диалоге.

Но так ли это в действительности? Не является ли прилив «петрофилии» сиюминутным поветрием, данью красивой юбилейной дате? Удобный подвод проверить гипотезу о все более плотном диалоге представителей различных социальных дисциплин дает конференция «Парадоксы петровских преобразований: выводы для экономики современной России»¹, проведенная на экономическом факультете (ЭФ) МГУ имени М. В. Ломоносова 21 сентября 2022 г. В этот день в стенах ЭФ удалось собрать целое созвездие блестящих ученых, представляющих основные отрасли современных общественных наук. К радости приглашенного редактора этого номера (являющегося автором этих строк), эти исследователи согласились не только выступить на конференции, но и откликнулись на просьбу подготовить на основе своих выступлений научные статьи. Их количество позволило подготовить специальный выпуск журнала, материалы которого дают немало пищи для размышлений.

Структура статьи выглядит следующим образом. Сначала рассмотрены основные аргументы сторонников гипотезы о растущей конвергенции социальных дисциплин. Далее на примере статей, вошедших в этот номер, мы попытаемся установить особенности процессов междисциплинаризации в российских общественных науках.

Междисциплинаризация через эмпиризацию?

В последние годы все чаще стали слышны голоса специалистов, пишущих о том, что в наши дни экономика сближается с другими социальными науками. Например, известный российский экономист В. М. Полтерович указывает на растущую связь между общественными дисциплинами, позволяющую «рассматривать их как главы единой науки об обществе» (Полтерович, 2011, с. 108). Академику вторит другой авторитетный исследователь — Е. В. Балацкий, настаивающий на том, что «в настоящее время человечеством накоплены знания, вполне достаточные для создания новой синтетической социальной науки» (Балацкий, 2022, с. 12). Чуть более осторожные, но тем не менее вполне обнадеживающие для сторонников синтеза социальных наук выводы делает профессор Мангеймского университета Дж. Веттерстен. По его мнению, уже сейчас наличествуют все предпосылки для «успешной частичной интеграции экономики с другими общественно научными предметами» (Wettersten, 2022, p. 417).

К большому вниманию экономистов к идеям, развиваемым учеными из других социальных наук, призывают и ученые нобелевского калибра.

¹ Конференция «Парадоксы петровских преобразований: выводы для экономики современной России». https://www.econ.msu.ru/science/Article.20220909110837_1361/

Так, Р. Талер утверждает, что «мы по-прежнему нуждаемся в традиционных экономических теориях. Но чтобы наши прогнозы были более точными, нам следует обогатить эти теории идеями из других социальных наук» (цит. по: Backhouse, Fontaine, 2018, p. 8). В свою очередь результаты новейших библиометрических исследований заставляют даже скептически настроенных к нарративу о растущей «междисциплинарности» экономики экспертов признать, что «1990-е гг. сильно изменили дисциплину [экономику], очень быстро сделав ее более открытой к влиянию менеджмента, наукам об окружающей среде и в меньшей степени различных социально-гуманитарных наук» (Truc et al., 2020).

Но чем же вызван прилив интереса экономистов к смежным дисциплинам? За ограниченностью места остановимся лишь на некоторых встречающихся в современной литературе объяснениях причин междисциплинаризации обществоведческого дискурса.

Прежде всего, сторонники тезиса, который можно условно определить так: «XXI век — век синтеза социальных наук», обращают внимание на растущий интерес представителей современных социальных наук к количественным методам¹. Причины этого увлечения многогранны. Так, одни специалисты связывают количественный поворот, разворачивающийся в социальных науках в последние десятилетия, с изменениями интеллектуальной атмосферы. В частности, со снижением привлекательности великих нарративов (ассоциирующихся с социальными экспериментами XX столетия), строящихся абстрактно-дедуктивным путем и поэтому не нуждающихся в мощном эмпирическом фундаменте. Вместо них экспертное сообщество увлекли так называемые теории среднего уровня, лишенные универалистских амбиций и покоящиеся на «наблюдаемых концепциях и *измеримых* [курсив мой. — А. М.] утверждениях» (Peterson, Bredow, 2009, p. 55). В свою очередь, удешевление вычислительных мощностей, повсеместное внедрение IT-технологий, а также стремительное расширение числа различных информационно-статистических ресурсов сделали «цифровые данные значимыми источниками объяснения социальных процессов» (Masso et al., 2020, p. 34). Некоторые эксперты и вовсе считают большие данные вратами в «новую эру эмпиризма, в которой ... данные будут говорить сами безо всякой теории» (цит. по: Kitchin, 2014, p. 3).

Представители экономической профессии не выбиваются из общенаучных трендов, уверенно погружаются в мир эмпирики и успешно разрушают сложившийся вокруг них стереотип надменных обитателей башни из слоновой кости, развлекающих друг друга занятием далекой от жизни теорией. Более того, по мнению отдельных крупных ученых, экономисты настолько преуспели в «детеоретизации» своей науки, что, раскаявшись

¹ См., подробнее, например: (Мальцев, 2020; Мальцев, 2022; Ruggles, Magnuson, 2019; Schwemmer, Wiczorek, 2020).

в «грехе» безоглядной веры в абстрактные теории, предались новым «по-рокам» — «эконометриковерию» (Капелюшников, 2018, с. 7) и чрезмерному увлечению экспериментальными методами исследования, якобы позволяющими «идентифицировать каузальные эффекты, не прибегая ни к каким апприорным предположениям и используя лишь закон больших чисел» (Капелюшников, 2022, с. 12).

Однако как эмпиризация исследовательского пространства социальных наук связана с междисциплинаризацией? На наш взгляд, здесь можно выделить несколько аспектов.

Во-первых, одним из последствий эмпирического поворота стало растущее стремление исследователей самоидентифицировать себя не через некий набор разделяемых ими теоретических предпосылок, а через используемый(е) метод(ы). Так, библиометрические изыскания К. Харриса и соавторов подтверждают, что «экономическая наука все больше определяется через эмпирические техники» (Harris et al., 2021, p. 4). Впрочем, техника анализа стала маркером принадлежности к профессии отнюдь не только среди экономистов. «Существует группа исследователей, — описывает ситуацию в венгерской общественно-географической науке Ф. Гюрис, — осознанно самоидентифицирующая себя через использование прилагательного “количественная”» (Gyuris, 2022). От географов не отстают и представители других дисциплин, все чаще прибегающие к использованию количественных методов. При этом, по некоторым прогнозам, их успехи на этой ниве скоро могут достичь таких результатов, что экономика рискует утратить статус наиболее эмпирической дисциплины среди общественных наук. «Экономисты, — развивают эту мысль К. Харрис со своими коллегами, — потеряют свою долю [академического] рынка по мере [все более успешного] овладения социологами или историками, или эпистемологами статистикой» (Harris et al., 2021, p. 23). Казалось бы, утрата «эмпирической монополии» не сулит экономической науке ничего хорошего. Со всем тем, превращение значительной части представителей социально-гуманитарных наук в «охотников за корреляциями», убежденных в возможности «анализа данных без гипотез» (Mazzocchi, 2015, p. 1252), делает их гораздо ближе друг к другу и стирает былые межпредметные границы. Признавая определенные недостатки подобного способа занятия наукой, нельзя не заметить, что такой дизайн исследований, по-видимому, указывает на оправданность замечания Д. Коландера и соавторов, пишущих о том, что «достижения ... в статистической технике значительно улучшили количественный анализ социальных данных», создав тем самым «общее научное основание для всех социальных наук» (Colander et al., 2010, p. 3).

Во-вторых, междисциплинарная интеграция усиливается благодаря «экспорту» концепций и инструментов из одних наук в другие. Важно подчеркнуть, что если раньше обвинения в академическом экспансио-

низме адресовались, главным образом, экономистам, то сейчас ситуация поменялась. В современной литературе то и дело встречаются рассуждения об «обратном империализме», когда экономика оказывается «жертвой» колонизации со стороны некогда колонизированных ею дисциплин, теперь активно вторгающихся на ее территорию со своими инструментарием и исследовательскими программами (Chassonnery-Zaïgouche, 2017, p. 173). Типичными примерами такого рода инверсии является внедрение в экономическую науку разработок психологов, нейрочеловеческих и физиков, в результате «интервенции» которых возникли поведенческая экономика, нейроэкономика и экономика сложности, соответственно (Davis, 2012, p. 209). Хотя отдельные специалисты утверждают, будто бы экономисты успешно отразили натиск «интервентов», искусно замаскировав твердое ядро своей науки в изысканную междисциплинарную обертку¹, гораздо более точно передающими состояние дел в экономической науке видятся слова Ф. Хана, еще в 1991 г. пророчившего экономике превращение в «более “мягкий” предмет, чем она является сейчас» и предсказывавшего, что «робкие объятия» экономистов с историками, социологами и биологами все-таки будут более крепкими (Hahn, 1991, p. 47, 50). О том, насколько реальными оказались прогнозы английского ученого, отчасти говорят результаты новейших библиометрических работ, указывающие на растущий интерес экономистов к другим дисциплинам². Скажем, исследования В. Крус-э-Сильвы и М. Кавальери показали, что в 2010-е гг. в библиографических списках статей, появляющихся на страницах флагманского экономического журнала *American Economic Review*, доля ссылок на публикации по смежным социальным наукам, оказалась в четыре раза больше, чем в 1960-е гг. (Cruz-e-Silva, Cavalieri, 2022, p. 276).

В-третьих, сохраняющаяся асимметрия, когда неэкономисты более активно цитируют работы экономистов, нежели экономисты ссылаются на труды своих коллег из других социально-гуманитарных дисциплин (Cruz-e-Silva, Cavalieri, 2022), не может заслонить становящееся все более заметным стремление представителей экономической профессии инкорпорировать наработки других наук. Так, опрос практически 10 тыс. академических экономистов, проведенный П. Андре и А. Фальком, показал, что мультидисциплинарность является «вопросом, по которому экономисты достигают наиболее выраженного консенсуса: почти 80% респондентов поддерживают сдвиг в сторону наращивания мультидисциплинарности» (Andre, Falk, 2022, p. 17). Анализ содержания свежих номеров *American Economic Review* во многом подтверждает справедливость вывода немецких ученых. Ознакомившись с материалами последних выпусков этого журнала, можно, к примеру, узнать о связи смертности ниге-

¹ См., подробнее, например: (Кошовец, 2022).

² См., подробнее, например: (Angrist et al., 2020).

рийских новорожденных с качеством медицинской помощи (Okeke, 2023), выяснить, как решения нью-йоркских судов об освобождении обвиняемых под залог связаны с цветом кожи подозреваемых (Arnold et al., 2022), а также понять механизм влияния традиций городского самоуправления, возникших в средневековой Англии, на укрепление институтов парламентаризма этой страны (Angelucci, 2022). Но что же объединяет такие разные работы, казалось бы, бесконечно далекие от привычной экономической проблематики? На наш взгляд, общим знаменателем, связывающим столь не похожие друг на друга исследования, чьи создатели черпают вдохновение в разных дисциплинах, выступает, прежде всего, единый язык, используемый их авторами. Этим языком, как уже говорилось выше, становятся современные математико-статистические методы, выступающие своеобразным *lingua franca*, способным «объединить, интегрировать и связать соответствующие части этих различных [социально-гуманитарных] наук» (Tolk et al., 2018, p. 462).

Кратко подытоживая, стоит еще раз отметить, что в последние годы междисциплинарзация в социальных дисциплинах разворачивалась во многом под воздействием двух тесно связанных между собой процессов: 1) эмпирического поворота, произошедшего в обществоведении; 2) все более активного использования неэкономистами методов из арсенала точных наук. Как замечают Дж. Ангрист и соавторы, одним из главных катализаторов междисциплинарзации стало «распространение эмпирических экономических исследований, меньше прибегающих к использованию экономической теории», сделавшее «статьи, не содержащие формальных экономических моделей, более доступными для неэкономистов, тем самыми «повысив их доверие к эмпирическим результатам, в основном основанным на данных» (Angrist et al., 2020, p. 50). Безусловно, эти процессы не означают скорого наступления эпохи полной гомогенизации исследовательского пространства общественных наук. Однако они делают более жизненными гипотезу академика В. М. Полтеровича о постепенном формировании все большего количества предпосылок для становления единой науки об обществе — «общем социальном анализе», скрепляющем рыхлый конгломерат социально-гуманитарных дисциплин единством эмпирической базы и аналитического инструментария (Полтерович, 2011).

Но можно ли найти следы этого единства в работах отечественных экономистов, историков и социологов? Если да, то существует ли какая-то специфика междисциплинарзации российских общественных наук? На эти вопросы мы постараемся ответить в следующем разделе статьи, рассмотрев статьи, которые посвящены различным аспектам деятельности Петра I и подготовлены крупными российскими специалистами, представляющими значительную часть спектра современных социальных дисциплин.

Петр I и междисциплинарзация по-российски

Разумеется, трудно делать репрезентативные выводы о том, как в РФ протекает междисциплинарзация на основе изучения девяти статей, вошедших в настоящий номер «Вестника». Вместе с тем, учитывая, что в подготовке этих материалов участвовал цвет российских социальных наук, наш анализ дает возможность сделать срез дискурса, генерируемого лидерами той или иной субдисциплины. Отталкиваясь от этого, можно сформулировать ряд гипотез о наличии (отсутствии) в российском обществоведении локальных особенностей процессов междисциплинарзации, которые позже можно будет проверить на большом массиве материалов при помощи библиометрических методов.

Открывает основную часть номера статья крупного российского экономиста, ординарного профессора ВШЭ Л. М. Григорьева, в которой ученый, используя распространенную среди институционалистов концепцию *path dependence* и пришедшую из социологии концепцию социокультурных кодов, предлагает оригинальное объяснение специфики петровских преобразований. По мнению Григорьева, логика реформ Петра I диктовалась потребностью выхода из так называемой «кольцевой колеи» старых формальных и неформальных институтов, необходимых для поддержания экономики и общества в состоянии постоянной мобилизации для отражения притязаний недружественных стран-соседей. В результате проведенных монархом преобразований России удалось сокрушить могущественную Шведскую империю и ослабить Речь Посполитую. Однако платой за эти победы стало закрепление политико-экономической модели, способной обеспечить победу в военных конфликтах, но «компенсирующей» эту эффективность созданием далеко не прогрессивных и ригидных к изменениям институтов собственности.

Институциональным последствиям царствования Петра Великого также оказалась посвящена статья другого известного экономиста — профессора петербургского кампуса ВШЭ А. П. Заостровцева. Он убеждает читателей в том, что наиболее подходящей исследовательской оптикой для изучения российских реформ первой четверти XVIII столетия является синтез исторической социологии с институциональной экономикой. При помощи комбинации этих двух подходов исследователь вскрыл адаптационный характер петровской модернизации, когда архаичные политические институты Московского царства начали соединяться с заимствованными с Запада культурно-бытовыми новшествами. По мысли ученого, такое причудливое сочетание было вовсе не случайностью, а целенаправленно выбранной стратегией, нацеленной на сохранение и укрепление политической культуры Московии при помощи ее адаптации к вызовам времени через трансплантацию новейших управленческих и технологических инноваций, которые при этом не затрагивали ее субстанциональных основ и не вели к расширению прав индивидов.

На актуальность использования институционального подхода при изучении петровской модернизации указывает и главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН Ю. В. Латов. Задействовав концептуальный аппарат институциональной теории и мир-системного анализа, он показал двойственный характер петровских реформ. С одной стороны, по мысли социолога, петровская Россия отличалась от большинства других стран догоняющего типа развития лишь их опережением в выходе на траекторию прозападной модернизации, реализуемой жесткими мобилизационными способами. С другой, — геополитический триумф Петра I привел к формированию уникальной особенности российской институциональной модели, когда за успехами на военном поприще шла приостановка социально-экономических реформ, а за поражениями — их разморозка.

Не менее любопытный взгляд на петровские преобразования содержится в статье главного научного сотрудника Института истории и археологии УрО РАН С. А. Нефедова. Главной задачей исследования уральского историка стала проверка применимости теории военной революции исторического институционалиста Б. Даунинга к анализу реформ Петра I. Ее использование позволило Нефедову: 1) доказать, что исторические процессы, развернувшиеся в России в годы правления царя-реформатора, отлично вписываются в канву объяснительной схемы, предложенной американским ученым; 2) высветить «белое пятно» — финансовую подоплеку конфликта монарха и Боярской думы, сопротивлявшейся увеличению военных налогов. Малоисследованные сюжеты из истории модернизационного проекта Петра I оказались в центре внимания заведующего лабораторией Института общественных наук РАНХиГС А. А. Белых. В частности, в его статье на примере эволюции системы чинов (Табели о рангах) иллюстрируется феномен институциональной эрозии — постепенного превращения некогда прогрессивного института в архаичную систему, консервирующую отжившие свой век нормы и правила.

О неоднозначности институциональных новшеств, введенных Петром I, также много говорится в статье главного научного сотрудника ИЭ РАН П. А. Ореховского. Рассуждения о противоречивом характере петровских реформ, вероятно, выглядели бы избитым трюизмом, если бы не оригинальный методологический подход, использованный Ореховским для оценки их социально-экономических (не)успехов. Экономист предложил читателям взглянуть на эпоху Петра I сквозь призму политической теологии — дисциплины, возникшей на пересечении политологии, философии и теологии и связанной с именами Дж. Агамбена, Э. Джендилье и Э. Фегелина. Ее использование дало возможность исследователю предложить свое объяснение парадокса гипертрофированного присутствия в российском общественном дискурсе фигуры Петра Великого и недооценки таких правителей, как Алексей Михайлович и Александр II. По мнению

Ореховского, сакрализация Петра I связана с превращением его преобразований в витрину успешности приемов жесткого бюрократического регулирования, вошедших в сердцевину российской «гражданской религии», тогда как Александр Освободитель стал олицетворением «исторической вины интеллигенции за последующую кровь и ужас революции и гражданской войны, что было неприемлемо как в рамках Гражданской религии марксизма, так и в рамках сегодняшнего либерально-патриотического мифа» (Ореховский, 2023, с. 123).

«Отраслевой» разрез петровской модернизации рассматривается в статье экономического историка, доцента экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова Н. А. Розинской. Она опирается на идеи институциональной теории, но в отличие от авторов других работ, вошедших в этот номер, использует ее для изучения сравнительно «узкого» сюжета — специфики реформирования Петром I аграрной сферы. Пожалуй, главный вывод, вытекающий из статьи, можно сформулировать следующим образом: «сначала институты, потом технологии». Розинская убедительно показала, что искусственное внедрение даже самых передовых инноваций без выстраивания системы стимулов не приводит к долгосрочным положительным результатам. Это замечание, на наш взгляд, может послужить дополнительным аргументом против наводнивших современный российский обществоведческий дискурс технодетерминистских иллюзий, поклонники которых верят, будто бы ниспосланные свыше технологии обладают чудодейственной способностью решения едва ли всех социально-экономических проблем без каких-либо изменений в политической сфере.

Холодным душем для любителей другого популярного нарратива о сверхуспешности экономической политики Петра I выступает статья одного из авторитетнейших знатоков истории России XVIII в. — ординарного профессора НИУ ВШЭ Е. В. Анисимова. Подробно, несмотря на небольшой объем материала, раскрыв влияние «индустриализации по-петровски» на русское купечество, историк сосредоточил внимание на анализе последствий осуществленного за годы правления Петра Великого насаждения промышленности для институционального ландшафта российской социально-экономической системы. Вердикт ученого звучит достаточно однозначно — всемерно поддерживаемое государством развитие фабрично-заводского уклада оставило глубокие институциональные рубцы¹, которые не разгладились даже к началу XX столетия. Тепличность образования промышленности, как утверждает Анисимов, способствовала превращению промышленности в разновидность крепостного хозяйства, крайне негативно сказалась на становлении русского капитализма (Анисимов, 2023, с. 147, 155).

¹ См., подробнее: (Плискевич, 2022).

Рассмотрение негативных сторон экономической политики императора-индустриализатора нашло продолжение в работе другого крупного специалиста по петровско-екатерининской эпохе из Высшей школы экономики — профессора А. Б. Каменского. По мнению историка, создание основанной на подневольном труде тяжелой промышленности вкупе с отсутствием гарантий прав собственности стало институциональной бомбой замедленного действия, заложившей основы будущего отставания России от европейских государств. Однако наряду с безусловно отрицательными последствиями петровских реформ Каменский выделяет и несомненно позитивные моменты. В частности, ученый объясняет устойчивость ряда созданных Петром I институтов (например, в области культуры повседневности и государственном управлении) схожестью их дизайна с лучшими европейскими образцами, а также соответствием их направленности внутренним чаяниям российского общества рубежа XVII–XVIII столетий. «Реформы могут быть успешны только если их направленность соответствует тенденциям развития общества», — делает вывод специалист (Каменский, 2023, с. 163).

Ознакомившись с содержанием статей, вошедших в этот номер журнала, попробуем отыскать «общий знаменатель», объединяющий этот разрозненный конгломерат материалов, в которых, на первый взгляд, нет ничего общего, кроме упоминания в каждом из них имени первого Императора Всероссийского. Для начала напомним, что за рубежом «магнитом», стягивающим различные субнаправления социально-гуманитарного знания, все чаще выступают количественные методы, а ускорение процессов междисциплинаризации совпало с постепенным переключением внимания представителей социальных наук от высокого теоретизирования к изучению прикладных вопросов. Но вписываются ли в эти тренды работы из настоящего выпуска «Вестника» или российские общественные дисциплины развиваются в противоположном направлении от глобальных научных тенденций?

Даже беглый просмотр данных статей позволяет дать однозначный ответ: междисциплинаризация в российских социальных науках идет по другой траектории. В самом деле несмотря на то, что среди авторов этого выпуска журнала есть специалисты, прекрасно владеющие современными количественными методами анализа, и даже профессиональные математики, в анализируемых статьях нельзя встретить греческие буквы, уравнения и эконометрические выкладки. Складывается впечатление, что российские обществоведы, решая извечную дилемму реалистичности и научной строгости¹, явно тяготеют к первой из альтернатив. Это наблюдение вполне согласуется с часто встречающимся в литературе мнением о том, что российские интеллектуалы «испытывают потребность понять

¹ См., подробнее: (Автономов, 2013).

мир в целом» (Medvedeva, 2018, p. 40) и поэтому стремятся «выявить самые важные особенности российских социальных отношений и сущности повседневной жизни» (Bykova, Steiner, 2021, p. 3). При такой постановке исследовательского вопроса математическая точность анализа становится вторичной, а на первый план выходит его широта. Неудивительно, что, по мнению специалистов, для представителей российского обществоведческого дискурса характерна склонность к «созданию общих теорий» (Medvedeva, 2018, p. 41).

Однако как соотносятся эти теоретико-методологические нюансы и специфика процессов междисциплинаризации в Российской Федерации? С нашей точки зрения, самым тесным образом. Как уже отмечалось выше, если за рубежом все большую роль в снижении высоты барьеров, отделяющих одну общественную дисциплину от другой, играет общность используемого представителями разных наук аналитического инструментария, то в нашей стране *lingua franca*, объединяющим сообщество различных обществоведов, выступают метанарративы. На протяжении большей части XX столетия таким «великим повествованием» являлся марксизм, на смену которому в 1990-е гг. пришел институционализм¹. При этом к концу 2000-х гг. увлечение институционализмом в РФ достигло такого масштаба, что специалисты заговорили об институциональном буме в российском обществоведении². В конечном счете институционализм (вероятно, из-за размытости его границ и концептуальной пластичности) стал идейной площадкой, объединяющей представителей разных дисциплин, придерживающихся зачастую диаметрально противоположных взглядов.

Эта «гостеприимность» институционализма хорошо заметна на примере материалов настоящего номера «Вестника». Через увеличительное стекло институционализма социально-экономические реформы Петра I рассматривает антиэтатист экономист Заостровцев и незамеченный в неприятии этатизма социолог Латов. Институциональные аспекты в своих работах затрагивают и социальные историки Анисимов и Каменский, и историк экономической мысли Белых. Очень точно эту интегративную способность институционализма описала Н. А. Макашева: «...практически никто не возражает против институционализма. В рамках институционализма нашли себе место и “славянофилы”, и “западники”, и приверженцы эмпирического подхода, и “чистые” теоретики, и либералы, и социалисты, и математики, и “нарративисты”» (Макашева, 2006, с. 26).

Разумеется, гипотеза о превращении институционализма в России в своеобразный «клей», соединяющий приверженцев столь сильно различающихся воззрений, нуждается в проверке на гораздо более широкой

¹ См., например: (Мальцев, 2016).

² См. подробнее: (Кирдина, 2015).

выборке работ, чем девять статей из данного номера журнала. Для изучения глубины проникновения институционального нарратива в другие общественные науки, несомненно, требуются специализированные социологические и библиометрические исследования.

Однако одно можно сказать с достаточно высокой степенью уверенности следующее. Развитие межпредметного диалога ставит на повестку дня задачу организации точек сбора исследователей, в рамках которых ученые, представляющие разные направления социально-гуманитарного знания, могли бы слушать друг друга и имели возможность свободно посещать творческие лаборатории коллег по обществоведческому «цеху». В этом отношении проведенная ЭФ МГУ конференция, посвященная обсуждению специфики петровских преобразований, выступает неплохим примером площадки, способствующей преодолению «геттоизации» российских общественных наук. Хочется верить, что с каждым годом число подобных мероприятий в РФ будет возрастать и все они будут способствовать коллаборации специалистов, занимающихся изучением все более усложняющегося общества.

* * *

Фигура Петра I на протяжении нескольких столетий притягивает к себе внимание специалистов с разными академическими бэкграундами. Анализ статей, подготовленных участниками конференции «Парадоксы петровских преобразований: выводы для экономики современной России», показал, что российские обществоведы, невзирая на различия в оценках деятельности царя-реформатора, часто опираются в своих выводах на наработки институциональной теории. Складывается ощущение, что в РФ одним из своеобразных мостов, связывающим дисциплины социально-гуманитарного профиля, стал институционализм. Выбор «материала», из которого возведен этот междисциплинарный мост, по-видимому, является одной из отличительных характеристик российского обществоведческого дискурса. О том, насколько сохранение теоретико-ориентированного характера исследовательской культуры отечественного обществоведения полезно в деле изучения природы и последствий петровских преобразований, каждый читатель может ответить себе сам, познакоившись со статьями этого выпуска «Вестника МГУ».

Список литературы

Автономов, В. С. (2013). Абстракция — мать порядка? (Историко-методологические рассуждения о связи экономической науки и экономической политики). *Вопросы экономики*, 4, 4–23. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-4-4-23>

Анисимов, Е. В. (2023). Индустриализация, как ее задумал Петр Великий. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 2, 147–158.

Балацкий, Е. В. (2022). Новые императивы экономического знания: на пути к социомике. *Социальное пространство*, 4, 1–19. DOI: 10.15838/sa.2022.4.36.2

Каменский, А. Б. (2023). Уроки петровских реформ глазами историка. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 2, 159–167.

Капелюшников, Р. И. (2018). *О современном состоянии экономической науки: полу-социологические наблюдения*. Препринт WP3/2018/03. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Капелюшников, Р. И. (2022). *Рандомисты: новая экономика развития*. Препринт WP3/2022/07. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Кирдина, С. Г. (2015). Институционализм в России в 1930–2010-е гг.: инверсионный цикл? *Journal of Institutional Studies Journal of Institutional Studies*, 7(2), 6–37. DOI: 10.17835/2076-6297.2015.7.2.006-037

Кошовец, О. Б. (2022). Экономический агент в ваших мозгах: нейроэкономический дискурс и границы рационального. *Вопросы теоретической экономики*, 2, 7–21. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_2_7_21

Макашева, Н. А. (2006). Экономическая наука в России в период трансформации (конец 1980-х — 1990-е гг.): революция и рост научного знания. *Экономические и социальные проблемы России*, 1, 12–32.

Мальцев, А. А. (2022). Золушка или принцесса: прошлое и настоящее экономической истории. *Вопросы экономики*, 11, 24–56. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-11-24-56>

Мальцев, А. А. (2020). Проблемы и перспективы развития истории экономической мысли: взгляд российских и зарубежных ученых. *Вопросы экономики*, 9, 94–119. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-9-94-119>

Мальцев, А. А. (2016). Российское сообщество экономистов: особенности и перспективы. *Вопросы экономики*, 11, 135–158. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-11-135-158>

Ореховский, П. А. (2023). Амбивалентность мифа Петра I в новой российской политической теологии. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 2, 114–125.

Плискевич, Н. М. (2022). Институциональные рубцы в «пограничных» обществах и эволюция человеческого потенциала (Часть 1: Институциональные рубцы). *Вопросы теоретической экономики*, 3, 130–143. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_3_130_143

Полтерович, В. М. (2011). Становление общего социального анализа. *Общественные науки и современность*, 2, 101–111.

Andre, P., & Falk, A. (2022). What's Worth Knowing? Economists' Opinions about Economics. <https://www.briq-institute.org/files/whats-worth-knowing.pdf>

Angelucci, C., Meraglia, S., & Voigtländer, N. (2022). How Merchant Towns Shaped Parliaments: From the Norman Conquest of England to the Great Reform Act. *American Economic Review*, 112(10), 3441–3487.

Angrist, J., Azoulay, P., Ellison, G., Hill, R., & Feng Lu, S. (2020). Inside Job or Deep Impact? Extramural Citations and the Influence of Economic Scholarship. *Journal of Economic Literature*, 58(1), 3–52. DOI: 10.1257/jel.20181508

Arnold, D., Dobbie, W., & Hull, P. (2022). Measuring Racial Discrimination in Bail Decisions. *American Economic Review*, 112(9), 2992–3038. DOI: 10.1257/aer.20201653

Backhouse, R., & Fontaine, P. (2018). Economics and Other Social Sciences: A Historical Perspective. *Annals of the Fondazione Luigi Einaudi*, LII, 7–44. DOI: 10.26331/1051

Bykova, M. F., & Steiner, L. (2021). Introduction: On Russian Thought and Intellectual Tradition. In: Bykova M. F., Forster M. N., Steiner L. (Eds.). *The Palgrave Handbook*

of Russian Thought. Cham: Palgrave Macmillan, 1–21. https://doi.org/10.1007/978-3-030-62982-3_1

Chassonnery-Zaïgouche, C. (2017). Crossing Boundaries, Displacing Previous Knowledge and Claiming Superiority: Is the Economics of Discrimination a Conquest of Economics Imperialism? In: Mäki U., Fernández Pinto M., Walsh A. (Eds.). *Scientific Imperialism: Exploring the Boundaries of Interdisciplinarity*. London: Routledge, 161–184.

Colander, D., Kupers, R., Lux, T., & Rothschild, C. (2010). *Reintegrating the Social Sciences: The Dahlem Group*. Middlebury College WP Series No. 1033. Vermont: Middlebury College.

Cruz-e-Silva, V., & Cavalieri, M. (2022). Patterns of Interdisciplinary Citations and Asymmetry Between Economics and the Neighboring Social Sciences from 1959 to 2018. *Nova Economia*, 32(1), 261–291. <https://doi.org/10.1590/0103-6351/6591>

Davis, J. B. (2012). Mäki on Economics Imperialism. In: Lehtinen A., Kuorikoski J., Ylikoski P. (Eds.). *Economics for Real Uskali Mäki and the Place of Truth in Economics*. London: Routledge, 203–219.

Gyuris, F. (2022). Multivariate Functions: Heterogeneous Realities of Quantitative Geography in Hungary. In: Gyuris F., Michel B., Paulus K. (Eds.). *Recalibrating the Quantitative Revolution in Geography*. London: Routledge, 80–101. DOI:10.4324/9781003122104-6

Hahn, F. (1991). The Next Hundred Years. *The Economic Journal*, 101(404), 47–50.

Harris, C., Myers, A., Briol, C., & Carlen S. (2021). *The Binding Force of Economics*. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4003466

Kitchin, R. (2014). Big Data, New Epistemologies and Paradigm Shifts. *Big Data & Society*, 1, 1–12. DOI: 10.1177/2053951714528481

Masso, A., Männiste, M., & Siibak, A. (2020). End of Theory' in the Era of Big Data: Methodological Practices and Challenges in Social Media Studies. *Acta Baltica Historiae et Philosophiae Scientiarum*, 8(1), 33–61. DOI: 10.11590/abhps.2020.1.02

Mazzocchi, F. (2015). Could Big Data be the End of Theory in Science? A Few Remarks on the Epistemology of Data-Driven Science. *EMBO Reports*, 16(10), 1250–1255. DOI: 10.15252/embr.201541001

Medvedeva, T. A. (2018). Cybernetics and the Russian Intellectual Tradition. *Russian Journal of Philosophical Sciences*, 10, 37–45. <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2018-10-37-46>

Okeke, E. N. (2023). When a Doctor Falls from the Sky: The Impact of Easing Doctor Supply Constraints on Mortality. *American Economic Review*, 113(3), 585–627.

Peterson, S. J., & Bredow, T. S. (2009). *Middle Range Theories: Application to Nursing Research*. Philadelphia: Wolters Kluwer.

Raeff, M. (2019). *Political Ideas and Institutions in Imperial Russia*. L., N. Y. : Routledge.

Ruggles, S., & Magnuson, D. L. (2019). The History of Quantification in History: The JIH as a Case Study. *The Journal of Interdisciplinary History*, 50(3), 363–381. DOI: https://doi.org/10.1162/jinh_a_01446

Schwemmer, C., & Wieczorek, O. (2020). The Methodological Divide of Sociology: Evidence from Two Decades of Journal Publications. *Sociology*, 54(1), 3–21.

Tolk, A., Wildman, W. J., Shults, F. L., & Diallo, S. Y. (2018). Human Simulation as the Lingua Franca for Computational Social Sciences and Humanities: Potential and Pitfalls. *Journal of Cognition and Culture*, 18(5), 462–482. DOI: <https://doi.org/10.1163/15685373-12340040>

Truc, A., Santerre, O., Gingras, Y., & Claveau, F. (2020). *The Interdisciplinarity of Economics*. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3669335>

Wettersten, J. (2022). *Fallibilist Solutions to Institutional Problems*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing.

References

- Anisimov, E. V. (2023). Industrialization as envisioned by Peter the Great. *Moscow University Economics Bulletin*, 2, 147–158.
- Avtonomov, V. (2013). Abstraction as a Mother of Order? *Voprosy Ekonomiki*, 4, 4–23. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-4-4-23>
- Balatsky, E. V. (2022). New imperatives of economic knowledge: on the way to socionomics. *Social Space*, 4, 1–19. DOI: 10.15838/sa.2022.4.36.2
- Kamensky, A. B. (2023). The lessons of Peter's reforms through the eyes of a historian *Moscow University Economics Bulletin*, 2, 159–167.
- Kapelyushnikov, R. I. (2018). *On the current state of economic science: Semi-sociological observations*. Working Paper 3/2018/03. Moscow: Higher School of Economics Publishing House.
- Kapelyushnikov, R. I. (2022). *Randomists: New development economics*. Working Paper 3/2022/07 Moscow: Higher School of Economics Publishing House.
- Kirdina, S. G. (2015). Institutionalism in Russia in the 1930s–2010s: An inversion cycle? *Journal of Institutional Studies Journal of Institutional Studies*, 7(2), 6–37. DOI: 10.17835/2076-6297.2015.7.2.006-037
- Koshovets, O. B. (2022). The economic agent in your brain: neuroeconomic discourse and the limits of the rational. *Questions of Theoretical Economics*, 2, 7–21. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_2_7_21
- Makasheva, N. A. (2006). Economic science in Russia in the period of transformation (late 1980s–1990s): Revolution and growth of scientific knowledge. *Economic and social problems of Russia*, 1, 12–32.
- Maltsev, A. A. (2022). Cinderella or princess: Past and present of economic history. *Voprosy Ekonomiki*, 11, 24–56. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-11-24-56>
- Maltsev, A. A. (2016). Russian community of economists: Main features and perspectives. *Voprosy Ekonomiki*, 11, 135–158. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-11-135-158>
- Maltsev, A. A. (2020). Whither history of economic thought: A perspective from Russian and international scholars. *Voprosy Ekonomiki*, 9, 94–119. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-9-94-119>
- Orekhovsky, P. A. (2023). The ambivalence of the myth of Peter I in the new Russian political theology. *Moscow University Economics Bulletin*, 2, 114–125.
- Pliskevich, N. M. (2022). Institutional scars in “frontier” societies and the evolution of human potential (Part 1. Institutional scars). *Issues in Theoretical Economics*, 3, 130–143. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_3_130_143
- Polterovich, V. M. (2011). The formation of general social analysis. *Social Sciences and Modernity*, 2, 101–111.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Л. М. Григорьев¹

НИУ «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

УДК: 94(47) 05

ПЕТР ПЕРВЫЙ — ЦАРЬ ДОГОНЯЮЩЕГО РАЗВИТИЯ

Размах личности Петра Первого ставит проблему логики проведения им масштабных реформ в практическом плане. Она началась вместе с войной, совпала по времени с войной и в ряде ключевых вопросов определялась необходимостью ведения войны, вооружения и снабжения армии, перестройки управления. Внимание к его реформам связано не столько с юбилеем Петра I в 2022 г., сколько с важностью понимания исторического пути России и формирования культурного кода страны под воздействием его реформ. Начавшись с умеренной цели открытия «окна в Европу», после 1714 г. административные реформы стали более широкими и комплексными. Логика реформ детерминировалась не только стремлением в Европу и не телеологией создания империи. Речь идет о прагматической необходимости использовать окно возможностей для выхода из «кольцевой колеи» обширной лесной державы, сжатой тремя имперскими (независимо от титулов) соседями иных вероисповеданий — Турцией, Польшей и Швецией. Ход и потребности Северной войны в большой степени определили характер реформ, а успех войны привел к формированию империи. В статье формулируются возможные альтернативные пути развития России на рубеже XVI–XVII вв., используется свойственная новой институциональной экономической школе методология сопоставления дискретных структурных альтернатив применительно к «развилкам», стоящим на пути страны и героя статьи в двух критических временных точках. Результаты реформ и войны дали стране шанс на развитие, хотя масштабный переход в эти сжатые сроки и в условиях войны к более зрелым европейским социально-экономическим институтам не осуществился и не мог быть реализован.

Ключевые слова: Петр Первый, реформы, структурные альтернативы, культурные коды, Северная война.

Цитировать статью: Григорьев, Л. М. (2023). Петр Первый — Царь догоняющего развития. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 58(2), 20–44. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-58-2-2>.

¹ Григорьев Леонид Маркович — научный руководитель департамента мировой экономики, НИУ «Высшая школа экономики»; e-mail: lgrigor1@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-3891-7060.

L. M. Grigoryev
HSE University (Moscow, Russia)
JEL: N13, N43, N53, O43, O52

PETER THE GREAT — THE KING OF CATCHING UP DEVELOPMENT

The scope of the personality of Peter the Great questions the logic of his large-scale reforms in practical terms. It began along with the war, coincided with the war, and in a number of key issues was determined by the need to wage the war, arm and supply the army, and restructure its management. Attention to his reforms is connected not so much with the anniversary of Peter I in 2022, but with the need to understand the historical path of Russia and to form the country's cultural code under the influence of his reforms. Starting with a humble goal of opening a “window to Europe”, after 1714 administrative reforms became more extensive and comprehensive. The logic of the reforms was determined not only by the aspiration to Europe and not by the teleology of creating an empire. It was more about the pragmatic need to use the window of opportunity to get out of the “ring track” of a vast forest power squeezed by three imperial (regardless of titles) neighbors of other faiths — Turkey, Poland and Sweden. The course and needs of the Northern War to a large extent determined the nature of the reforms, with the success in the war resulting in the formation of the empire. The paper formulates possible alternative ways of Russia's development at the turn of the 16th—17th centuries, uses the methodology inherent in the new institutional economic school to compare discrete structural alternatives that stand in the way of the country and the hero of the article at two critical time points. The reforms outcomes and the war gave the country a chance for development, though a large-scale transition to more mature European socio-economic institutions could not be implemented in this short period and under war conditions.

Keywords: Peter the Great, reforms, structural alternatives, cultural codes, Northern war.

To cite this document: Grigoryev, L. M. (2023). Peter the Great — the king of catching up development. *Lomonosov Economics Journal*, 58(2), 20–44. <https://doi.org/MSU0130-0105-6-58-2-2>.

Российская норма: «Умри, но сделай!»

Россия между Иваном III и Петром I — два века «кольцевой колени»

Принципиально важно охарактеризовать стартовую точку российского выхода на европейскую, а далее и на мировую арену из лесов и рек Русской равнины. Эпоха Ивана III с его выходом России из-под монгольского ига, женитьбой на византийской принцессе Софье и идеей Третьего Рима (после трагедии падения Константинополя) представляется

рациональным исходным пунктом. При всем почтении к Великому князю Московскому государство у него было большое по площади и населению (в пределах Центрального и Северо-Западного федеральных округов России). Оно было преимущественно лесное (кроме Владимиро-Суздальского ополья), а городов, промышленности и ремесел в его пределах имелось весьма немного. Врагов же у него было более чем достаточно: наследники Золотой Орды, Крымское ханство на юго-востоке, Польша с Литвой на западе и Швеция на северо-западе. Турецкая империя широкими шагами продвигалась в Европу через Балканы; Польша пыталась консолидироваться «от моря до моря».

Территория была меньше и беднее, чем при Ярославе Мудром. Важная проблема была и долго оставалась: у Московии не было металлов — ни хорошего железа, ни меди, ни серебра, которые появились только с освоением Урала. Подчинение Великого Новгорода Москве укрепило централизацию ресурсов, но скорее обеднило разнообразие страны. При всем уважении к трудам народа, князей, великих иконописцев за два века до Петра не удалось обрести мир на границах, поднять благосостояние и культуру и наладить дороги, как впрочем, и в предыдущие полтысячелетия.

Историческая память у княжеской, церковной элиты и их окружения о «добатыевых» временах давала мало утешения. Происходили постоянные стычки на западных границах, раз в столетие появлялись новые переселенческие племена из Азии — на южных и восточных. Походы варяжских князей Руси на Константинополь, Хазар, Балканы происходили еще до Крещения Руси, эта слава и доходы были в далеком прошлом. Низкая интенсивность международных сообщений после перекрытия кочевниками пути «из варяг в греки», потом уход викингов на контроль территорий в Западную Европу, ослабление и падение Византийской империи еще больше изолировали Русь на восточной окраине Европы.

Для себя отметим, что менталитет этого тонкого слоя элиты: княжеских семей, дворов, дружин, священников и монахов, наверное, купцов, — формировался за период семи–восьми веков борьбы со степью (в течение пяти веков еще до Батые), варяжской военной культуры, православия и византийского влияния — примеры императорского правления были перед глазами. Эта удивительная смесь, возможно, дала уникальную амальгаму гордости, фанатизма, фатализма со сдвигом весов этих трех ингредиентов сверху вниз в обществе в пользу упрямства и фатализма. Мы далеки от недооценки роли Орды, сложного взаимодействия с Великим Княжеством Литовским. Но хотим подчеркнуть важную (иногда ускользающую) роль длительного взаимодействия со Степью, Византийской империей как в формировании сознания элит, так и в народной памяти. В конце концов героические сказки в значительной степени — это домонгольский период (Пропп, 2021), а потом — это истории стоицизма, упорства,

героизма при сопротивлении новому порядку, что предполагает наличие более раннего кода.

Давление католической Европы на северо-западе удалось отбить князю Александру Невскому и князю Довмонту (он же Св. Тимофей Псковский) во второй половине XIII в., Литве (плюс соперничество Ордена с Польшей и т.п.) и племени язычников пруссов, практически погибшему от «цивилизованных соседей». За эти века удалось сохранить православную веру и собственное управление (ограниченный суверенитет), в особенности благодаря Александру Невскому. И российская элита, и общество стремятся сберечь сохранившиеся от тех времен элементы культуры, менталитета, или же обобщенно социально-культурные коды. Ослабление Орды, конкуренция с ней Крыма и Куликовская битва дали постепенно некоторое облегчение. Государство в общем умело драться в отдельных сражениях, но оно не было в состоянии обеспечить устойчивую безопасность своих границ и рост благосостояния населения ни в менеджериальном, ни в технологическом плане. За века жители приобрели привычку переносить тяготы, воевать без больших перерывов, нести тяжелые потери, выдерживать оборону при малых шансах на выживание. Это потом нашло воплощение в образе «удивительного русского солдата» как части культурных кодов или, по крайней мере, легенды.

Стоило Ивану III попытаться открыть окно в Европу, как последовали эмбарго 1490-х гг. со стороны Польши, Швеции и Ганзы: «С 1495 г. был запрещен ввоз меди, свинца, чугуна и проволоки из всех ливонских городов, а в 1498 г. к запрещенным товарам добавились пушки, кольчуги, латы, селитра...» (Хорошкевич, 1980, с. 38). А во время контроля над Нарвой в 1559 г. Иваном Грозным шведский король Густав I Ваза и польский король Сигизмунд I Август обратились за помощью к папе римскому, английской королеве Елизавете и другим европейским государствам, настаивая на прекращении торговли в Нарве, говоря о русском правителе: «...благодаря сему он укрепляется для побеждения всех прочих государей» (Зимин, 1982, с. 29).

После завоевания при Иване IV порта Нарва (находился под контролем Русского государства в 1558–1581 гг.) торговля пошла, но попытки удержать порт провалились по причинам как внутренним (репрессии при Иване Грозном, опричное разорение), так и внешним. Война на два фронта чуть не кончилась катастрофой в 1571–1572 гг. в связи с атакой со стороны Крымского ханства. Земец Воротынский с опричником князем Хворостининым в битве при Молодах победили несмотря ни на что, а то страна и до Смуты не дотянула бы. Постоянные войны на границах, разрушение селений и крепостей, увод народа в полон в XV–XVII вв. (как и ранее) подрывали воспроизводство и населения, и благосостояния. Трудно поработать с числами и описать эту экономику, но можно согласиться, что помимо строительства монастырей, храмов и укреплений мы не видим

создания более устойчивой дорожной инфраструктуры, развития широких ремесел (кроме Пушечного двора). У страны не было ни спокойных границ, ни устойчивой армии, ни широкой торговли на старте программы Ивана III на момент освобождения от Орды. Она включала в себя попытку прорыва к портам на Балтике, оборонительные усилия и союзы на южных границах, что реализовалось два века спустя при Петре Первом.

В. О. Ключевский очень ясно объяснил (1956, т. II, с. 211), как ежегодно примерно 65 тыс. вооруженных мужей обороняли южные границы (в общем недалеко от Москвы — по реке Оке) с апреля до сентября. Отметим, что эти вынужденные выходы на фронт происходили каждый год и отвлекали лучших людей на войну: «В продолжение XVI в. из года в год тысячи пограничного населения пропадали для страны, а десятки тысяч лучшего народа страны выступали на южную границу, чтобы прикрыть от плена и разорения обывателей центральных областей. Если представить себе, сколько времени и сил материальных и духовных гибло в этой однообразной и грубой, мучительной погоне за лукавым степным хищником, едва ли кто спросит, что делали люди Восточной Европы, когда Европа Западная достигала своих успехов в промышленности и торговле, в общезнании, в науках и искусствах» (Ключевский, 1956, т. II, с. 214). Мы полагаем, что аналогичные действия властей по охране южных границ Руси — Московского княжества и царства протекали и до, и после указанного периода.

В историях о Средневековой Европе нам очень нравятся рыцарские турниры, кодексы чести, рыцарские романы и служение дамам. Но нас в этом отношении интересует баланс времени военного класса — у них было время на культурное развитие между войнами. Российское дворянство (с боевыми холопами и мужиками) преимущественно воевало, зимовало, снова воевало, защищало города и опять отправлялось на границу как минимум раз в несколько лет. Между 1492 и 1595 гг. войны заняли 50 лет (Ключевский, 1956, т. II, с. 208). В. О. Ключевский пишет о XVI в., но вряд ли ситуация была сильно иной (для культурного и хозяйственного развития) до или после XVI в.

Нация формировалась и жила в ситуации, когда война, а не мир была нормой жизни государства, селений и семей. Стойкость, надежность, терпение и готовность умереть культивировались жизнью — наши нормы написаны кровью трагических событий истории, легендами и песнями о них. Так со времен хазар за тысячу лет и сформировались стойкий русский солдат и героический командир, воевода Шеин (прославившийся при обороне Смоленска в 1609–1611 гг.), петровские командиры, генералиссимус Суворов, хотя неровный состав командующих офицеров обогативался нередкими поражениями.

Изнурительная постоянная оборона границ вела к тяжелым потерям населения, жизни и времени талантливых людей, труда и материальных

активов. В современных терминах это означает постоянные высокие военные расходы, издержки на восстановление разрушенных городов, выкуп пленных. Этот образ жизни формировал огромное терпение, фатализм и самопожертвование, упорство в перенесении тягот. Условий, ресурсов и времени для «самовыражения», неторопливого развития права и свобод — на языке социально-культурных кодов — было крайне мало. Отсюда характерные элементы национального характера в поговорках: «Сам погибай, а товарища выручай!» и «Умри, но сделай!». Если искать художественную форму передачи и фиксации кодов, то это «Слово о Полку Игореве» и «Задонщина», призывы Сергия Радонежского, Козьмы Минаина и Авраамия Палицына, «Бородино» Михаила Лермонтова, «Полтава» Александра Пушкина, «Тарас Бульба» Николая Гоголя, вся литература о помощи сербам и болгарам.

Коренные особенности расселения и географии Московского княжества к концу XV в. во многом оставались теми же, что достались в 1696 г. Петру Первому. Разумеется, взятие Казани и Астрахани открыло дороги на Восток, торговля очень оживилась. Ретроспективно обычно вспоминают строительство монастырей и храмов, бесконечное восстановление и укрепление оборонительных сооружений и шедевры иконописи. Причина, провал в Ливонской войне, циклические смены побед и поражений с Польшей, разруха времен Смуты именно в центре страны во многом нивелировали приобретения и вложения ресурсов в инфраструктуру и человеческий капитал. Тридцатилетняя война и внутренние настроения в Польше, особенно демонстративное и упорное давление католицизма на православных и попытки подавления казачьего мира ослабили Речь Посполитую и раскололи Украину, отдав Москве левобережную ее часть с Киевом в 1654 г. на Переяславской раде. Относительно успешное «стабилизирующее» царствование царя Алексея Тишайшего при нелегком положении основной массы населения сопровождалось сменой побед и поражений в войнах с соседними империями, Соляным и Медным бунтами, восстанием Степана Разина.

Прежде чем перейти к структурным альтернативам Петра Первого на старте царствования предлагаем использовать для характеристики двух предшествующих веков термин «кольцевая колея». Под ней мы понимаем не просто «колею» зависимости от прошлого развития, что к данной эпохе вполне применимо. Кольцевая колея — это ловушка не только по направлению и воспроизводству характеристик развития, но и по «устойчивому» медленному вращению в предыдущих параметрах, без заметного прироста в развитии. Кольцевая колея России XVI–XVII вв. — зависимость от предыдущего развития, да еще и в повторяющемся режиме, со следующими свойствами.

Она была негативно устойчива, включала огромное отвлечение ресурсов на охрану границ и отражение набегов с юга и востока, нападений на погра-

ничные города с севера и запада, борьбу за возврат городов. Ресурсов на эволюционное развитие культуры и технологий в короткие мирные промежутки времени в борьбе с тремя сильными соседями не хватало — только на борьбу за «старину», «свои города и земли» и «царское достоинство». Военно-политические реалии и память о постоянных вторжениях, внешних и внутренних конфликтах порождали терпение к тяжести жизни, самопожертвование как регулярную необходимость и готовность к концентрации оборонительных ресурсов.

Ресурсы уходили на внутренние распри, хотя были перемены в управлении. Инерционное управление и интриги бояр, нестабильное престолонаследие, сохранение полупрофессиональной армии в формате семейных стрельцов обуславливали значительное замедление социально-политического прогресса; экспорт через посредников при эмбарго на импорт металлов (окольные пути и посреднические ренты) создавали столь большие потери, что их трудно оценить. Так что в современных терминах норма накопления была низкой, инфраструктура отставала, из «простого производства» выйти было трудно.

К воцарению Петра Первого мы видим не столь много научно-технического прогресса, хотя книги печатали и пушечный двор работал. Разрыв в развитии в XVII—XVIII вв. еще был относительно невелик — его можно было до какой-то степени закрыть импортом технологий, но мешали войны. Петру пришлось ставить заново «профессиональное и дополнительное» образования в современных терминах.

История России перед приходом Петра Первого — это жизнь нации между тремя империями: Шведской — на подъеме, Польской¹ и Османской — в начале упадка (в отношении последней это подчеркивает провал осады Вены в 1684 г.). Россия прижата к Северу и Сибири, но там развивались добыча пушнины и торговый транзит с иными странами, пока еще в отсутствие знаменитой много позднее добычи минеральных ресурсов. В 1619–1689 гг. происходило постепенное восстановление экономики на фоне Тридцатилетней войны в Европе, внутренних политических конфликтов (помимо внешних) в Польше. Если бы не проблемы со здоровьем в династии Романовых, то все так и шло бы в государстве — малыми шагами вроде отмены местничества. Примером может служить некоторое оживление ситуации перед и во время правления царевны Софьи с боярином Василием Голицыным. Ретроспективно мы видим невысокие урожаи (с учетом факторов почвы и климата), большие военные расходы на границе до Батыев, а потом до Ивана III сосуществование бремени двух рент (Орде и князю) на плечах работоспособного населения, потом снова войны до Петра.

¹ Конечно, Речь Посполитая не называла себя империей, хотя, по нашему мнению, контроль больших пространств и групп населения с другими языками и религиями был более жестким, чем в иной империи.

Ситуация на Западе несколько менялась к концу XVII в., создав несколько неожиданно «окно возможностей». Идея большой коалиции против турок принесла так называемый «Вечный мир» с Польшей 1686 г., который вернул Смоленск России¹. Но после Переяславской Рады 1654 г. были поражения на Западе и два поражения Голицына в Крыму. Так что после 200 лет после Ивана III мы видим скорее провал его программы на Балтике, тупик в Крыму, переменные успехи в военных конфликтах с Речью Посполитой.

У юного Петра при сложившемся режиме не было бы никаких перспектив как у правителя, кроме как продолжения движения в кольцевой колее по прежнему циклу. Образование будущего императора в селе Преображенском и в Немецкой слободе включало много вольностей, которых не было дано принцам крови во всей Европе. Но в нем не было места Адаму Смиту по естественным причинам (он родился в 1723 г.), так что трудно было надеяться, что удаленный от царского двора царевич станет либералом в экономических науках.

В стране оставалась низкой норма накопления — шел инерционный экономический рост за счет увеличения народонаселения, экстенсивного наращивания ресурсов. Медленное движение на Урал, в Сибирь и далее на восток давало торговые доходы. Ни о какой империи речь не велась. Стартовая объективная задача Северной войны была в сущности очень скромная: получать технологии без эмбарго у соседей и снять грабительскую ренту с экспорта на перевалках в Прибалтике.

Шведская империя стала угрозой позже Польской и Османской, но зато действовала более организованно и жестко, обладая собственной черной и цветной металлургией и не имея внутренних раздоров вроде польского «либерум вето». Соседние империи действовали по отношению к России в режиме игры с нулевой суммой. Исключение составляет эпизод попытки включения российских ресурсов в борьбу с Турцией при Царевне Софье и при Великом Посольстве Петра². Так что вся история того времени, если взглянуть из России, — это борьба трех империй (с конкурирующими религиями) друг против друга и четвертого претендента — России — со своей религией. Теперь это можно назвать «превентивным сдерживанием опасного соседа», что, конечно, не делало этого соседа ручным.

Российское государство к 1682–1700 гг. вышло из катастрофических последствий Смуты с точки зрения внутренней организации, сохранило границы, но потеряло время для развития — еще один век. В правление Софьи удалось стабилизировать внешнюю ситуацию с Польшей, подписав «Вечный мир» 1686 г. Но поражения В. Голицына на Перекопе свели

¹ Не был ратифицирован Польшей до 1711 г.

² Нечто вроде этого наблюдалось перед Первой мировой войной — франко-бельгийские технологии и капиталы шли в Россию для подготовки войны с Германией.

ситуацию к патовой. Усиление Швеции в Европе ослабило Польшу и поставило Швецию в традиционный конфликт с Англией.

Но, строго говоря, Россия выглядит обреченной на жизнь на периферии Европы. Вряд ли есть сомнения, что национальные историки имеют тенденцию рассматривать попытку выйти из неудобной колеи соседями как нарушение стабильности, ревизионизм и агрессию, тогда как аналогичные действия «своей стороны» чаще трактуются как защита традиций, вынужденная оборона и благородное поведение — исторических «защепок» всегда хватает на все варианты. Значительная часть жизни военного класса страны проходит на фронтире, и это влияет на социокультурные коды. И военные ориентиры эпохи Петра «до Полтавы» связаны с этим. Мы исходим из того, что огромная масса аграрного населения имела мировосприятие, определявшееся удаленностью поселений, тяжелой жизнью и информацией от православных священников. Это уже после Полтавы и формирования империи русский солдат оказался втянутым в европейские дела, как все остальные солдаты народов Европы того времени (хорошо хоть не в Тридцатилетней войне).

Структурные альтернативы Петра Первого по состоянию на 1700 г. можно представить следующим образом:

А. Царствовать по старине: Русское государство сохраняет позиции между тремя империями, власть Патриарха и положение бояр, продолжаютя «циклические» войны по границам.

Б. Начать со структурных реформ на 20 лет: преобразования Думы и приказов (действующих со времен Ивана IV); формирования дворянства; расширения конкуренции у купечества и ремесленников; введения земского самоуправления и постепенного отхода от крепостничества (как в 1860-х гг.). При этом альтернативы разовому общему освобождению крестьянства нет — это подорвало бы материальную базу дворянства как военного класса. То есть это потребовало бы мира на поколения.

В. Реализовывать программу Ивана III рывком: руководствоваться концепцией Третьего Рима; пробить «окно в Европу» (через Османскую и/или Шведскую империю) для снижения потерь при экспорте и преодоления эмбарго на импорт технологий; военным путем снизить угрозы от двух империй (Османской и Польской), пробить «окно» и стабилизировать границу со Швецией.

Культурные коды населения России на XVII—XVIII вв. — беглый взгляд

Институциональный подход к прошлому, естественно, затруднен не только ограниченностью информации о состоянии умов пять—десять веков назад. Не меньшей проблемой стало, видимо, различие взглядов на российскую историю, огромный размах между ее героизацией в траги-

ческих тонах и противоположными тенденциями подачи истории страны как вечно отсталого и неудачного процесса.

С нашей точки зрения реформирование «кода» элит племен Русской лесостепной равнины стартовало с варяга, добавившего к своей лодке коня. В Западной Европе викинги освоили города и тяжелую кавалерию, а у нас — кавалерию, способную воевать с кочевниками. Военно-политическая история Руси (у нас нет места в этой работе на подробное осмысление развития культуры) — это походы в Византию, борьба с хазарами и в целом противостояние со Степью с регулярными наступлениями очередной орды из Азии. Потом резкий поворот к Византии — Крещение Руси в 988 г. Сформировалась следующая модель: бесконечные пограничные войны со Степью (форма вооруженного сосуществования). Заметим, что защита православной веры шла по своим границам, без участия в крестовых походах, но с обороной от давления католицизма (после Схизмы 1054 г.). Среди ключевых факторов жизни страны «со времен хазар» мы полагаем вечную войну на границе со Степью, означающую менталитет ожидания войны, походов, потерь, сложности создания и сохранения материального и духовного капитала, фатализм и самопожертвование на индивидуальном уровне. Оговоримся, что вынуждены в этой работе ограничиться тем реальным миром, в котором жили «господствующие классы», как сказали бы марксисты: князья, духовенство, дружины и какая-то часть купечества. Народное творчество, многие внутренние достижения: это еще и деревянное и каменное зодчество, былины и сказки, иконы и берестяные грамоты, республиканские правила Новгорода и законы Ярослава Мудрого, — мы, разумеется, почитаем. Много интересного для нас сейчас было в Москве и Великом Новгороде, но если поделить это на двести лет (XVI—XVII вв.), то окажется, что прогресс был невелик! Уникальная геополитическая конфигурация уводит к зрительному образу наших культурных кодов: «Три богатыря» на границе — вместе это заняло период как минимум от Аваров до Монголов — не как конкретный факт, а как демонстрация необходимости постоянного контроля границы.

Идея свободы в нашей традиции — это скорее «вольность». И в 1700-х гг. вольность — это независимость от всякого контроля, справедливость как равенство, казачество как путь выхода из-под тягот. Немногочисленное, разбросанное по территории дворянство, боярское правление — концентрация прав в Думе, старина как неспособность к адаптации, отсутствие вертикальных лифтов внутри старого режима — это ситуация наверху общества, означавшая феноменальную зависимость от личности царя.

Известный историк Б. Н. Миронов дает замечательную характеристику народным взглядам на общественные отношения, которая характерна во всяком случае для XVIII в., в частности зависимость, признание себя ниже барина: «В соответствии с “патриархальными понятиями” людей

подчиненный считал себя “темным человеком”, которого надо наставлять, и наказание считал наукой. Сказанное вовсе не означает, что народу были чужды понятие свободы, любовь и стремление к ней. **Свобода в народном понимании означала полную автономию от государства** и освобождение от всех обязательств, налогов и повинностей в пользу как государства, так и частных лиц. Народным идеалом служилое казацкое устройство, подразумевавшее полное самоуправление, решение всех вопросов на общем сходе, выборные власть и суд, полное равенство, уравнилительное распределение земли и прочей собственности между всеми. Подобное понимание свободы вступало в непримиримый конфликт с существующим общественным порядком...» (Миронов, 2003, с. 372).

Фактор открывшихся пространств на востоке, огромного поля и казацких анклавов на юге оставлял населению шанс «голосования ногами». В. Ключевский видел даже в XIX в. причины небрежности в быту в переселенческом менталитете. Он отмечает переселенческий характер страны и просторы (Ключевский, 1956, т. II, с. 71). Мы добавим Степь и казацкие войска вне боярского контроля — хоть далеко, но было куда бежать...

Код недоверия к будущему имел, по нашему мнению, простые основания: эксплуатация своими или грабеж чужими элементами всех видов в сочетании с войнами. В результате в состав кода входят небрежность и пренебрежительное отношение к материальному богатству, которое «не так жалко», если отнимут или сгорит... Добавим привычку к гибели, сгоранию или отъему активов как источнику фатализма, небрежности и готовности к движению дальше, а также упрямству при попытке заставить жить так, чтобы можно было держать за горло труженика. Отсюда и «красный пепух» как простая доступная и радикальная форма освобождения от имущества (своего и чужого) и забот о нем. В этих условиях не может быть разговора про «расширенное воспроизводство» — удачей было бы и простое с типичными урожаями ржи в «сам-три».

Попытка приказного введения нового сложного института сталкивается с действующим культурным кодом — недоверием. Применительно к развитию торговли и промышленности «кумпанства» не пошли. «В 1699 г. Петр Великий предписал русским купцам торговать, как торгуют в других государствах, компаниями, складывая свои капиталы. Дело по непривычке и недостатку доверия шло туго» (Ключевский, 1956, т. III, с. 27). Но был и еще фактор — время, ведь остро встала необходимость быстро перевооружения, снабжения армии, строительства Петербурга и флота. Как выяснится потом, развитие уральской промышленности на базе крепостного права дало определенные результаты в XVIII в., но стало частью общего торможения социального развития. Но в целом, как пишут А. А. Аузан и Е. Н. Никишина (2021, с. 94): «Классический пример культурных сдвигов будет о России. Это петровские реформы, смена прежнего уклада, “прорубание” окна в Европу».

Критика реформ Петра Первого в этом аспекте идет только с позиции XX—XXI вв. Продолжение вращения страны между трех империй без прямого выхода к морской торговле должно рассматриваться как неизбежная составляющая альтернативы Северной войне или проигрышу войны. И в этом случае «эволюционный» путь модернизации страны мог занять неопределенно много времени и с большими внешнеполитическими рисками и препятствиями, так что вопрос отставания должен оцениваться с учетом низкой скорости развития в «кольцевой колее». Идея перестроить культурные коды москвитов, «не выходя» из кольцевой колеи, представляется мало перспективной. Петр пытался заставить население царства жить иначе, но пределы возможной быстрой перестройки культурных кодов серьезно ограничивали его возможности, даже если бы он ставил себе такую задачу.

Спонтанный запуск проекта «Война и Реформы»

Периодизация собственно эпохи Петра может выглядеть следующим образом:

- до 1698 г. — взятие Азова, конфликт с Османской империей и Великое посольство (включившее поиск союза против турок);
- неудачный старт Северной войны и вынужденная оборонительная стратегия 1700—1709 гг.;
- трудная реализация военного успеха в 1710—1715 гг.;
- победа в войне и сокрушение Шведской империи в сочетании с внутренними реформами, ознаменовавшие основание своей империи, в 1715—1723 гг.

Ранний период деятельности Петра внутри страны — это утверждение своей власти и подавление оппозиции, демонстрация жесткости и монополии на насилие. Интерес Петра Первого к внешнему миру, любопытство, включение иностранцев и компании вокруг Меншикова в процесс управления обусловили некоторое накопление опыта взаимодействия с этим внешним миром. Но до 28-летнего возраста речь идет о накоплении знаний при сохранении старой внешней политики: Азовских походов во главе еще старой армии, хотя и с потешными полками и первыми кораблями.

Война со Швецией — строго говоря, это авантюра с негодными командными кадрами и старой армией, а период от 22 февраля 1700 г. до июня 1709 г., или от Нарвы до Полтавы — это оборонительная война. Петр поставил первым приоритетом «окно», чтобы наладить торговлю и трансферт технологий и ноу-хау, что указывает на выбор в пользу модернизации вместо традиционного лобового столкновения со слабеющей, но опасной Речью Посполитой.

Выход к портам Балтийского залива — это кампания осени 1713 г. — зимы 1714 г. (Рига, Ревель, потом финские порты). Развитие в этот период

нового города на болоте по примеру Амстердама — Санкт-Петербурга — имело как символическое значение, так и предоставляло запасной порт на случай провала войны. От Полтавской победы до Ништадского мира прошла смена целей войны, а также были осуществлены шаги по модернизации управления и экономики для Империи де-факто, потом де-юре. Южное направление было отложено до Екатерины Великой.

Стоит отметить несколько военно-политических катастроф вне России, которые несколько «улучшили» внешние условия. Ослабив конкурентов, они дали России время для заживления ран, т.е. для накапливания ресурсов при низкой производительности:

- а) Тридцатилетняя война, которая дала Европе ужасное разорительное занятие с 1618 г. до Вестфальского мира;
- б) укрепление внутренних настроений среди знати и шляхты в Речи Посполитой, особенно «либерум вето» и давление на православие (при Сигизмунде II);
- в) Украинская Руина, Переяславская Рада и закрепление Левобережной Украины за Россией, которые означали для России стратегические приобретения с выходом к причерноморским степям;
- г) ослабление Турции с провалом осады Вены в 1684 г. значило также концентрацию европейских ресурсов на противнике с юга с надеждой втянуть Россию в масштабную войну с Турцией;
- д) 90-летняя военная гегемония Швеции в Северной, Центральной и Восточной Европе, продолжавшаяся от Густава Адольфа Ваза («Ледяной король») до Карла XII Ваза, которая также дала время России немного укрепиться.

Однако этих возможностей было недостаточно для решения проблемы безопасности: прекращения войн по западной границе страны. Нерешенные проблемы страны после минимального освоения Урала и закрепления в Сибири включали:

- а) проблемы с престолонаследием каждые два поколения. Неустойчивость династий при множестве жен, плохом здоровье царей и наследников и плохой медицине случалась каждые полвека;
- б) боярский контроль над государственными делами с местничеством и интригами;
- в) высокие военные издержки, обусловленные частотой войн: за Крым, против Швеции и Польши, а также незабытой Смутой;
- г) большие потери ренты при экспорте через посредников и неустойчивость поставок импортных товаров через Балтику;
- д) дворянская армия со стрельцами, которая в XVIII в. была бы гарантией прежнего чередования побед и поражений;
- е) экспорт сырья — импорт товаров для армии и боярского, купеческого, дворянского потребления;
- ж) отсутствие массового производства металлов и, соответственно, вооружений;

- з) слабые государственные финансы и бедность населения;
- и) неудовлетворительная транспортная инфраструктура, внутренняя и портовая (только Архангельск).

Нужен был выход из «кольцевой колеи», т.е. временной интервал, в котором при сочетании внешних относительно благоприятных факторов можно было осуществить «прорубание окна в Европу». Для России это было выгодно: эффект от «окна» дает повышение экспортных доходов за счет снятия ренты посредников. Конкуренция со стороны импортных товаров сдерживала бы внутреннее производство, но не на стартовом моменте, когда требовалось импортировать товары, которые не производились в стране или производились в недостаточном объеме. Более того, конкуренция экспортеров товаров и услуг извне давала определенные выигрыши импортеру (с элементами монополии).

Наблюдаемые сдвиги и средства их достижения

Северная война шла по мере формирования армии и флота, которые надо было обеспечивать людьми, финансами, вооружениями. Первое и основное направление деятельности Петра Первого — война и армия. Мы оставляем историкам и экономистам все детали рекрутских наборов, найма иностранных офицеров и специалистов, конфискацию колоколов после потери артиллерии под Нарвой в 1700 г. и формирование уральской военно-промышленной базы. Армия несла потери, плюс, как мы знаем, большие потери рекрутов были в полках (из-за болезней и плохого содержания), а также на строительстве Санкт-Петербурга и каналов.

Формирование двухсоттысячной армии означало мобилизацию полупроцента населения в начале XVIII в., что сопоставимо с ситуацией 1900 г. (Григорьев, Морозкина, 2021, с. 55). Суммарная численность войск была огромной и явно превышала армии «мирного времени» в боярской России: «К концу царствования Петра регулярная армия насчитывала в своих рядах более 200 тысяч солдат всех родов войск и свыше 100 тысяч нерегулярной казачьей конницы и калмыцкой кавалерии. Для 13 млн населения петровской России это было тяжелое бремя — содержать и кормить такое многочисленное войско. По смете, составленной в 1710 г., на содержание полевой армии, гарнизонов и флота, на артиллерию и другие военные расходы шло немногим более трех миллионов рублей, тогда как на остальные нужды казна тратила только 800 тысяч с небольшим: войско поглощало 78% всего бюджета расходов» (История России. Налоги и финансы России при Петре Великом, 1954). «К 1724 г. их насчитывалось уже 8,52 млн руб.» (ИНФОРМАРУС).

Деловая оценка результатов деятельности Петра со стороны британцев носит почти восторженный характер, особенно армии: «В 1724 г.

она эффективно насчитывала 131,400 пехоты и 38,400 кавалерии, блестяще натренированной и экипированной ... Издержки на армию составляли 4 миллиона рублей в год, что было основной статьей бюджета России» (Britannica, 2022). Армия и флот требовали снабжения и финансирования — вряд ли нужно повторять здесь, что стране это было тяжело, а с учетом коррупции — очень тяжело. Для порядка отметим, что это выглядит большой нормой, но в Европе тоже были подобные параметры военных бюджетов (Eloganta, 2005). Гигантские военные бюджеты как основные элементы расходов стран, за исключением расходов на содержание двора, были нормой. Есть оценки для Британской империи: «...в период 1685—1813 гг. средняя доля английского оборонного бюджета составляла 74,6 процента, никогда не опускаясь ниже 55 процентов за указанный период. Несмотря на числа Тридцатилетняя война была конфликтом напрямую сопоставимым с мировыми войнами в терминах разрушений. Например, Шарль Тилли оценил боевые потери выше двух миллионов человек» (Ibid).

Старт Северной войны был плачевным для России. Контраст между лучшей армией Европы и королем Карлом против конгломерата разнородных войск с плохим управлением был громадным. Фактически только «потешные» в своей основе полки выдержали пробу огнем. В дальнейшем именно они играли разнообразные роли от функций гвардии с парадными и охранными полномочиями, опоры линии армии (или резерва) на поле боя до спецназа и морского десанта. И начали они это делать это спустя десятилетие после изобретения этой потехи царевича Петра. Остается гадать, понимал ли будущий император функции потешных войск изначально только как форму развлечения, или же он и его окружение подумывали о будущей роли специальных частей. Состояние войны было «нормальным» для великих держав XVII—XVIII вв., так что российская ситуация в этом отношении выделяется главным образом переходом от оборонительных войн к активным наступательным действиям против традиционных империй.

Начав с четырех добротных полков плюс дворянской конницы, Петр достиг уровня боеспособной армии через восемь лет — к битве при Лесной. И в разнородных столкновениях с частями шведской армии российские подразделения в основном уже побеждали, хотя не без помощи превосходящей численности. Армия с ее солдатами, офицерами и генералами, которая одерживает серию побед, приобретает уверенность, кураж и адекватность обстановке (это тоже важные социально-психологические коды). Реформы государственного управления нуждались в кадрах, и гвардия становится кузницей кадров.

Страны воевали растущими армиями, причем российская выглядит большой потому, что польские и турецкие войска не учтены (табл. 1).

Размер европейских армий, 1470–1814 гг. (тыс. человек)

Годы	Франция	Испания	Нидерланды	Великобритания	Швеция	Россия
1630-е	150	300	50	—	45	35
1650-е	100	100	29	70	70	—
1670-е	120	70	110	15	63	130
1700-е	400	50	100	87	100	170
1812–14	600	—	—	250	—	500

Источник: (Maddison, 2001, p. 81).

За подготовкой армии к борьбе с тремя империями стоит финансовая мобилизация внутренних ресурсов: заказы вооружения, обмундирования, лошадей и т.д. Параллельно шло строительство Санкт-Петербурга, которое представляло собой гигантское отвлечение ресурсов от остальной страны, долгосрочный проект, урбанистическую новацию для Руси и важнейший инженерный эксперимент.

Петру не удалось на ранней стадии войны взять Нарву и Ригу, чтобы открыть традиционное «окно в Европу», а на разгром Шведской империи тогда рассчитывать было бы странно. Так что был запущен в дело «план создания Окна», причем издержки создания нового порта и столицы были огромными. Но к 1723 г. Санкт-Петербург — это уже лицо Империи! Создание «города царской мечты», «Амстердама» в устье Невы на болоте, имело стратегическое и символическое значение. Петербург — это, видимо, первая столица, созданная в Новое время для изменения характера управления, обновления кадров, смещения центров роста и иных стратегических задач. И это способ перевоспитания населения, значительный толчок градостроительству, ремеслам, разработке ресурсов, каналам и дорогам. Петербург — первый в мире урбанистический драйвер для страны, хотя в ущерб другим городам на поколение. Но ремесла там уже другие — это не оборонительные стены, а каналы, дворцы, искусство, роскошь. Заодно — что немаловажно — государственная служба отрывалась от старой боярской бюрократии и их московских кадров. Налоговая реформа дала средства, хотя тяжело досталась населению, сократив, по всей видимости, и личное потребление, и гражданское строительство по стране: с полутора миллионов рублей собранных налогов в 1680 г. до восьми с половиной в 1724 г. (ИНФОРМАРУС).

Налоги собирались с трудом, частично разворачивались. Тяжело досталось купцам, которые занимались традиционной (по сути внешней) торговлей от Сибири до Европы через Архангельск или Ригу. Они были естественным объектом налогового давления и оскудели. Одновременно богатели те элементы купечества, которые двинулись в военную промыш-

ленность, обеспечение армии и флота на госзаказах. Денежная аристократия росла на откупах. Первоначальное накопление в военных и обеспечивающих отраслях легло на бюджет, способствуя обогащению Демидовых и Строгановых. Институциональное решение оказалось под руками — это крепостная промышленность при иностранных мастерах. А. А. Аузан и Е. Н. Никишина отмечают (2021, с. 139): «Попытки преобразования — например, реформы Петра I — давали определенные эффекты, но в них была одна удивительная особенность. В противоположность похожим меркантилистским реформам Кольбера во Франции крепостничество используется для реформ».

Здесь мы вынуждены, при полном отсутствии у нас склонности к крепостничеству как к человеческому институту или институту развития, дать минимум три ремарки. Петром решалась проблема снабжения армии во время войны и выбор средств был невелик. Франция к периоду меркантилизма Кольбера давно рассталась с крепостным правом — простой перенос институтов был невозможен (как и в конце XX в.). Потом это негативно скажется на развитии, но в тот момент концентрация ресурсов вольным наймом вряд ли сработала бы — или это предмет отдельного анализа. Важным стало самообеспечение вооружениями и снаряжением — отсюда мануфактуры, основанные на крепостных и иностранных специалистах, но дававшие товары и опыт (История России. Налоги и финансы России при Петре Великом, 1954).

Процесс рекрутирования солдат, выдвижения младших командиров, перераспределения кадров через гвардейские («потешные» и прочие) полки сопровождался огромной смертностью не только на поле боя, но в казармах рекрутов, на строительстве. Вел ли этот процесс к подрыву демографического воспроизводства, гибели производительного населения — это вопрос отношения к содержанию и результатам войн и реформ Петра Первого: это чрезмерно высокие издержки по сравнению с возможными при более гуманном и рациональном отношении к людям. В те жестокие времена ждать человечности от монополиста на насилие хотелось бы тем, кто стремится несколько приукрасить образ Петра Великого и затенить его беспощадность к простым людям.

«Некоторые эпохи... были поистине роковыми для нас. Одной из них является эпоха Петра, “мироеда, переевшего весь мир”... Внешнее величие России он купил ценой, стоившей всей ее будущности. В последующем это и сказалось в усилении рабства, в столетнем топтании на месте культурного развития масс и во многом другом, вплоть до нашего времени. ... всей нашей историей, особенно при Петре и после Петра, мы дрессировались в направлении военного социализма» (Сорокин, 2008, с. 106).

Нам кажется несколько чрезмерной негативная трактовка Питирима Сорокина, которую мы приводим для полноты картины и из уважения к великому ученому. Что касается самой дискуссии по демографии периода царствования Петра Первого, то быстрый рост населения

Империи в XVIII в. скорее свидетельствует о сохранении демографической базы, по сопоставимым переписям: в 1678 г. — это 11,2 млн человек; 1719 г. — 15,6 млн; 1762 г. — 23,2 млн (Миронов, 2003, с. 20). Представляется важным напомнить, что в предыдущие века огромные военные потери (при поражениях), массовые угоны пленных, тяжелые длительные войны на территории Московии с разгромами городов и потерями гражданского населения должны быть учтены как ликвидированные негативные демографические факторы при анализе последствий деятельности Петра Первого.

Итоги двадцати лет войны и новые структурные альтернативы

Начало правления Петра отличалось не столько значительным образованием и интересом во всему западному. В первый период (до 1700 г.) он отличался огромной жизненной энергией, любопытством к военному делу и свободной жизни в селе Преображенском вне давления двора и бояр. К последнему его выталкивали династическая борьба и фактическое отстранение от престола (со страхом за свою жизнь) до 17 лет (т.е. до 1689 г.). Сначала надо было выжить и сформировать личный социопсихологический код — код самодержца, монополиста на насилие и человека, дающего достоверные обещания. Его он сформировал и предъявил во время стрелецких бунтов и заговоров сестры. Колебания по этому пункту были бы самоубийственны в нашем Отечестве. Природное любопытство и знакомство с Европой в 24—25 лет от роду еще не сделало из него реформатора.

Возникает ключевой вопрос: кто Петр Первый — это предприниматель по Шумпетеру, т.е. субъект, который вырывает хозяйство из рыночного оборота, переводит его в русло экономического развития и преодолевает транзакционные издержки? Тогда «окно в Европу» надо рассматривать как способ начать торговать, улучшать благосостояние. И он создал потенциальную возможность для этого. Или же Петр I — царь, который заложил основы жесткого абсолютизма и экстрактивных институтов, вступивших в российский случае в противоречие с экономическими институтами, способными привести к росту благосостояния населения в долгосрочном плане? Поскольку крепостное право — черта абсолютизма — оно существенно затрудняло создание свободного рынка, что, в свою очередь, не допускало значительную часть крестьянского населения участвовать в выдвижении идей и внедрении технологий. Он начал создание системы, в котором за XVIII в. образовался страх элитарных групп перед созидательным разрушением. Как пишут Дж. Робинсон и Д. Аджемоглу, «в российских придворных кругах преобладал страх перед созидательным разрушением, которое могло быть порождено развитием промышленности и железных дорог. В царствование Николая I выразителем подобных настроений был граф Егор Канкрин, занимавший

пост министра финансов в 1823—1844 гг. Канкрин сыграл ведущую роль в противостоянии изменениям в обществе, которые открыли бы путь к экономическому процветанию. ... Взгляды Канкрина были продиктованы страхом, что экономические изменения повлекут за собой изменения политические, и тех же воззрений придерживался и царь Николай» (Аджемоглу, Робинсон, 2015, с. 492—493). Фактически речь идет о застое времен Николая I, который действительно потерял для развития нашей страны два поколения. Но мы полагаем, что Петр I дал шанс стране, но не мог в условиях войны и не имел времени после нее реформировать социально-экономическую сферу. Этой задачи у него не было — он свои проблемы решил и несправедливо «вешать» на него ответственность за провалы последующих поколений.

В ходе петровских реформ фактор времени стал сказываться к концу его царствования — постепенно пошел подбор кадров, от генералов вниз, и за 20 лет в этот процесс включилось уже и среднее звено. Уже в 1709—1714 гг. заметен рост ролей русских генералов: А. Д. Меншикова, Б. П. Шереметева, Ф. М. Апраксина, М. М. Голицына. Новые люди (в частности из «простых») в управлении страной, оказавшись среди бояр, купцов и иностранцев, во многом оказались подвержены греху коррупции. Но и «старые» воровали в связи с ростом бюджета и военных заказов, как и в Европе. «Новым деятелям» хотелось вклиниться в систему аристократии.

Россия переформатировалась в холеричную, бросающуюся во все стороны империю. Ни сам царь, ни его окружение и армейская, управляющая элита вплоть до Ништадского мира не могли быть уверены в успехе войны (что и показал Прутский поход). Но задачи все время менялись и усложнялись: новые немецкие (по населению) города в Прибалтике, уральские заводы; национальные образования на Волге и Урале; расширение состава профессиональных военных, рекрутированные иностранцы... Состав вольных или невольных носителей преобразований формировался четверть века при жизни Петра.

По ходу дела — примерно к 1715 г. — реформы стали меняться на более систематические внутри, а внешние задачи окончательно ушли от обороны границ (с отложенной проблемой еще открытого нападения Юга). Оборонительная патриотическая война за обеспечение мира по границам и за «окно» в Европу превращалась во внешнюю экспансию. Усилия по формированию армии после Нарвы, серия частных побед не гарантировали общего успеха, победы над лучшей армией Европы во главе с гением. Ослабление армии Карла XII в России за зиму 1708—1709 гг. было важным фактором поражения под Полтавой, но туда еще надо было пройти длинный путь. В какой-то мере фактор предательства Мазепы сыграл важную роль в маршруте Карла XII с армией к военной катастрофе. Карл XII прошел к своему разгрому единственным путем: непрерывная война в Польше; необязательное вторжение в Россию; потеря обоза неудачника

Левенгаупта; сожженные припасы в Батурине; зимовка в 30-градусные морозы в лесу всей армией. Если бы предательства Мазепы не было — его надо было придумать.

Фактические результаты Полтавы — успех военной реформы, но в более глобальном смысле эта выигранная битва, фантастическая по значению своих последствий для истории России, Швеции и Европы (да и всего мира). Она стала доказательством успеха реформ и усилий царя и общества, фактически сданным экзаменом. И не в конце дня битвы, а только после капитуляции армии, бегства короля Карла стало ясно, что основная задача — прорубание «окна» — действительно может быть не только выполнена, но и «перевыполнена».

Полтава и военные шаги на Юге и в Прибалтике в 1709–1715 гг. меняли ситуацию в государстве. Менялись социально-психологические коды российской элиты и служивого дворянства, менялись навсегда. И путь от царства к империи уже потребовал — в 1715–1723 гг. — гражданских реформ. «Перекодировка» шла сверху вниз, по мере и степени вовлеченности общественности групп и слоев в активную жизнь. В эти два периода внутренние реформы охватили многие области жизни, что включало копирование шведского опыта. Создание Сената, табель о рангах и обязательная служба дворян — вот система перекодировки. Петр осваивал новые территории страны и готовился стать не просто Царем Московским с большой гордыней и территорией, но опасными границами и соседями. Он уже помазанник Божий и, возможно, вспоминал Византийского Кесаря, но Константинополь пришлось отложить на будущее. Через два с половиной века после падения Константинополя Петр стал императором православной империи.

Ништадтский мир 1721 г. и коронация 1723 г. — уже только оформление и закрепление смены социально-культурных кодов, реформ успешных и не состоявшихся. Это означало появление новых кодов двора, знати, дворянства, армии — коды победителей империй, генералов и битв. За 20 лет он создал империю, решил проблемы страны, как их понимали политические элиты ведущих стран в «Век Разума». Вряд ли он мог успеть за два десятилетия войн с империями еще и гражданское общество насадить, образование и науку поднять до европейского уровня. Но ведь через сто лет многое смогли перенять и развить — а там и Пушкин пришел. Петру удалось главное: прекратить на сто лет войны на территории Руси; задействовать уральские ресурсы; построить Санкт-Петербург — первую новую столицу с таким размахом в Европе; соблазнить боярскую элиту и дворянство на строительство империи; внедрить массу способных людей в управление; провести административные реформы, которые дали расширение служивого класса через обязательность службы (новый код) вместо вызовов в походы; подтолкнуть торговлю и ремесла за счет спроса со стороны государства и дворян; привлечь технологии и учителей с Запада, что обес-

печило толчок к образованию; осуществить первоначальное накопление капитала через государственные заказы (с элементами монополии) и привилегии. Экономические институты рынка получили стимул к развитию рыночного хозяйства, хотя полномасштабный поворот к нему еще не состоялся... А приспособление крепостного права в промышленности стало технократическим институтом мобилизации экономических ресурсов, но социальным тормозом развития в будущем. В истории так бывает — например, Декларация независимости США не отменила рабство из текущих политических соображений, что сказывается до сих пор.

Петру не удалось многое: создать устойчивую систему престолонаследия; новую аристократию с ориентацией на модернизацию ближе к Европе, а не только на развитие империи... Он не смог прикрыть южные границы (Крым и степь); а огромные людские потери и финансовые издержки означали, что продолжение модернизации осталось «неустойчивым»; не удалось быстро восстановить и развить купечество. Крепостное право стало средством мобилизации экономики, и роль его затянулась, к сожалению, надолго, как и коррупция новых людей во власти, что стало следствием быстрого приобретения этого кода.

Выводы и соображения

Историческое окно возможностей может появиться, но нужно его узнать и использовать — «поймать» момент. Из окружения трех империй вырваться можно при полном напряжении сил. Противники делают ошибки, но неизвестно какие, где и когда — искусство угадать для лидера, видимо, важнее чисто полководческих талантов. Империи создаются харизматическими лидерами и авантюристами, потом приходят бюрократы и аристократы и осваивают бенефиции. Петр Первый решил проблему выхода из прежней «кольцевой колеи» и создал новые возможности развития для потомков. Структурные альтернативы Петра Первого на момент коронации его императором представляются следующими:

А. Назначить прогрессивного наследника, реорганизовать Сенат, образовать Палату Купцов с правом обсуждать бюджет, начать массовое образование, свободу торговли, начать освобождать крестьян ... и далее следовать по списку прогресса (как во время реформ 1860-х гг.).

Б. Замкнуться на идее Третьего Рима и двинуть армии на Константинополь вместе с Европой или без нее, чтобы победить все соседние империи сразу.

В. Создав империю, дать ей созреть самой, добывая две соседние империи (при временной ничьей с третьей). Учитывая усталость от преобразований, сытость элит и нехватку кадров, неясность «образа будущего» (копирование других империй?). В этом случае предстояло ждать 40 лет, пока Екатерина Великая не вернулась к стратегическому планированию.

Эволюционный путь движения к Европе путем постепенного накопления цивилизации без «окна» в оную Европу и при продолжении постоянных войн на границах с тремя империями был невозможен — этой структурной альтернативы не было ни до, ни после Северной войны в период жизни Реформатора. Упреки Петру Первому на сей счет можно посчитать за «маниловщину» — мол, почему он не создал новую систему европейских институтов: сидят на мосту мужики в лавках и конкурируют между собой качеством товаров в честной торговле разным полезным товаром — а бояре, по мосту гуляючи, прячут в рукавах своих бобровых шуб невидимые руки Адама Смита.

Старту идей Василия Голицына по освобождению крестьян помешало два «отсутствия»: поддержки элиты и побед в Крыму. Но при радикальной трансформации, ведь реформа 1861 г. была довольно продуманной (Васильев, 2021, с. 20), непонятно было бы, как перестроить одновременно систему собственности, налоговую систему, обеспечение призыва дворян в армию и т.п. в 1700 г. Бедная страна должна была бы содержать армию в процессе ликвидации дворянского владения крестьянами. Самодержавие могло не выдержать такого эксперимента над своим военным классом во время войны — Смута была всем памятна.

Исходный набор социокультурных кодов у населения в России был крайне далек от того, что вывел бы на устойчивое развитие эволюционным путем. Скорее коды (вроде мечты о «вольности») были тогда большой проблемой для реформ, чем подспорьем. Команду надо готовить заранее, хотя бы потешную, а в остальном приходится импровизировать — и для этого крайне важны вертикальные лифты.

Поражения учат инновациям и гибкости, а большие перспективы меняют людей, которые не мечтали стать маршалами в стране, где командовали родовитые бояре, но не было маршалов! Тяжелый кризис — 20 лет войны — перекодировал активных участников истории, но по-разному: элиты, дворян и служивый класс подвергаются этому процессу намного интенсивнее, чем сельское население.

Победы не гарантируют долгосрочные выигрыши! Сокрушив Шведскую империю, вложившись в сокрушение Польской империи, проиграв битву Османской империи, Россия вышла в трудный период адаптации к новым ролям и временам. Петр Первый решил проблему выхода из «кольцевой колеи», но фундаментальные экономические реформы берут время. Характер институтов собственности и рынка на старте определяют будущее надолго. И социокультурные коды при Петре Первом изменились от боярской стагнации к имперской активности, но еще не к инновациям в духе режима открытого доступа по Д. Норт (Норт и др., 2011). Ответственность за последующее развитие на него целиком не возложишь — он дал шанс, потомки распорядились им не слишком удачно.

Социально-экономические преобразования петровской эпохи решали главную задачу — победу в войне. Но они создали промышленность на базе крепостного права, расширили служивые слои и новую аристократию из старых бояр, новых «назначенцев» и аристократии откупов. Но это реалии эпохи. Они создали военно-промышленный комплекс, достаточный для борьбы с соседними империями. Петровская модернизация имела ограниченную стартовую целевую установку, «перевыполнила» ее и закрепила «не самые прогрессивные» институты собственности, которые потом трудно было изменить.

Царь Петр Первый настолько знаменит Полтавой, Петербургом и империей, что трудно оценивать его деятельность в рамках современных скучных концепций: догоняющее, устойчивое или неустойчивое развитие, институты развития, легитимизация наследия и т.п. Поэтому мы пошли другим путем: что объективно стояло на повестке дня России к 1700 г. и каковы были структурные альтернативы. Государство и общество прошли гигантскую трансформацию за одно поколение. И Россия внезапно сама стала империей со всеми вытекающими из этого последствиями. Социокультурные коды аристократии и дворянства изменились на следующие двести лет. Петр был царь и модернизацию проводил по-царски: как абсолютный монарх в пределах своего понимания приоритетов страны и институциональных механизмов достижения целей.

Список литературы

Аджемоглу, Д., & Робинсон, Дж. А. (2015). *Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты*. М.: АСТ.

Аузан, А. А., & Никишина, Е. Н. (2021). *Социокультурная экономика: как культура влияет на экономику, а экономика — на культуру: курс лекций*. М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова.

Беспалов, А. В. (2022). *Россия в Северной войне. Крах шведского великодержавия. 1709–1721*. М.: Вече.

Васильев, С. А. (2021). *Крестьянская реформа в России. Леонтьевский центр*. <https://leontief-centre.ru/book137>

Григорьев, Л., & Морозкина, А. (2021). *Успешная неустойчивая индустриализация мира, 1880–1913*. М.-СПб.: Нестор-История.

Зимин, А. А. (1982). *Россия времен Ивана Грозного*. М.: Наука.

ИНФОРМАРУС. *Экономические реформы Петра I Великого — развитие экономики и промышленности. Петр I Великий*. Дата обращения 09.01.2023, <https://petr1.рус/реформы/экономические/>

История России. Налоги и финансы России при Петре Великом. (1954). *Очерки истории СССР. Россия в первой четверти 18 века*. Институт Истории. М.: Издательство Академии наук СССР. Дата обращения 12.12.2022, <http://www.bibliotekar.ru/2-8-99-12-nalogi-finansy-pri-petre-1/9.htm>

Ключевский, В. О. (1956). *Сочинения*. В 8 т. Т. 1: Курс Русской истории. М.: Мысль.

Миронов, Б. Н. (2003). *Социальная история России периода Империи (XVIII — начало XX в.)*. В 2 т. Т. I. СПб.: Дмитрий Буланин.

- Новодворский, В. (1904). *Борьба за Ливонию между Москвой и Речью Посполитой (1570–1582)*. СПб.: Типография И. Н. Скороходова.
- Норт, Д., Уоллис, Дж., & Вайнгаст, Б. (2011). *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. М.: Изд-во Института Гайдара
- Пропп, В. (2021). *Русский героический эпос*. М.: КолЛиБри.
- Сорокин, П. А. (2008). *Экономист. Избранное. 1921–1922*. М.: Издательский дом «Территория будущего».
- Хорошкевич, Л. А. (1980). *Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в.* М.: Наука.
- Acemoglu, D. (2009). *Introduction to Modern Economic Growth*. New Jersey: Princeton University Press, 19.
- Britannica. (2022). *Russian Empire. The reign of Peter the Great*. Retrieved October 23, 2023, from <https://www.britannica.com/place/Russian-Empire/The-reign-of-Peter-the-Great>
- Eloranta, J. (2005). Military Spending Patterns in History. *Economic History Association Encyclopedia*. Retrieved January 13, 2023, from <https://eh.net/encyclopedia/military-spending-patterns-in-history/>
- Maddison, A. (2001). *The World Economy: A Millennial Perspective*. Paris: Development Center of the Organization for Economic Cooperation and Development.
- Tilly, C. (1990). *Coercion, Capital, and European States, AD 990–1990*. Cambridge: Basil Blackwell.

References

- Acemoglu, D., & Robinson, J. A. (2015). *Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. М.: AST.
- Auzan, A. A., & Nikishina, E. N. (2021). *Sociocultural Economics: How Culture Influences the Economy, and Economics Influences Culture: A Course of Lectures*. М.: Ekonomicheskij fakultet MGU imeni M. V. Lomonosova.
- Bespalov, A. V. (2022). *Russia in the Northern War. The collapse of the Swedish great power. 1709–1721*. М.: Veche.
- Grigoryev, L., & Morozkina, A. (2021). *The successful unsustainable industrialization of the world, 1880–1913*. М.-St. Petersburg: Nestor-Istorija.
- Horoshkevich, L. A. (1980). *The Russian state in the system of international relations of the late XV — early XVI century*. М.: Nauka.
- INFORMARUS. Economic reforms of Peter I the Great — the development of the economy and industry. Peter I the Great. Retrieved September 1, 2023, from <https://petr1.rus/reforms/economic/>
- Kljuchevskij, V. O. (1956). *Russian history course*. М.: Mysl.
- Mironov, B. N. (2003). *Social history of Russia in the period of the Empire (XVIII — early XX century)*. Vol. I. St. Petersburg: Dmitrij Bulanin.
- North, D., Wallis, J., & Weingast, B. (2011). *Violence and social orders. A conceptual framework for interpreting the written history of mankind*. М.: Izd-vo Instituta Gajdara
- Novodvorskiy, V. (1904). *The fight for Livonia between Moscow and the Commonwealth (1570–1582)*. St. Petersburg: Tipografiya I. N. Skorohodova.
- Propp, V. (2021). *Russian heroic epic*. М.: KoLiBri.
- Russian history. Taxes and finances of Russia under Peter the Great. (1954). *Oчерки istorii SSSR. Rossiya v pervoj chetverti 18 veka*. Institut Istorii. М.: Izdatel'stvo Akademii

nauk SSSR. Bibliotekar'. Retrieved December 11, 2022, from <http://www.bibliotekar.ru/2-8-99-12-nalogi-finansy-pri-petre-1/9.htm>

Sorokin, P. A. (2008). *Economist. Selected. 1921–1922*. M.: Publishing House “Territorija budushhego”.

Vasiliev, S. A. (2021). *Peasant reform in Russia*. Leontief Center. <https://leontief-centre.ru/book137>

Zimin, A. A. (1982). *Russia under Ivan the Terrible*. M.: Nauka.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

А. П. Заостровцев¹

НИУ «Высшая школа экономики» /

Международный центр

социально-экономических исследований «Леонтьевский центр»
(Санкт-Петербург, Россия)

УДК: 330.1

РЕФОРМЫ ПЕТРА I КАК ВАРИАНТ АДАПТИВНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Статья посвящена рассмотрению реформ Петра I с позиции исторической социологии и институциональной экономической теории. Ее задачей выступает выявление особенностей петровской модернизации и ее роли в формировании российской зависимости от траектории предшествующего развития, чему служит сравнение ее со сталинской модернизацией. В основу положено деление модернизации на два типа: адаптационную и вестернизационную модели. Это деление составляет методологическую базу исследования и позволяет в дальнейшем использовать метод сравнительного анализа при сопоставлении петровской и сталинской модернизации. Петровские реформы описываются как адаптационная модернизация: формальные институты Московии XVII в. вытеснялись импортными (западными), но при этом сохранялись базовые составляющие политической системы и политической культуры. В результате реформ сложилось полностью огосударственное общество и, соответственно, экономика. Тоталитаризм в России впервые заявил о себе в начале XVIII в. Он соединял архаичные институты Московии с внедренными импортными. Последние укрепили самодержавное правление и власть-собственность как институциональные основы России. В то же время в петровские реформы была встроена культурно-бытовая вестернизация. Она впоследствии стала базой углубленной вестернизации в форме освобождения дворянства от обязательной службы. Сравнительный анализ петровской и сталинской модернизации показал, что они имеют как общность, так и различия. Тотальное огосударствление жизни, нацеленность на милитаризацию, деспотизм их объединяют. В то же время петровская модернизация преобразовывала архаичное общество, тогда как сталинская возрождала архаику на месте вестернизирующегося общества начала XX в.

Ключевые слова: адаптационная модернизация, вестернизация, реформы Петра I, сталинская модернизация, формальные институты, неформальные институты.

¹ Заостровцев Андрей Павлович — к.э.н., доцент, профессор департамента госадминистрирования, НИУ «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург); Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский центр» (Санкт-Петербург); e-mail: zao-and@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-0302-4182.

Цитировать статью: Заостровцев, А. П. (2023). Реформы Петра I как вариант адаптивной модернизации. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 58(2), 45–61. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-58-2-3>.

A. P. Zaostrovtshev

HSE University / International Center for Social-Economic Studies
“Leontiev Center” (St. Petersburg, Russia).

JEL: N90

REFORMS OF PETER I AS A VARIANT OF ADAPTIVE MODERNIZATION

The article considers the reforms of Peter I from the standpoint of historical sociology and institutional economic theory with the aim to identify the features of Peter's modernization and its role in forming Russia's path dependence, and this purpose is realized by comparing it with Stalin's modernization. The study rests on the division of modernization into two types: adaptation and westernization models. This division constitutes the methodological basis of the study and allows further use of comparative analysis in reviewing Peter's and Stalin's modernization. Peter's reforms are viewed as adaptive modernization: the 17th century formal institutions of Muscovy were replaced by imported (Western) ones, but at the same time basic components of the political system and political culture were preserved. The reforms resulted in a fully state-driven society and developed economy. Totalitarianism in Russia first took shape in the early 18th century. It combined the archaic institutions of Muscovy newly introduced imported ones. The latter strengthened autocratic rule, power-property as an institutional foundation of Russia. At the same time, cultural and everyday westernization was built into Peter's reforms. It subsequently became the basis of in-depth westernization in the form of the release of the nobility from compulsory service. A comparative analysis of the Peter's and Stalin's modernization showed that they have both common features and differences. Total nationalization of life, focus on militarization, despotism unite them. However, while Peter's modernization transformed the archaic society, Stalin's one revived the archaic in the place of westernized society of the early 20th century.

Keywords: adaptive modernization, westernization, reforms, Peter the Great, Stalinist modernization, formal institutions, informal institutions.

To cite this document: Zaostrovtshev, A. P. (2023). Reforms of Peter I as a variant of adaptive modernization. *Lomonosov Economics Journal*, 58(2), 45–61. <https://doi.org/MSU0130-0105-6-58-2-3>.

Введение

Исследование реформ Петра I проводится в рамках концепции модернизации. В начале статьи развиты теоретические аспекты модернизации. Ключевым моментом является установление различий между адаптационной модернизацией и модернизацией в форме вестернизации. Обра-

щается внимание на то, что общества силовой цивилизации (основанные на власти-собственности) осуществляют адаптационную модернизацию, а вестернизацию принимают лишь в той мере, в какой она не подрывает базовые институты. Именно такой была петровская модернизация.

В следующей части статьи эта модернизация рассматривается через ее ключевые характеристики. В целом, они представляли собой импорт формальных институтов с Запада без вестернизации фундаментальных институциональных основ в виде неформальных институтов. В силу последнего он укрепил, а не разрушил патримониальное самодержавие, придавая ему большую эффективность и жизнеспособность в конкуренции с Европой. В то же время реформы Петра I были освобождением от мешавшей развитию архаики Московии. На культурно-бытовом уровне они несли мощный заряд вестернизации, проявившийся позднее и в виде радикального подрыва института всеобщего служения.

В последней части сравниваются петровская и сталинская модернизация. Показывается их схожесть как административно-командной модернизации, производившейся путем тотального огосударствления и милитаризации общества. В то же время петровская модернизация была сломом многих традиционных институтов Московии во имя прогресса; сталинская модернизация, напротив, возрождала ряд традиционных институтов Московии в новом облики. В этом заключается их важное различие.

Виды модернизации

Экономисты редко используют понятие «модернизация». Обычно им оперируют социологи. Краткий обзор появления и развития теории модернизации в интерпретации различных известных ее исследователей (от Т. Парсонса до Р. Инглхарта) можно найти в книге Д. Травина (Травин, 2022, с. 64–126). В то же время, несмотря на имевшуюся ранее высокую популярность этой теории¹, придется констатировать, что строгого определения модернизации до сих пор не существует. В этом легко убедиться, если воспользоваться работой Э. Гидденса и Ф. Саттона «Основные понятия в социологии».

«Модерн» стал своеобразным зонтичным термином для всех характерных особенностей постфеодальных обществ — для индустриализации, капитализма, урбанизации и урбанизма как способа жизни, секуляризации, установления и распространения демократии, превращения науки в непосредственную производительную силу и широкого движения к ра-

¹ Исследование А. Олейника показало частоту упоминания модернизации в зарубежной и российской экономической литературе. Построенные за 20 лет графики (1989–2019 гг.) однозначно указывают на ее падение с достигнутых ранее пиков, особенно в зарубежной литературе (Олейник, 2022, с. 93–94).

венству во всех сферах жизни. Модерн означает также подъем рационального мышления и действия, характеризующихся бесстрашной установкой на факты в отличие от эмоционального и религиозного отношения к миру» (Гидденс, Саттон, 2021, с. 25).

Все пишущие о модернизации определяют ее через похожие характеристики. Для иллюстрации приведем ее понимание Р. Коллинзом. Он выделяет в ней то, что он обозначил в качестве четырех модернизационных процессов: бюрократизацию, секуляризацию, капиталистическую индустриализацию и демократизацию (Коллинз, 2015, с. 265–266). Не менее многомерное определение модернизации встречаем и у российских авторов Д. Травина и О. Марганя. В нее включаются устойчивая рыночная экономика, формирование гражданского общества и демократии, мобильность общества (географическая и социальная), адаптационная способность «среднего человека» (гибкость реакции на динамичные перемены), возрастание рациональности (Травин, Марганя, 2004, с. 40; Травин, 2019, с. 18).

Казалось бы, что наборы этих разнообразных социальных характеристик не имеют отношения к реформам Петра I. Однако все будет выглядеть несколько по-другому, если разделить модернизацию на различные виды. Такое деление представлено А. Заостровцевым (Заостровцев, 2020, с. 147–150). В обществах, относящихся к так называемым силовым цивилизациям (основанных на власти-собственности) модернизация протекает преимущественно в форме адаптивной модернизации, которая распадается на два подвида: инструментальную и консервативную. Под первой понимается освоение новой техники и управленческих методов, под второй — трансформация и адаптация старых институтов к новым условиям. Если говорить о петровских реформах, то инструментальная модернизация очевидна. Что же касается консервативной модернизации, то в ее процессе такие старые, традиционные для Московии институты (самодержавие, власть-собственность) не уничтожались, а, напротив, становились сильнее за счет перевоплощения их в новых формальных институтах. Можно сказать, что, изменяясь в чем-то, встраивая в себя новые качества, они обрели второе дыхание.

Адаптивной модернизации противостоит модернизация как вестернизация. Она присутствует в ряде перечисляемых вышеприведенными авторами характеристик модернизации. Безусловно сюда попадут демократизация и базирующаяся на разделении власти и собственности рыночная экономика. Аналогично и гражданское общество. Вестернизация — это процесс вхождения социума в западную цивилизацию, которую английский историк Н. Фергюсон определил как «целый комплекс, включающий политический плюрализм (многочисленные государства, разделение властей), капитализм, свободу мысли, научный метод, верховенство права и защиту собственности, демократию» (Фергюсон, 2014, с. 425).

Была ли петровская модернизация вестернизацией? Если строго следовать ее определению, то отрицательный ответ будет представляться само собой разумеющимся. Более того, как станет видно из дальнейшего, многое в реформах Петра I можно трактовать и как контрмодернизацию с позиции канонов вестернизации. И, в то же время, элементы вестернизации в проводимых преобразованиях присутствовали. Их можно обозначить обобщенно как культурно-бытовую вестернизацию. На первый взгляд они нейтральны по отношению к базовым социально-экономическим институтам силовой цивилизации, но, как продемонстрировала история России XVIII в., будучи широко внедренными, они оказываются способными за относительно длительное время подточить их и привести к значительным изменениям в направлении вестернизации.

Адаптационная модернизация в рамках петровских реформ

Для того чтобы не запутаться в чуть ли не бесконечном обилии относящихся к ней фактов, попробуем выделить следующие ее составляющие:

1. Реформы государственного управления.
2. Огосударствление экономики.
3. Радикальная перестройка организации армии и создание ВМФ.
4. Огосударствление церкви.
5. Наука и образование с явной ориентацией на естественнонаучные знания.
6. Деспотический урбанизм по западным стандартам (Санкт-Петербург).

Реформы Петра I подробно описаны во множестве источников. В этом плане выделим работы Е. Анисимова (Анисимов, 1989, 2016). Кратко история реформ государственного управления изложена А. Кириным (Кирин, 2022, с. 13–30). Рассмотрим проведенные преобразования с позиции концепции модернизации и институциональной экономики.

Первое, что бросается в глаза, — это историческая устойчивость жизни внедренных формальных институтов. На это, в частности, обращает внимание Е. Анисимов (Анисимов, 1989, с. 8). Коллегии просуществовали до 1802 г. (80 лет); подушная система налогообложения (1724 г.) была отменена в 1887 г. (просуществовала 163 года), последний рекрутский набор состоялся в 1874 г. (почти 170 лет спустя после первого), синодальное управление церковью оставалось неизменным почти 200 лет (1721–1917), созданный в 1711 г. Правительствующий Сенат были ликвидирован в 1917 г. (206 лет). Это свидетельствует в пользу того, что внедренные сверху институты не были абсолютно чужды базовым неформальным институтам — политической культуре Московии. Они ломали практически все старые учреждения, но сохраняли и укрепляли при этом стержневой

элемент этой культуры — самодержавие, отсутствие политических субъектов за исключением единственного деспота.

В плане импорта институтов небезынтесен следующий эпизод. В начале XVIII в. организация государственного управления являлась государственной тайной. Никакой транспарентности и близко не было. Поэтому Петру I пришлось направить в Швецию своего шпиона — немца Генриха Фика. Он под видом устраивающегося на службу в одну из шведских коллегий раздобыл сведения об их устройстве и тайно вывез в Россию. В результате «росток бюрократического дерева, контролируемого в своем развитии на шведской почве выборными органами, был высажен на русскую почву, не имевшую, или, точнее сказать, давным-давно утратившую всякие черты самоуправления и элементы сословного представительства» (Анисимов, 2016, с. 114).

Разумеется, эффективность этого института была не та, что на родной почве. Коррупция разъедала государственный аппарат, не испытывавший давления со стороны представительной власти. Однако здесь удивляться надо не тому, что он работал с изъятиями, а тому, что он вообще работал. Причем проработал, как было отмечено, достаточно долго. И был, при этом, как властный орган результативнее приказов старой Москвы.

Впрочем, взгляд на это из современности не дает оснований для удивления. В авторитарных государствах XXI в. государственное управление точно так же копирует многие формальные институты демократических стран, не имея при этом опоры и противовеса в качестве реальной представительной власти. Часто формальные полномочия институтов государственного управления в такой системе не совпадают с действительными: их кто-то в самых решающих аспектах перехватывает и направляет в нужное для себя русло. В России XVIII в. этот «кто-то» был институт фаворитов царствующих особ, в XX в. — руководство коммунистической партии, в XXI в. — то, что в публицистике получило обобщенное наименование «Кремль» (смесь наиболее привилегированных силовиков с фаворитами). Историк Д. Коцюбинский не случайно обращает внимание на то обстоятельство, что давней традицией Руси является система «двух правительств» — номинального и реального (Коцюбинский, 2019, с. 140—141). Не Петр I был основателем этой системы (ее истоки можно связать с делением на земщину и опричнину Иваном IV), но он придал ей новое обличие.

Модернизацию, как было указано выше, связывают с бюрократизацией и социальной мобильностью. На первый взгляд, это вроде как противоречащие друг другу явления. На самом деле петровская Табель о рангах ликвидировала остатки местничества: родовитость перестала быть формальным основанием для занятия той или иной государственной должности. Несмотря на то, что явное предпочтение при поступлении государственную службу отдавалось дворянству, государственная карьера не была

наглухо закрыта для талантливых выходцев из недворянского сословия. Это подтверждает тот факт, что дворянство можно было официально приобрести, продвигаясь по службе (начиная с 8-го чина Табели). Аналогичная схема была предусмотрена и для военной службы (для получения дворянства необходимо было получить звание майора). По окончании Северной войны каждый пятый офицер в пехоте не был дворянином (Анисимов, 1989, с. 309). Не идеализируя ситуацию, можно сделать следующий вывод: модель бюрократизации страны по Петру I внедрила элементы меритократии и социальной мобильности.

В то же время петровская бюрократизация дворянства была тотальной. Было завершено построение того, что американский историк Р. Хелли назвал «служивым классом» (Hellie, 2005). Обязанность служить стала всеохватывающей и пожизненной. Огосударствление дворянства стало важнейшим признаком укрепления власти-собственности, которая тогда полностью реализует свою природу, когда охватывает собой человека, лишая его какого-либо личного суверенитета. Эту особенность петровской эпохи верно отметил Е. Анисимов: «Можно говорить лишь о привилегированном сословии военных и чиновных слуг русского самодержца, привилегии которых существовали до тех пор, пока они исправно исполняли свою службу. В противном случае они превращались в ничто, в пыль» (Анисимов, 1989, с. 313).

Не вдаваясь в подробности организации и существования недворянских сословий, заметим, что и они де-факто тоже принадлежали государству, хотя формально, не значились на государственной службе. Это был шаг назад, если иметь в виду модернизацию. В эпоху Московской Руси существовала категория «свободные люди», т.е. те, кто не мог быть отнесен к служивым или крепостным. Петр I с ней покончил: все сословия были так или иначе крепко привязаны к государству. Тем самым уничтожались те начала, которые могли бы стать истоками формирования гражданского общества.

Это видно и на примере второго направления преобразований — огосударствления экономики. Е. Анисимов назвал ее «крепостнической». Он пишет о превращении «промышленных предприятий, на которых зарождался капиталистический уклад, в предприятия крепостнической экономики, разновидность феодальной собственности — своеобразную вотчинную мануфактуру» (Анисимов, 1989, с. 290). Если убрать слово «феодальной» (поскольку феодализм базировался на разделении прав и обязанностей вассала и сюзерена и, как таковой, никогда не наблюдался в Московии), то с этим утверждением историка можно согласиться. Он дает точную характеристику власти-собственности на активы, подчеркивая, что в петровскую эпоху «компания не обладает правами настоящего владельца... Она осуществляет лишь вариант своеобразной аренды, условия которой четко определяются государством, имеющим право их из-

менить, вплоть до возвращения в казну отданного завода и даже конфискации построенного на своем “коште”» (Там же, с. 282). Р. Пайпс называл такую «собственность» условным владением (Пайпс, 2001, с. 283). «В глазах правительства Петра мануфактуры были теми же поместьями и ... его промышленная политика не внесла никакого вклада в развитие в России прав собственности» (Там же, с. 247)¹.

Таким образом, и с точки зрения прав собственности на активы петровские преобразования можно рассматривать как контрмодернизацию (если только считать вестернизацию неотъемлемой ее составляющей). Однако если касаться лишь адаптивной модернизации, то в этих реформах можно увидеть обе ее стороны: как инструментальную, так и консервативную модернизацию. Для иллюстрации обратимся к «индустриализации по-петровски». За 1695–1725 гг. возникло не менее 200 мануфактур разного профиля — в 10 раз больше, чем их было в конце XVII в. При этом уральские заводы добились лучшего в мире качества железа (Анисимов, 1989, с. 121, 125). Это — технологический аспект инструментальной модернизации. Однако, если рассмотреть реформы государственного правления, то можно заметить и принципиальные изменения в управленческой организации и практики. Реформа административно-территориального устройства, реформа внутреннего государственного управления (Сенат, Синод, коллегии), реформа государственной службы (Табель о рангах и пр.), реформа функционирования государственного аппарата (делопроизводства), финансовая и полицейская реформы и т.д.

Консервативная часть адаптивной модернизации заключалась, как уже известно, в активном приспособлении старых институтов к новым условиям. Серьезная мутация этих институтов в результате сознательных преобразований не меняла, а, напротив, сохраняла их глубинное ядро. Патриархальное самодержавие неопатримониального государства Московской Руси сменило самодержавие Российской империи, впитавшее в себя многие управленческие практики западного абсолютизма. Можно сказать, что возник радикально новый тип организации власти, но исконный смысл ее не поменялся. Его точно выразил выдающийся мыслитель того времени Феофан Прокопович в своем произведении «Правда воли монаршей»: «...высочайшая власть (величество нарицаемая) есть которой деяния ничьей власти не подлежат» (цит. по: Анисимов, 2016, с. 104).

Реорганизация военной машины имела огромное значение для всей последующей экспансионистской политики Российской империи. Да и вообще всеохватная милитаризация общества. Оно, пользуясь метким выражением историка А. Янова (правда, примененного к сталинизму),

¹ Здесь уместно вспомнить, что только при Екатерине II само слово собственность проникло «в словарь официальных документов как русский перевод немецкого Eigentum (Eigendum)...» (Пайпс, 2001, с. 251).

превратилось в «колонию ВПК» (Янов, 2017, с. 429). Исследователи этого вопроса обычно забывают подчеркнуть, что эта политика не столько приносила какие-то выгоды стране (нередко в чисто экономическом плане она была убыточна), сколько составляла неформальный институт легитимации власти. Причем этот институт только укреплялся со временем. Если власть терпела поражения в военных столкновениях, то ее легитимность от этого серьезно страдала и вела к радикальным переменам в обществе. Крымская война (1854–1855 гг.), русско-японская война (1904–1905 гг.) и, наконец, Первая мировая война (1914–1918 гг.). Последний такой исторический эпизод был представлен неудачной десятилетней войной в Афганистане (1979–1989 гг.). Конечно, социальные перемены, следовавшие после перечисленных событий, имели глубокие внутренние причины, но при этом нельзя и умалять то обстоятельство, что военные неудачи ставили под вопрос правильность политики и организации власти в целом.

И, напротив, победа в войнах с Наполеоном, успешная в целом русско-турецкая война 1877–1878 гг., и, конечно же, победа в той части Второй мировой войны, которая в отечественной историографии именуется Великой Отечественной, снимали с повестки дня требования проведения каких-либо радикальных перемен. Последним событием в этом ряду является присоединение Крыма в 2014 г. Расширение границ государства рассматривается массами в России как некое приращение собственной функции полезности, которое компенсирует хотя бы отчасти неудовлетворенные повседневные нужды и низкое качество социальных услуг. Популярность в народе Петра I как исторической фигуры, затмевающей всех царствующих особ из династии Романовых, обуславливается его самыми важными территориальными захватами в истории России.

Огосударствление церкви, превращение ее в некое министерство идеологии, выразившееся в отмене института патриаршества и создании Синода, можно рассматривать как, с одной стороны, завершающее действие по построению тоталитарного государства в начале XVIII в., но, с другой стороны, и как элемент модернизации в форме секуляризации. Дело в том, что, оказавшись под государством, православная церковь со временем перестала рассматриваться как нечто отдельное от него. И отношение к ней было такое же (если не хуже), чем отношение к власти в целом. Вместе с утратой царской властью авторитета в начале XX в. терялся и авторитет церкви. Этим объясняется относительная легкость замены большевиками православия культом марксизма-ленинизма.

Однако вернемся к эпохе Петра I. Умаление религии сыграло большую роль в появлении и развитии естественнонаучных и технических знаний на российской почве. Для того чтобы осознать это, необходимо понять тот практически безнадежный тупик, в котором оказалась Московия XVII в. «В эпоху, когда, словно грибы после дождя, вырастали в Европе академии, имевшие среди своих членов такие имена, как Лейбниц, Нью-

тон, Бойль, Мальпиги, в Московии не было даже начальных школ» (Янов, 2007, с. 103)¹. На пути просвещения и науки стояла церковь. «На столетие Русь застревает в историческом тупике Московии, превращаясь в угрюмую, фундаменталистскую, перманентно стагнирующую страну, навсегда, казалось, культурно отставшую от Европы» (Янов, 2015, с. 211).

Петр I, конечно, не был атеистом², но его отношение к церкви было сугубо инструментальным: она хороша лишь тогда, когда служит светским целям государства. Если она мешает обретению необходимых для его могущества знаний и умений, то она должна уйти с дороги. «...Бессмертная заслуга Петра состоит в том, что развернув страну к Европе, он разрушил Московию, заведшую страну в тупик православного фундаментализма, и открыл Россию мировой культуре» (Янов, 2017, с. 468).

И, наконец, о деспотическом урбанизме Петра I. Здесь снова наталкиваемся на все то же противоречие между деспотическими методами строительства Санкт-Петербурга и европейской направленностью проекта. Город был основан на чужеземной территории, война со Швецией только начиналась. И хотя никакого указа об объявлении Санкт-Петербурга столицей не сохранилось, в 1712 или в 1713 г. он стал резиденцией царя. После этого на берега Невы стали перебираться иностранные представительства, в городе основывались правительственные учреждения (Анисимов, 2016, с. 146). Таким образом, Санкт-Петербург стал столицей, де факто еще располагаясь в иностранном государстве. Вряд ли где в истории можно найти подобные случаи.

Переезд из Москвы в Санкт-Петербург был не просто событием в области строительства и архитектуры. Город — это люди, а значит, и определенная социальная среда. Перенос столицы в город, построенный практически на чистом месте, по планам европейских архитекторов, он разрывал старые социальные связи переселенцев, наделяя их духом близости к европейской культуре. Преимущественно через Санкт-Петербург шли контакты с Западом и как узел морской внешней торговли он стал отбирать пальму первенства у Архангельска (правда, такое изменение потоков внешней торговли было достигнуто искусственно — волевыми распоряжениями императора).

«Окно в Европу» в дальнейшем сыграло примечательную роль в жизни России. Пока оно выступало в качестве столицы (надо признать, что логистически расположенным не очень удобно по отношению к террито-

¹ Имеется в виду, конечно, отсутствие начального образования как системы с достаточно широким охватом, которая в XVII в. уже внедрялась в европейских странах. Отдельные светские школы появляются в Московии лишь в последние два десятилетия этого века. Например, типографская школа, школы при Печатном и Пушечном дворах.

² Однако «опытное знание, законы природы Петр ставил выше всего» (Анисимов, 2016, с. 162).

риям остальной страны), российские институты сдвигались в сторону западных (пусть и с периодами серьезных отступлений от западного вектора движения). Вестернизация России достигла своего пика перед Первой мировой войной. Перенос большевиками столицы в Москву, хотя и был непосредственно связан с известными конкретными обстоятельствами того времени, ознаменовал крах европейского проекта — долго «спавшая» Московия была «разбужена» в индустриальную эпоху под громкий зов коммунизма.

Были ли в петровской адаптивной модернизации элементы вестернизации? Да, были. Это, в первую очередь, сеть контактов с Западом в самых различных областях, благодаря которым состоялся радикальный информационный прорыв. Во-вторых, вестернизация быта, которую тоже никак нельзя сбрасывать со счетов. Женщина-боярыня в московском тереме (слово «терем» есть искаженное тюркское слово «гарем») и женщина-аристократка на какой-нибудь петровской ассамблее — это, можно сказать, два разных социальных типа. Обретение сходства с людьми из Европы в манерах одеваться, вести светскую жизнь, стремление к освоению (как материальному, так и духовному) европейских достижений сыграли свою роль в подрыве петровского тоталитаризма, но только уже во второй половине XVIII в.

Петровская и сталинская модернизации: сходство и различие

Петровская модернизация нередко сравнивается со сталинской модернизацией 30-х гг. XX в. Весьма заурядным в таких случаях стало цитирование строк из поэмы «Россия» Максимилиана Волошина (Волошин, 2022):

Петр был первый большевик,
Замысливший Россию перебросить,
Склонениям и нравам вопреки,
За сотни лет, к ее грядущим далям.

Образ «первого большевика» напрашивается, но в то же время он несет в себе и серьезную ошибку. Петр I унаследовал архаичный общественный порядок Московии, который обуславливал стагнацию и отсталость от Европы. В нем не наблюдалось сколько-нибудь существенных модернизационных трендов, динамики, а, тем более, вестернизации. Если обращаться к современным образцам для сравнения, то это была помесь Ирана с Северной Кореей. Несмотря на деспотическую модель адаптивной модернизации, Петр I отчасти выводил страну из архаики и изоляции (вырывал ее из Московии). И, в конечном счете, заложенная им бытовая вестернизация сыграла свою роль в качестве запала в деле подрыва фундаментального института — того, который К. Маркс, применительно

к азиатскому способу производства, именовал «поголовным рабством» (Маркс, 1968, с. 280).

Сталин же в качестве предшественника имел не архаичную Московию, а вестернизирующееся общество. Россия в начале XX в. все активней впитывала в себя институты правовой цивилизации (от частной собственности и гражданских прав — до элементарных политических свобод). Целью Сталина была девестернизация как окончательное подавление этих институтов и замена их на модернизированную архаику: военно-промышленную индустриализацию в рамках новой модели азиатского способа производства, способного противостоять капиталистическому обществу той эпохи. В сущности, воспроизводилось то самое, служилое государство. Можно даже определить существовавшую в СССР разновидность социализма как Московию 2.0¹. Тень Московии закрыла Петербург.

Е. Анисимов характеризует петровскую модернизацию как «модернизацию институтов и структур власти ради консервации основополагающих принципов традиционного режима...» (Анисимов, 1989, с. 13). В этом сходство петровской и сталинской модернизаций. «...Он [Петр. — А. З.] выступал отцом-основателем того самобытного отечественного типа модернизации, который в XX в. опять будет востребован вторично» (Ахиезер и др., 2005, с. 255). С той лишь разностью, что ему пришлось ради этой модернизации уничтожать часть архаики, тогда как Сталину пришлось строить новую архаику. Американский юрист-либертарианец Б. Линдси довольно точно определил социализм XX в. как «промышленную контрреволюцию» (Линдси, 2006, с. 154). Под ней как раз и понималась некапиталистическая форма индустриализации.

Представленная модель двух модернизаций позволяет ответить на порождающий большую разногласию вопрос: а можно ли вообще говорить, например, о петровской (Петра I) или сталинской модернизации? Начнем с первой из них. Историк А. Янов безусловно «за» Петра-модернизатора. «Железной самодержавною рукою Петр ликвидирует иосифлянский фундаментализм и снова поворачивает российскую элиту лицом к Европе...» (Янов, 2009, с. 251). Другой полюс представлен мнением Д. Травина: «Хоть Петр и признавал важность экономического развития, его реформы оставили хозяйственную систему России в тяжелом состоянии, поэтому вряд ли можно говорить о деяниях первого русского императора как о модернизации» (Травин, 2019, с. 58).

Что касается позиции Д. Травина, то отметим следующее. Во-первых, тяжелое состояние хозяйственной системы отнюдь не означает, что она не подверглась модернизации. В таком случае и реформы Е. Гайдара также нельзя считать таковой. И по поводу этого состояния нужно еще заметить, что оно-то как раз и может быть признаком реальной модернизации

¹ Подробнее см.: (Заостровцев, 2017).

ции. Встряска старых основ не проходит гладко. Во-вторых, Д. Травин, в отличие от А. Янова, не обратил внимания на такую важную составляющую петровских реформ, как подрыв религиозного фундаментализма. А ведь следуя одному из выдвинутых им признаков модернизации — рациональному поведению, такой подрыв должен вести по направлению к его утверждению.

Если бы оба автора проводили различие между модернизацией как вестернизацией и модернизацией как адаптацией, то их позиции в оценке петровских преобразований можно было бы примирить. Петровская модернизация, естественно, была, но была адаптационной. Никакой вестернизацией как созданием и развитием институтов гражданских и политических прав индивидов она не сопровождалась. Скорее, наоборот. «Он [Петр I. — А. З.] укрепил, обновил с помощью взятых на Западе новых идей и институтов традиционный режим самодержавия, чем обеспечил его существование еще на два столетия» (Анисимов, 2009, с. 250).

В то же время петровские реформы интересны и с точки исследования взаимосвязи адаптивной модернизации и вестернизации. Адаптивная модернизация, по Петру, сопровождалась и культурно-бытовой вестернизацией. Причем очень мощной. Более того, успешность многих мероприятий адаптивной модернизации была бы невозможна без притока западных идей (пусть не социальных, а чисто технических и управленческих), и людей. Петр I произвел прорыв в направлении открытости Европы для элиты. И это случилось через полвека — когда его внук (Петр III) обрушил одну из основ старой Московии, — тотальное служилое рабство: дворянство стало обретать гражданские права. В дальнейшем они были подтверждены Екатериной II. Вольность дворянства стала подлинной, безоговорочной вестернизацией. Следующий шаг в этом направлении состоялся только в середине XIX в. в связи с отменой крепостного права и серией других реформ (прежде всего, судебной).

Не менее (если не более) противоречивой была сталинская модернизация. Это заметно хотя бы по тому, какие трудности в вопросе ее трактовки испытывает британский политолог Р. Саква. «Хотя формально Сталин модернизировал Россию, — пишет он, — характер этой “модернизации” весьма сомнителен» (Саква, 2011, с. 99). При этом замечает, что в целом картина советской индустриализации и модернизации была искаженной. «Это был пример ложной модернизации, которая подражала моделям развития передовых индустриальных обществ, но которой не доставало фундаментальных динамичных элементов, позволявших развиваться таким обществам» (Там же, с. 100). Ложность же модернизации заключается в том, что «экономическая система оторвалась от потребностей общества» и «превратилась в вечный механизм, сосредоточенный главным образом на военно-промышленных задачах повышения международного статуса правящей элиты» (Там же). Р. Саква называет эту модель социального

развития анахронизмом и заключает, что «коммунистическое развитие — это модернизация без духа современности...» (Там же, с. 143).

Мнимая или ложная модернизация, согласно введенной Р. Саквой терминологии, — это и есть модернизация без вестернизации (адаптивная модернизация). Сталинская модернизация «осуществлялась в военно-приказном порядке» (Ахиезер и др., 2005, с. 516). Без свободы, прав собственности и даже рынка. Этим она во многом подобна модернизации Петра I, истинная суть которой «состояла в том, чтобы увеличить эффективность командования и контроля, а не в том, чтобы облегчить проявление инициативы снизу» (Хедлунд, 2015, с. 192). Говоря о российских модернизациях, шведский экономист С. Хедлунд верно отмечает, что они носили преимущественно технический характер и им «ни разу не удалось перейти порог вестернизации...» (Там же, с. 253).

Последнее суждение правомерно: несмотря на наличие временами мощных вестернизационных трендов, Россия ни разу не пережила радикальной институциональной революции, переводящей ее из силовой или властесобственнической цивилизации в правовую. Властесобственническая Россия воспринимает эти тренды как вызовы, на которые следует сокрушительный ответ, порождающий обновленные институты традиционного для нее социального порядка.

Заключение

В итоге можно сформулировать ряд положений, которые обобщают вышеизложенное.

Во-первых, анализ любой модернизации должен строиться на проведении различий между адаптацией общества к новым условиям существования и его вестернизацией. Хотя, в то же время, нельзя не признать, что не всегда возможно провести четкую разделительную полосу между этими двумя явлениями. Модернизацию, не переросшую в вестернизацию, можно назвать тупиковой, ибо, в конечном счете, она не порождает устойчивых стимулов к саморазвитию. Как петровская, так и сталинская модернизация были именно таковыми.

Во-вторых, петровская модернизация — это модернизация в рамках деспотической государственной власти и командной экономики. Аналогично и сталинская модернизация. Обе модернизации носили державно-милитаристский характер и руководствовались политическими имперскими мотивами.

В-третьих, петровская модернизация была, одновременно, и глубокой культурно-бытовой вестернизацией сверху. Она ознаменовала начало поворота к Западу в императорский период истории России. Из нее со временем вышел и общий вестернизационный вектор движения страны, трансформировавший и ряд базовых институтов. В отличие от этого, сталинская

модернизация стала символом поворота в противоположном направлении: были «сняты» все атрибуты вестернизации, внедрившиеся в императорский период. Разрушение же патриархальной семьи и религии было компенсировано восстановлением всеобщего служения («вместе — целая семья») и учреждением квазирелигии в форме принуждения к идеологическому единообразию марксистско-ленинского толка.

Петровские реформы стали примером импорта формальных институтов ради сохранения прежних фундаментальных неформальных институтов. Их опыт показал, что такое вполне возможно. Более того, если этот импорт вписывается в системную среду, то привнесенные институты закрепляются надолго, общество обретает большую динамику и, одновременно, устойчивость к внешним негативным воздействиям. Петровских реформ «хватило» до конца XIX в. — начала XX в.

Список литературы

- Анисимов, Е. В. (1989). *Время петровских реформ*. Л.: Лениздат.
- Анисимов, Е. В. (2016). *Императорская Россия*. СПб.: Питер.
- Анисимов, Е. В. (2009). *История России от Рюрика до Путина. Люди. События. Даты*. СПб.: Питер.
- Ахизер, А., Клямкин, И., & Яковенко, И. (2005). *История России: конец или новое начало?* М.: Новое издательство.
- Волошин, М. (2022). *Россия*. <https://www.culture.ru/poems/33403/rossiya>
- Гидденс, Э., & Саттон, Ф. (2021). *Основные понятия в социологии*. 3-е изд. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Заостровцев, А. П. (2020). *Полемика о модернизации: общая дорога или особые пути?* СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Заостровцев, А. П. (2017). «Служилое государство» в постсоветской России: II реинкарнация матрицы Московии. В кн. А. П. Заостровцев (ред.). *Россия 1917–2017: Европейская модернизация или особый путь?* (с. 46–68). СПб.: МЦСЭИ «Леонтьевский центр».
- Кирин, А. В. (2022). *Государственные реформы в России: от Петра до Путина*. 2-е изд. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. DOI: 10.17323/978-5-7598-2700-9
- Коллинз, Р. (2015). *Макроистория: Очерки социологии большой длительности*. М.: УРСС: ЛЕНАНД.
- Коцюбинский, Д. А. (2019). Цивилизация ресентимента. Институционально-исторический анализ русской политической культуры. В кн. А. П. Заостровцева (ред.). *Институциональная экономическая теория: история, проблемы и перспективы* (с. 109–151). СПб.: МЦСЭИ «Леонтьевский центр».
- Линдси, Б. (2006). *Глобализация: повторение пройденного. Неопределенное будущее глобального капитализма*. М.: Альпина Бизнес Бук.
- Маркс, К. (1968). *Экономические рукописи 1857–1859 годов*. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 46. Ч. I. М.: Госполитиздат.
- Олейник, А. Н. (2022). Российский экономический дискурс в 1989–2020 гг. через призму больших данных. *Финансы и бизнес*, 1, 85–96.
- Пайпс, Р. (2001). *Собственность и свобода*. М.: Московская школа политических исследований.

Саква, Р. (2011). *Коммунизм в России. Интерпретирующее эссе*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).

Травин, Д. Я. (2022). *Как государство богатеет: путеводитель по исторической социологии*. М.: Издательство Института Гайдара.

Травин, Д. Я. (2019). *Крутые горки XXI века: постмодернизация и проблемы России*. СПб.: Издательство Европейского университета.

Травин, Д. Я., & Маргания, О. Л. (2004). *Европейская модернизация*. В 2 кн. Т. 1. М.: ООО «Издательство АСТ», СПб.: Terra Fantastica.

Фергюсон, Н. (2014). *Цивилизация: чем Запад отличается от остального мира*. М.: АСТ: CORPUS.

Хедлунд, С. (2015). *Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Янов, А. Л. (2007). *Россия и Европа. В 3 кн. Кн. вторая. Загадки николаевской России. 1825–1855*. М.: Новый Хронограф.

Янов, А. Л. (2009). *Россия и Европа. В 3 кн. Кн. третья. Драма патриотизма в России. 1855–1921*. М.: Новый Хронограф.

Янов, А. Л. (2015). *Русская идея. От Николая I до Путина. Книга первая (1825–1917)*. М.: Новый хронограф.

Янов, А. Л. (2017). *Спор о «вечном» самодержавии: от Грозного до Путина*. М.: Новый Хронограф.

Hellie, R. (2005). The Structure of Russian Imperial History. *History and Theory*, 44(4), 88–112.

References

Akhiezer, A., Klyamkin, I., & Yakovenko, I. (2005). *History of Russia: The End or a New Beginning?* М.: Novoe izdanie.

Anisimov, E. V. (2009). *History of Russia from Rurik to Putin. People. Developments. Dates*. SPb.: Piter.

Anisimov, E. V. (2016). *Imperial Russia*. SPb.: Piter.

Anisimov, E. V. (1989). *Time of Peter's reforms*. L.: Lenizdat.

Collins, R. (2015). *Macrohistory. Essays in Sociology of the Long Run*. М.: URSS; LENAND.

Ferguson, N. (2014). *Civilization. The West and the Rest*. М.: АСТ: CORPUS.

Giddens, A., & Sutton, Ph. W. (2021). *Essential Concepts in Sociology*. 3rd ed. М.: NRU HSE.

Hedlund, S. (2015). *Invisible Hands, Russian Experience, and Social Science: Approaches to Understanding Systemic Failure*. М.: NRU HSE.

Kirin, A. V. (2022). *State reforms in Russia: from Peter to Putin*. 2nd ed. М.: NRU HSE. DOI: 10.17323/978-5-7598-2700-9

Kotsyubinskii, D. A. (2019). The Civilization of Resentment. Institutional and Historical Analysis of Russian Political Culture. In A. P. Zaostrovtssev (ed.). *Institutional Economics: History, Problems and Prospects* (p. 109–151). SPb.: MTsSEI “Leontiev Center”.

Lindsey, B. (2006). *Against the Dead Hand. The Uncertain Struggle for Global Capitalism*. М.: Alpina Business Book.

Marx, K. (1968). *Economic Manuscripts 1857–1859*. Marx K., Engels F. *Sobr. Soch.* V. 46. P. I. М.: Gospolitizdat.

Oleinik, A. N. (2022). Russian Economic Discourse in 1989–2020 through the Prism of Big Data Discourse. *Finance and Business*, 1, 85–96.

- Pipes, R. (2001). *Property and Freedom*. M.: Moscow School of Political Researches.
- Sakwa, R. (2011). *Communism in Russia. An Interpretative Essay*. M.: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN).
- Travin, D. Ya. (2022). *How the State Gets Rich: A Guide to Historical Sociology*. M.: Gaidar Institute.
- Travin D. Ya. (2019). *Steep Hills of the XXI Century: Post-modernization and Problems of Russia*. SPb.: European University in St. Petersburg.
- Travin, D., & Marganiya, O. (2004). *European Modernization*. V.1. M.: AST, SPb.: Terra Fantastica.
- Voloshin, M. (2022). *Russia*. <https://www.culture.ru/poems/33403/rossiya>
- Yanov, A. L. (2007). *Russia and Europe*. In 3 books. Book second. *Mysteries of Nikolaev Russia. 1825–1855*. M.: New Chronograph.
- Yanov, A. L. (2009). *Russia and Europe*. In 3 books. Book third. *The drama of patriotism in Russia. 1855–1921*. M.: New Chronograph.
- Yanov, A. L. (2015). *Russian idea. From Nicholas I to Putin*. Book One (1825–1917). M.: New Chronograph.
- Yanov, A. L. (2017). *The Dispute about the “Eternal” Autocracy: From Grozny to Putin*. M.: New Chronograph.
- Zaostrovtssev A. P. (2020). *Modernization Debate: Common Road or Special Ways?* SPb.: European University in St. Petersburg.
- Zaostrovtssev, A. P. (2020). “Serving State” in Post-Soviet Russia: II Reincarnation of the Matrix of Muscovy. In A. P. Zaostrovtssev (ed.). *Russia 1917–2017: European modernization or a special path?* (p. 46–68). SPb.: MTsSEI “Leontiev Center”.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Ю. В. Латов¹

Институт социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

УДК: 94(47) 05

ПЕТРОВСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ — «ВОЕННОЕ ЧУДО» ВМЕСТО «ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЧУДА»?

В современной России Петр Великий, согласно данным репрезентативных социологических опросов, считается самым лучшим деятелем за всю историю страны, существенно опережая в популярности даже отечественных политиков XX–XXI вв. Эта очень высокая «народная» репутация существенно противоречит взглядам общественников, которые видят в Петре I не столько успешного национального реформатора, «революционера на троне», сколько неразборчивого в средствах деспота, на века связавшего модернизацию страны с усилением государственного принуждения и с тяжелыми войнами. Однако компаративистский подход показывает, что другие страны догоняющего развития в XVIII–XX вв. тоже, как правило, шли по пути не эволюционного реформирования, а именно радикальных реформ, направленных в первую очередь на усиление армии. Петровская Россия на этом фоне выделяется лишь тем, что она самой первой выбрала «модернизацию ради военных побед» и потому со времен Петра I остается в числе «великих держав» вопреки постоянному социально-экономическому отставанию. Правомерность этого выбора можно обосновать при помощи мир-системного анализа, акцентирующего внимание на большой роли национального суверенитета для успеха догоняющей модернизации. Фактически Петр I в качестве главного рычага модернизации выбрал войну с сильной Швецией как способ радикально изменить «правила игры» — не только открыть прямую торговлю России с Западной Европой, но и включить ее в число «великих держав». На примере петровских реформ, почти совпавших с Северной войной, хорошо видно, что военная мобилизация может в догоняющей стране сыграть роль «большого толчка», создавая предпосылки для всех остальных качественных преобразований. В то же время сформировавшаяся при Петре I «модернизация ради побед» инициировала опасную для России как страны догоняющего развития тенденцию, когда военные успехи тормозят кажущееся уже ненужным продолжение национальной модернизации, а военные неудачи его стимулируют.

Ключевые слова: петровские реформы, модернизация, догоняющее развитие, компаративистский подход, институциональный подход, мир-системный анализ, промежуточные институты, «восточный деспотизм».

¹ Латов Юрий Валерьевич — д.соц.н., к.э.н., главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН; e-mail: latov@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7566-4192.

Цитировать статью: Латов, Ю. В. (2023). Петровская модернизация — «военное чудо» вместо «экономического чуда»? *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 58(2), 62–81. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-58-2-4>.

Yu. V. Latov

FCTAS RAS (Moscow, Russia)

JEL: D91, L80, M31

PETROVSKAYA MODERNIZATION — “WAR MIRACLE” INSTEAD OF “ECONOMIC MIRACLE”?

In modern Russia Peter the Great, according to representative opinion polls, is considered to be the best figure in the entire history of the country, significantly outstripping in popularity even domestic politicians of the 20th–21st centuries. This very high “folk” reputation significantly contradicts the views of social scientists who see in Peter I not so much a successful national reformer, a “revolutionary on the throne”, but a despot unscrupulous in his means, who for centuries to come linked modernization of the country with increased state coercion and heavy wars. However, comparative approach shows that other countries of catching up development pattern in the XVIII–XX centuries followed as a rule not the path of evolutionary reform but that of radical reforms aimed primarily at strengthening the army. Peter’s Russia stands out against this background only in that it was the first to choose “modernization for the sake of military victories” and therefore, since the time of Peter I, remained among the “great powers” despite constant socio-economic backwardness. The legitimacy of this choice can be substantiated with the help of a world-systems analysis that emphasizes the great role of national sovereignty for the success of catch-up modernization. In fact, Peter I chose the war with strong Sweden as a main lever of modernization and a way to radically change the “rules of the game” — not only to open direct trade between Russia and Western Europe, but also to include it in the “great powers”. The example of Peter the Great’s reforms, which almost coincided with the Northern War, clearly shows that military mobilization can play the role of a “big push” in a country that is catching up, creating the prerequisites for all other qualitative transformations. At the same time, “modernization for the sake of victories” that took shape under Peter the Great initiated a trend that is dangerous for Russia as a country of catching up development, when its military successes hindered the seemingly unnecessary national modernization, with military failures stimulating it.

Keywords: Peter’s reforms, modernization, catch-up development, comparative approach, institutional approach, world-system analysis, intermediate institutions, “oriental despotism”.

To cite this document: Latov, Yu. V. (2023). Petrovskaya modernization — “war miracle” instead of “economic miracle”? *Lomonosov Economics Journal*, 58(2), 62–81. <https://doi.org/MSU0130-0105-6-58-2-4>.

Современная Россия находится на пороге (или, возможно, уже в процессе) очередной крупной бифуркации (развилки) — смены аттрактора

(вектора) социально-экономического развития. Это естественным образом стимулирует высокий интерес к предыдущим крупным развилкам российской цивилизации. Такой интерес связан еще и с тем, что все ее бифуркации последних 500 лет прямо или опосредованно связаны с одной мегазадачей — с преодолением отставания России от Западной Европы. В «диалоге», который Россия и Запад ведут со времен, по меньшей мере, Ливонской войны Ивана Грозного, позиция России («учиться у Европы» или «поучать Европу») не раз менялась. Но крутые виражи геополитического соперничества не изменяли общего российского взгляда на Западную Европу как на некий стандарт, который нужно «догнать и перегнать». И этот взгляд четко сформировался именно при Петре Великом.

Обращение к началу многовековой российской «гонки за лидером» позволяет ставить и более-менее спокойно комплексно обсуждать те острые общетеоретические вопросы, объективному обсуждению которых на более свежих фактах препятствует «злоба дня». Речь идет о понимании возможностей и границ использования государственного принуждения и войн для национальной модернизации. Именно эти вопросы, связанные в значительной степени с проекцией проблем XXI в. на XVIII в., и будут далее рассматриваться в контексте тех теорий социально-экономических систем, которые изучают разные аспекты феномена догоняющего развития.

Петр I — первый среди великих россиян

Для понимания объективной роли Петра Великого в истории России целесообразно обращаться не только к научной литературе, где противоречивые суждения сталкиваются уже третье столетие (Баггер, 1985; Петр Великий, 2003), но и к репрезентативным социологическим опросам современных россиян. Такой подход правомерен, поскольку отраженная в опросах репутация исторических персонажей является в конечном счете опосредованным отражением их репутации в элитных кругах, скорректированным на «простонародную» историческую память, хотя и с поправкой на текущий пропагандистский дискурс.

Проведенный в марте 2021 г. общероссийский социологический опрос по репрезентативной выборке показал (табл. 1)¹, что именно Петр I является в глазах россиян лучшим — самым популярным — государственно-политическим деятелем за всю историю России (Андреев, 2022). Он не просто оказал преимущественно положительное, по мнению подавляющего большинства (почти 2/3 россиян), влияние на «жизнь народа», но и лидирует в этой роли с большим отрывом. Собственно, он единственный

¹ Соответствующий закрытый вопрос в анкете звучал следующим образом: «Кто из государственных и политических деятелей нашей страны, с Вашей точки зрения, оказал положительное, а кто — отрицательное влияние на жизнь народа?». Здесь и далее используются данные социологических опросов, организованных Институтом социологии ФНИСЦ РАН.

исторический персонаж, о чьей роли положительно отзывается более половины россиян. Даже следующий за ним в топ-10 Владимир Креститель считается деятелем, оказавшим положительное влияние, чуть менее чем половиной россиян. Персонажи же новейшей российской истории в этой иерархии симпатий либо находятся заметно ниже Петра Великого (так, влияние Ленина и Сталина считают однозначно положительным более чем вдвое реже), либо вообще «уходят в минус» (в частности, Н. Хрущев получил по разнице положительных и отрицательных баллов –11, а Б. Ельцин — даже –55).

Таблица 1

**Топ-10 исторических деятелей России, 2021 г., % опрошенных
(перечень упорядочен по положительным оценкам их влияния)**

Место	Исторические деятели	Оценки влияния на развитие страны			(I) – (II)
		Положительное (I)	В чем-то положительное, в чем-то отрицательное	Отрицательное (II)	
1	Петр I	62	32	3	59
2	Владимир Креститель	49	32	3	46
3	Екатерина II	46	43	6	40
4	В. В. Путин	40	47	10	30
5	Л. И. Брежнев	36	48	12	24
6	П. А. Столыпин	32	42	9	23
7	В. И. Ленин	27	51	19	8
8	И. В. Сталин	26	53	19	7
9	Николай II	25	51	13	12
10–12.	Александр II	21	53	8	13
	Александр I	21	53	9	12
	Иван IV Грозный	21	54	19	2

Критики могут сказать, что на современное «народное мнение» об исторических персонажах очень сильное влияние оказывают пропагандистские дискурсы последнего десятилетия, доказывающие необходимость для России борьбы с Западом. Однако если посмотреть материалы общероссийского репрезентативного опроса десятилетней давности¹, то обна-

¹ Соответствующий закрытый вопрос в анкете 2012 г. звучал так: «Кто из деятелей прошлого и настоящего, с Вашей точки зрения, более всего способствовал (или способствует) осуществлению массовых народных чаяний (ожиданий), был или является символом мечты Вашего народа?». В предложенном респондентам списке предлагалось отметить не более трех позиций.

руживается, что и в 2012 г. общая иерархия была в целом такой же: Петр Великий с большим отрывом возглавлял топ-10, а за ним тесно шли все те же политики новейшего времени плюс Екатерина II, Владимир Креститель и Иван Грозный (табл. 2). Даже соотношение рангов исторических деятелей за прошедшие годы почти не изменилось (например, Ленина ценят немного выше Сталина, а Иван Грозный находится в конце топ-10).

Таблица 2

**Топ-10 исторических деятелей России, 2012 г., % опрошенных
(перечень упорядочен по положительным оценкам)**

Место	Исторические деятели	Доля респондентов, считающих этих деятелей способствующими осуществлению ожиданий народа
1	Петр I	33
2–3	Политики современной эпохи (Путин, Медведев и др.)	14
	Святые подвижники (Сергий Радонежский, Серафим Саровский и др.)	14
4	Екатерина II	12
5	В. И. Ленин	10
6	И. В. Сталин	9
7	Владимир Святитель	8
8	Иван IV Грозный	5
9–10	Л. И. Брежнев	4
	Степан Разин	

Конечно, подавляющее большинство россиян судят о Петре Великом не по научным трудам, а по «Полтаве» А. С. Пушкина, «России молодой» Ю. Германа и «Тоболу» А. Иванова, равно как об Иване Грозном — по «Князю Серебряному» А. К. Толстого (чаще даже не столько по книгам, сколько по их экранизациям). Но долгосрочно-популярные художественные произведения на историческую тему, как правило, потому и популярны, что резонируют с общественными умонастроениями, уходя от пропагандистской однозначности. Так, в контексте обсуждения Петра I симптоматично, что идеализированный образ Петра Первого из одноименного романа А. Н. Толстого, написанного в сталинские времена, давно ушел на периферию российской культуры, а в популярных произведениях последних десятилетий первого императора принято показывать неоднозначной личностью, что гораздо ближе к объективным фактам.

Высокая устойчивость популярности таких исторических персонажей, как Петр I, Владимир Креститель, Екатерина II, В. И. Ленин, И. В. Ста-

лин и Иван IV, позволяет легко выделить два критерия популярности. Чтобы получить почетное место в российской исторической памяти, надо либо вести успешные войны, либо осуществлять успешные реформы, а лучше — сразу то и другое (как не только Петр Великий, но также Ленин и Сталин). Но там, где общественное сознание видит явный критерий успешности, академическая наука (не только историческая) видит не менее явную проблему.

Неоднозначность современного положения России, которая бросает геополитический вызов всему «коллективному Западу», но по среднему ВВП не может пока догнать Португалию, автоматически бросает тень на всю предшествующую историю российской цивилизации. Законодательно предложено считать традиционной для россиян ценностью «приоритет духовного над материальным», однако многовековое отставание России от Запада в материальном производстве и уровне жизни остается устойчивой отрицательной характеристикой национального развития, которое вряд ли может компенсироваться предполагаемой высокой духовностью. Поэтому под знаком определенного сомнения оказываются и все прежние реформы, которые в конечном счете (т.е. к настоящему времени) дали «не совсем» успешные экономические результаты, и даже все ранее выигранные Россией войны, которые, как нередко думают, лишь разоряли страну ради сомнительных внешнеполитических амбиций правящей элиты.

Все эти сомнения полностью относятся и к свершениям Петра I. Их высказывали уже в XVIII в., а в XIX в. четко определилось противостояние почитателей Петра Великого и его обвинителей, которое тянется до сих пор. Критика раздается в наши дни со стороны носителей либеральных взглядов, осуждающих петровский деспотизм; почитателям ближе государственный подход, предполагающий оправдание «деспотизма ради прогресса». Противоречивый взгляд современных обществоведов на свершения Петра I прекрасно передан Е. В. Анисимовым в его популярной книге «Петр Первый. Благо или зло для России?». Она построена как диалог современного почитателя и современного критика Петра I, как своеобразная шахматная партия, которую автор — ведущий российский историк эпохи Петра Великого — разыгрывает сам с собой, приводя аргументы «за» и «против». И эта партия завершается вничью следующим финальным выводом: «Слушатель-читатель требует конкретного ответа. Не знаю я его» (Анисимов, 2017, с. 266).

Конечно, баланс аргументов «за» и «против» преобразований Петра Великого неустойчив и легко смещается, реагируя не столько на новые факты о XVIII в., сколько на свежие события XXI в. Так, на конференции «Парадоксы петровских преобразований: выводы для экономики современной России» в сентябре 2022 г. (в разгар СВО на Украине) Е. В. Анисимов высказал в основном критические аргументы своей книги. У других

докладчиков (например, у Р. М. Нуреева, А. П. Заостровцева, П. А. Ореховского) тоже активно звучала критика преобразований первого российского императора, укрепивших экстрактивные институты власти-собственности. Противоречивость настоящего автоматически повышает противоречивость оценок предшествующего развития, создавшего путь к вот этому не очень уютному настоящему. Вряд ли есть сомнения, что если бы СВО на Украине развивалась по модели «молниеносного» российско-грузинского конфликта 2008 г., то и текущие оценки реформ Петра Великого были бы гораздо менее критическими.

Чтобы приблизиться к объективному пониманию роли Петра I, нужно отвлечься от «злости дня» и попробовать взглянуть на петровскую эпоху в контексте длительных (многовековых) тенденций развития не только России, но и современной мир-системы в целом.

Россия петровской эпохи — первая среди догоняющих

Понимание проблем российской истории связано с принципиальной нерешаемостью вопроса, являются ли русские, говоря словами Р. Киплинга, «самым западным из восточных народов» или «самым восточным из западных». Сама постановка этого вопроса и его *очень* длительное (начавшееся задолго до Киплинга и не завершившееся до сих пор) обсуждение говорит об объективно промежуточной роли российской цивилизации в дилемме «Запад — Восток». Собственно все страны православной культуры (не только Большая Россия, включающая Украину и Белоруссию, но и балканские государства) являются географическим фронтиром между Западом и Востоком, а потому соединяют — чаще противоречиво, чем гармонично, — черты обеих этих мегацивилизаций. Но в том, что касается социально-экономической модернизации, Россия исторически однозначно относится не к Западу, который своим внутренним развитием сформировал институты нового общества (рыночное хозяйство, конкуренция, урбанизация, секуляризация, массовое образование и т.д.), а к Востоку: ей критерии модернизации исторически были заданы тоже в основном внешними обстоятельствами, к которым приходилось адаптироваться.

Российская дворянская элита впервые осознала свою отсталость от Западной Европы во время Смуты начала XVII в., хотя первые симптомы обозначились еще при провале Ливонской войны Ивана Грозного. Эта отсталость проявлялась, прежде всего, в сфере военных технологий, когда финальные победы над армиями Речи Посполитой (не лучших в Европе) достигались у стен Кремля буквально на пределе возможностей и не предотвращали территориальных потерь. Поэтому главным уроком Смуты стало осознание необходимости «учиться у Европы». При первых Романовых ориентация на Европу (причем не очень последовательная) оставалась прерогативой лишь самых высших (столично-придворных) слоев

правлящей элиты. Массовое же (пусть только среди дворянства) восприятие Западной Европы как желаемого стандарта началось именно со времен Петра I, когда «европеизация» стала не сомнительной придворной модой, а принудительно внедряемым образом жизни.

Последующие два столетия, с начала XVIII в. до начала XX в., прошли с постоянной оглядкой на опыт «страны святых чудес», какой признавали Европу даже славянофилы. Российская империя сознательно старалась стать «не хуже Запада», не потеряв при этом своей культурной самобытности. Это — *догоняющее развитие, понимаемое как избирательно-копирующая модернизация*: отстающая страна целенаправленно копирует те институты более передовых стран, которые кажутся ей наиболее важными, чтобы сравняться с ушедшими вперед (см. (Нуреев, Латов, 2016, с. 68–73)).

Российский опыт догоняющего развития одновременно зауряден и уникален.

Он зауряден, поскольку схожие задачи объективно стояли, начиная с XVII в., перед большинством стран мира. Действительно, до этого «переломного» века преимущества западноевропейской цивилизации были не очевидны: даже в XVI в., когда европейцы завоевали Америку, турки небезуспешно пытались завоевать саму Европу, доходя до Вены. Но закончившаяся разгромом турок вторая осада Вены (1683 г.) обозначила решительный перелом многовекового (со времен античных греко-персидских войн) силового противоборства западных и восточных обществ. После этого превосходство Запада над Востоком (и не только на полях сражений) стало неоспоримым: «Все будет так, как мы хотим. На случай разных бед, У нас есть пулемет “Максим”, У них “Максима” нет». Отдельные исключения (например, поражение Великобритании в Афганистане в 1841 г.) оставались именно локальными исключениями, лишь подтверждающими общее правило. Поэтому почти все незападные страны, от Латинской Америки до Японии, должны были либо становиться сателлитами западных стран и пассивными объектами их «разборок» (как, например, страны Индостана), либо поспешно осуществлять модернизацию — сначала армии, а потом и всех остальных институтов, поскольку военная сила нации есть функция от конкурентоспособности ее институциональной системы в целом (см. (Нуреев, Латов, 2016, с. 21–22)). В этом ряду «модернизаций ради военных побед» Россия была лишь одним из многих «участников забега», стран догоняющего развития.

В то же время российский опыт модернизации уникален тем, что ни одна другая отстающая страна мира не имела в своем распоряжении так много времени. В концепции А. Гершенкрона (Гершенкрон, 2015) Россия выглядит лишь одной из стран второго эшелона развития капитализма (наряду со странами Восточной Европы, Турцией, Японией), что затеняет ее историческое первенство. Действительно, в Турции модернизирующее реформирование армии и общества началось лишь с 1790-х гг., латино-

американские государства получили возможность «догонять» только после получения независимости в 1820-х гг., Китай и Япония включились в догоняющее развитие лишь с 1860-х гг., страны Черной Африки — вообще в XX в. Петр Великий выбрал курс сознательной ориентации на Европу, не менее чем на век опередив других модернизаторов из стран второго эшелона.

История поставила в России своего рода эксперимент: есть страна с социокультурными корнями, близкими к западноевропейским, с большими (но труднодоступными и потому не обрекающими на «ресурсное проклятие») природными ресурсами и с тянущейся к Европе элитой; сможет ли она «стать Европой», имея к тому же в силу субъективных обстоятельств «фору» в целый век в сравнении с другими «участниками забега»? Результат российского догоняющего развития получился столь же двусмысленным, как и ее положение в дилемме цивилизаций «Восток — Запад». При чем эта двусмысленность — противоречивое сочетание прорывов и отставаний — наблюдалась постоянно, даже в периоды наивысших российских геополитических и геоэкономических успехов. Правда, такая неоднозначность результатов модернизации типична для подавляющего большинства стран догоняющего развития. «Догнать и перегнать» однозначно получилось пока только у некоторых дальневосточных стран (Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур), которые начали догоняющее развитие в числе последних, но к концу XX в. смогли успешно включиться в постиндустриальный тренд, качественно уже не отличаясь по экономическим характеристикам от стран западноевропейской культуры. Историкам-компаративистам еще предстоит изучить, какие факторы «дальневосточного чуда» оказались более значимыми — особенности конфуцианской культуры («философской религии», существенно облегчающей секуляризацию и просвещение) или преимущества позднего старта, дающего возможность копировать наиболее зрелые достижения Запада.

Взгляд на Россию петровской эпохи как не на уникальный национальный кейс, а на «всего лишь» первый среди многих опыт сознательного догоняющего развития, позволяет снять многие «претензии» к Петру Великому. Они сводятся по большому счету к двум моментам — к систематической жестокости этой харизматичной личности и, что важнее, к системному противоречию между целями и методами петровской модернизации, из-за чего многие методы скорее тормозили достижение модернизационных целей, чем приближали их. У критически пишущих о Петре I (включая не только публицистичного А. Буровского (Буровский, 2008), но и академичного Е. Анисимова) регулярно встречается мысль, что петровская «революционная» модернизация насильственно прервала начавшуюся до него при первых Романовых эволюционную модернизацию, которая бы могла дать гораздо лучшие результаты. Сравнительный подход показывает, однако, что желанная гуманная и плавная модерниза-

ция исторически не наблюдалась ни в одной догоняющей стране, что доказывает утопичность упований на нее.

Действительно, историю какой бы страны догоняющего развития ни взять, везде легко увидеть аналогов Петра Великого — харизматических государственных лидеров, которые принудительно «втаскивали» страну в прозападную модернизацию радикальными до жестокости методами. Некоторым исключением является, пожалуй, только Индия, главный лидер-модернизатор которой Махатма Ганди был своего рода анти-Петром, принципиальным сторонником ненасилия. Но львиную долю жестокой модернизаторской работы до Ганди выполнило «британское владычество в Индии», о чем писал еще К. Маркс, а преемникам Ганди все же пришлось не раз для достижения модернизационных целей использовать насильственные методы.

Высокая успешность Петра I как реформатора при сравнительном анализе видна в том, что в других странах его функцию обычно приходилось выполнять не одному, а нескольким историческим персонажам. Это хорошо видно на примере соседней Турции, правители которой лучше знали и могли непосредственно учитывать опыт петровской России. Первым султаном-реформатором являлся Селим III, который успел в 1790—1800-х гг. составить план преобразований (включая в первую очередь переход к регулярной армии), но был убит восставшими янычарами. Его продолжателем в 1820—1820-х гг. стал Махмуд II, которого историки прямо сопоставляют с Петром Великим — в частности, за жестокое подавление мятежа янычар, очень похожее на ликвидацию Петром I стрельцов. Завершителем прозападных реформ стал уже в начале XX в. Кемаль Ататюрк, который не только секуляризировал страну, но и, в частности, запретил традиционные для Турции фески, подобно тому как Петр I запрещал традиционные для России бороды.

Опыт Турции хорошо показывает, что стремление осуществлять модернизационные реформы в более медленном режиме похоже на стремление «гуманно» рубить хвост по частям. Процесс перехода превращается из одного скачка в несколько, перемежаемых паузами и откатами, из-за чего переход удлинится в несколько раз, а сокращение негативных издержек перехода совсем не очевидно. В частности, Турция избежала раскола нации на модернизированную элиту и традиционалистский «народ», от чего Россия сильно страдала вплоть до 1920—1930-х гг., но потеряла большую часть Османской империи, в то время как Россия сочетала модернизацию с сохранением и даже расширением государственной территории. Правда, среди либералов популярно мнение, что российская имперскость есть едва ли не главный тормоз национальной модернизации (достаточно вспомнить «Бесконечную империю» (Абалов, Иноземцев, 2021)). Однако крупная страна при прочих равных однозначно имеет преимущества перед малой благодаря хотя бы лучшим возможностям для межрегионального разделе-

ния труда и развития внутреннего рынка. Поэтому современная Россия, раскинувшаяся от Балтийского моря до Тихого океана (в этих масштабах она сформировалась именно при Петре Великом), имеет заметно лучшие перспективы, чем Турция, «свежившаяся» при постепенном распаде Османской империи почти до границ XIV в.

Войны Петра I как инструмент повышения ранга России в мир-системе

Определенным преимуществом — и одновременно ахиллесовой пятой — российского опыта модернизации является органичное сочетание социально-экономической модернизации с военными успехами. Военная победа воспринимается как однозначное свидетельство правильности радикальных перемен, позволяя сплотить вокруг них если не нацию в целом, то хотя бы ее элиту. Но у этой закономерности есть и обратная сторона: если поражение страны в силовом конфликте стимулирует внутренние преобразования, «работу над ошибками», то победа провоцирует успокоенность, отказ от качественных изменений. Поэтому когда анализируют догоняющее развитие, то обычно априори подчеркивают, что страна должна концентрироваться на решении своих внутренних проблем, избегая внешнеполитических «авантюр». Дальневосточные «экономические чудеса» 1960—1990-х гг. (японское, южнокорейское, китайское...), казалось бы, доказывали полезность минимизации внешнеполитической акторности догоняющих стран. Этот либеральный дискурс актуализировался в последние годы в связи с российско-украинским конфликтом.

Однако история стран догоняющего развития демонстрирует много примеров, когда высокая (даже агрессивная) внешнеполитическая активность успешно вписывалась в курс национальной модернизации. Самый известный пример — это революция Мэйдзи в Японии, которая очень быстро перешла в военную агрессию сначала против слабых Кореи и Китая, а потом и против России. Менее известно, что радикально-реформаторская деятельность младотюрков и Кемаля Ататюрка тоже тесно связана с участием Турции в Первой мировой войне, сразу перешедшей в серию реваншистских войн «за независимость Турции» (включавшей возвращение и ряда территорий с преимущественно греческим и армянским населением, подвергшимся геноциду). Даже «миролюбивая» Индия сразу после получения независимости участвовала в 1950—1960-х гг. в серии масштабных военных конфликтов с Пакистаном и КНР, а возвращение португальского Гоа вообще произошло в результате военной операции.

В этом же ряду находится петровская модернизация, которая совпала с непрерывными войнами. Действительно, едва в 1694 г. началось самостоятельное правление Петра (после смерти его матери Наталии Нарыш-

киной), как он организовал Азовские походы 1695–1696 гг. против турок. Большую часть его правления заняла Северная война 1700–1721 гг. со шведами, параллельно с победами в которой Петр I проиграл в 1710–1713 гг. войну с Турцией, а под финал он успел успешно повоевать и с Персией (Каспийский поход 1722–1723 гг.). Из 31 года своего правления Петр не воевал лишь менее пяти лет. Соответственно, все его социально-экономические реформы, как справедливо подчеркнул на конференции Р. М. Нуреев, были либо прямо связаны с потребностями снабжения армии (производство оружия и амуниции, сбор налогов для содержания армии), либо предполагали военную централизацию государственной политики.

Для понимания, почему догоняющее развитие гораздо чаще связано с повышением национальной военной активности, чем со снижением, надо обратиться к идущему от идей И. Валлерстайна (Валлерстайн, 2015–2016) и его единомышленников (Ф. Бродель, Дж. Арриги, Б. Ю. Кагарлицкий и др.) мир-системному анализу.

Как известно, мир-системный анализ полемизирует с изучением развития отдельных стран как самодостаточных социально-экономических систем, на которую другие страны оказывают лишь относительно второстепенное влияние. На самом же деле подавляющее большинство стран вынуждены во многих аспектах «играть» по тем правилам, которые вырабатаны вовсе не ими самими. Это динамичное деление стран мира на те, которые вырабатывают общие «правила игры», и те, которые их принимают, длится, согласно теоретикам мир-системного анализа, уже более пяти столетий. Принципиально важная характеристика мир-системы — неравенство ее стран-участниц, которые по критерию силы (т.е. способности генерировать и навязывать «правила игры») делятся на ядро, полупериферию и периферию. Слабые страны периферии наименее суверенны, вынуждены подчиняться давлению сильных стран, а сильнейшие страны ядра, наоборот, максимально самостоятельны в выборе не только своего пути развития, но и «правил игры» для себя и других стран мира. Поэтому отставание стран периферии и полупериферии (включая Россию) объясняют не только их «плохими» внутренними институтами, но и «плохими» глобальными «правилами игры», которым они вынуждены следовать. Страны ядра навязывают более слабым странам такую экономическую специализацию и такую политику, которые сохраняют лидерство ядра. Ранг и взаимоотношения стран в мир-системе очень существенно зависят именно от военной силы — от способности конкретной страны противодействовать давлению извне и самой оказывать давление на соседей.

Россия — классический пример полупериферийной страны, которая с XVII–XVIII вв., с самого начала своего «подключения» к западноевропейской мир-системе, в одних аспектах принимала «чужие» правила, а в других сама их диктовала, причем, как и любая догоняющая страна,

стремилась меньше подчиняться и больше диктовать самой. Для понимания истории развития России как актора мир-системы надо обратить внимание на высокую динамичность этой системы. Страны постоянно активно конкурируют друг с другом в самых разных формах — от чисто экономических и культурных до чисто военно-силовых, стремясь повысить свою позицию в «табели о рангах». Внутри ядра идет борьба за роль абсолютного мирового лидера. Например, как раз во время Северной войны в Западной Европе шла Война за испанское наследство — в очередной раз за европейское доминирование боролись Великобритания и Франция. Страны полупериферии, в свою очередь, либо настойчиво рвутся в ядро при помощи как «экономических чудес», так и чисто военно-политических акций, либо пытаются отбиться от слишком сильного ограничения их самостоятельности.

Военные методы способны при успехе резко повысить ранг победителя (как это произошло, например, с Японией после русско-японской войны 1904–1905 гг.), создав к тому же сильный долгосрочный эффект национальной консолидации. Однако военные неудачи сильно затягивают модернизацию страны (как в Турции, где регулярные военные поражения на протяжении XIX в. постоянно портили восприятие реформ, а точка невозврата оказалась окончательно пройдена только после побед Кемаля Ататюрка). Поэтому вступление России в самом начале петровских реформ в Северную войну со Швецией, армия которой еще в XVII в. завоевала репутацию лучшей в Европе, объективно походило на «русскую рулетку». Царь Петр заведомо готовился не к «маленькой победоносной войне», а к долгому военному противостоянию. Проигрыш России в этой войне привел бы, скорее всего, к ее дальнейшему развитию в лучшем случае по пути Турции (затяжные реформы с приливами и отливами), а в худшем — по пути Китая (поздние реформы под угрозой потери суверенитета) или даже Индии (реформирование как (полу)колонии Швеции). Но Петр I смог соединить комплексное национальное реформирование с военными победами над очень сильным противником. Парадоксальное пушкинское выражение «*Россию* вдруг он *оживил войной*» подходит к Петру I неизмеримо лучше, чем к его дальнему потомку Николаю I.

В результате Швеция по итогам Северной войны из числа великих держав Европы вышла, а Россия в их число вошла. Это — настоящее «военное чудо», которое смогло для России отчасти заменить «экономическое чудо». Сложившаяся при Петре Великом диспропорциональная модернизированность России, когда страна достаточно сильна в военном отношении, чтобы поддерживать статус великой державы (пусть и второго ряда), но существенно отстает в экономическом отношении даже от невеликих западноевропейских стран, наблюдается уже четвертое столетие.

«Восточный деспотизм» Петра I как промежуточный институциональный комплекс

У догоняющего развития мобилизационного типа, модель которого Петр I продемонстрировал первым в истории, есть органические минусы, которые хорошо видны с 300-летней дистанции. Именно на них чаще всего обращали внимание выступающие на конференциях про **«Парадоксы петровских преобразований...»**: разорение населения из-за повышения налогов в несколько раз; рост бюрократического аппарата, обреченного на коррупцию из-за систематической задержки жалования; утрированный государство-центризм, буквально реализующий удачно придуманный К.-А. Виттфогелем лозунг «Государство сильнее, чем общество» (Wittfogel, 1957). В сущности при критическом обсуждении петровских реформ всплывают почти все характеристики обществ «восточного деспотизма» («азиатского способа производства») с господством собственности. Это заставляет предположить, что за фасадом устремленных в будущее «мифических» (по мнению П. А. Ореховского) петровских реформ реально скрывалась институциональная архаизация. Подобные обвинения в консервативной модернизации, кстати, типичны для обсуждения радикальных реформаторов стран догоняющего развития и XX–XXI вв., от В. И. Ленина до Уго Чавеса.

Рассматривая институциональные изменения петровской эпохи, нельзя не признать, что для россиян петровские времена обернулись едва ли второй опричниной. Можно согласиться с Б. Н. Мироновым, что при первом императоре государственное закрепощение дворянства достигло апогея (Миронов, 2003, т. 1, с. 363), которому позавидовал бы Иван Грозный. Если в XVII в. условия дворянской службы начали было либерализоваться, то в петровские времена все дворяне стали жестко обязаны служить с 15 лет до конца жизни, причем обязательно с низших чинов. Если дворянин не являлся в полк или государственное учреждение, к которому приписан, его могли наказать кнутом (по указу 1720 г.) или «просто» лишить имения. Получение образования стало государственной повинностью — неграмотным дворянам запрещалось жениться. При необходимости государь мог приказать любому дворянину переселиться на новое место: подобно тому как Иван III выселял новгородских бояр, Петр I в приказном порядке заселял дворянами-«переселенцами» Санкт-Петербург. Конечно, в России жестокость законов всегда сглаживалась избирательностью их применения, но ужесточение государственного принуждения в петровской России является неоспоримым фактом.

Для взвешенного понимания роли петровских (и других подобных) реформ есть смысл, однако, вспомнить концепцию В. М. Полтеровича и А. А. Аузана о промежуточных институтах. А. Аузан, активно популяризирующий эту идею (Аузан, 2022), справедливо указывает, что при ради-

кальном реформировании, качественно меняющим национальную социально-экономическую систему, опасно стараться переменить все и сразу. Комплекс качественных институциональных инноваций может войти в слишком резкое противоречие с традиционной культурой, что чревато временным срывом модернизационных процессов (как это было, например, не только в Турции при Селиме III, но и в Иране во время Исламской революции 1979 г.). Поэтому рекомендуется применять не тотально-новое, а «новое как неожиданно примененное старое». Сущность стратегии промежуточных институтов, согласно В. М. Полтеровичу, заключается в «создании желательного института путем построения цепочки сменяющих друг друга институтов, т.е. путем построения институциональной траектории, которая соединяет исходный институт с желаемым. [...] Самое главное здесь — это понимание, что вовсе не обязательно копировать самый передовой, самый прогрессивный институт» (Полтерович, 2007, с. 11). Промежуточные институты «неидеальны» с точки зрения стандартных представлений, как должны выглядеть институты в развитой стране, но они позволяют двигаться к модернизационному идеалу, не вступая в клинч с традиционной культурой. В качестве примера такого «обновленно-старого» института Аузан называет южнокорейские чёболи — крупные бизнес-организации, использующие традиционные клановые связи. Примеры такого рода положительного применения того, что считалось чистой архаикой и абсолютным тормозом в процессе модернизации, легко преумножить: это — развивающийся с 1970-х гг. исламский банкинг; конфуцианская этика как духовная основа дальневосточных моделей капитализма; реставрация императорской власти в Японии 1860-х гг. как метод перехода к тотальному реформированию страны; и т.д. Но предложенный А. А. Аузаном подход можно распространить и глубже в историю при оценке роли гораздо более широкого набора институтов. А не является ли петровская «азиатско-деспотическая» модернизация (использование традиционной власти-собственности ради прогрессивных преобразований) в целом именно промежуточным институциональным комплексом — инструментом достижения модернизационных целей (рыночное хозяйство, урбанизация, секуляризация и т.д.) через несколько поколений?

Выдвинутое предложение вряд будет вполне соответствовать мнению самих авторов концепции промежуточных институтов, поскольку предлагаемая ими «социальная инженерия» предполагает автора (или авторов) проекта долгосрочной модернизации, сознательно спроектировавшего последовательный переход от одних институтов к другим и контролирующего его. Растянутое же на несколько поколений супердолгосрочное институциональное проектирование больше похоже на научно-фантастическое «Основание» Айзека Азимова, чем на реальную историю. Нет никаких сведений, чтобы кто-либо из великих модернизаторов строил долгосрочные планы институциональных реформ, выходящие за пределы их личной

жизни. Однако так ли нужна осознанная нацеленность на многодесятилетнюю долгосрочность для создания отдельных промежуточных институтов и даже их системы? Быть может, достаточно общей установки на синтез новых целей с традиционными культурными нормами?

На примере петровских реформ хорошо видно, что хотя Петр I не оставил своим наследникам никаких планов (всплывшее в XIX в. «Завещание Петра Великого» с долгосрочной программой завоеваний — лишь фальшивка), и сами эти наследники оставляли желать лучшего, но созданная им система тотального государственного закрепощения оказалась именно промежуточным институциональным комплексом. Ведь ориентация на Западную Европу как на образец для подражания (пусть и далеко не тотального) была главным элементом политики Петра Великого и всех его потомков, а потому независимо от того, что именно они сознательно хотели заимствовать, в «прорубленное окно» просачивалось и все остальное — включая то, что правящая элита не замечала или отвергала. В частности, переход от апогея государственного закрепощения дворян к их раскрепощению произошел через цепочку институциональных изменений за срок одной человеческой жизни. Уже при Анне Иоановне в 1730-х гг. дворянам стало можно, записавшись в армию с детства, фактически начинать служить уже офицером, а срок их обязательной службы снизился с пожизненного до 25 лет. Наконец, Манифест о вольности дворянства Петра III 1762 г. сделал государственную службу делом личного пожелания дворянина, еще через полвека началось активное обсуждение и вольности крестьянства. Вряд ли Петр I думал, загоняя дворян на госслужбу едва ли не кнутом, что тем самым он создает условия для их освобождения от этой службы менее чем через 40 лет после своей смерти. Но объективно получилось именно так: мобилизационное развитие петровской эпохи в конечном счете настолько изменило «правила игры», что потомственное дворянство как класс «служилых людей» стало уже через пару поколений не слишком нужным. А попытки Павла I вернуться к методам Петра I быстро закончились «апоплексическим ударом в висок», поскольку эмансипация дворян приняла необратимый характер (Нуреев, Латов, 2018, с. 78–81).

Проблема заключается в том, что многие институты, вполне терпимые как промежуточные, имеют тенденцию превращаться в «окончательные». Именно так произошло в России (и не только в ней) с институтом государственного регулирования, когда «вертикаль власти» воспринимается не столько как инструмент решения других проблем (например, развития правового общества), сколько как самоценность, ради которой можно жертвовать едва ли не всем остальным (включая ту же законность). Это связано с органическим противоречием догоняющего развития, которое всегда возглавляется государством (правителем и (или) политической элитой), роль которого по итогам этого развития должна снизиться в силу

передачи части функций возникшему гражданскому обществу. Государственный аппарат объективно должен «сам себя высечь» и, естественно, стремится вместо этого «высечь» тех, кто стремится умалить «вертикаль власти». Догоняющая модернизация в итоге обречена, даже при высоких начальных успехах, на очень медленное завершение, что хорошо видно на тех же дальневосточных примерах (скажем, в Южной Корее последний раз демонстрантов на улицах расстреливали в 1980 г., уже после начала «экономического чуда»).

В борьбе за прорыв в ядро мир-системы страны догоняющего развития всегда активно используют жестко централизованное (даже авторитарное) управление. Либеральные критики трактуют его (пример Петра Великого — лишь частность) как однозначный тормоз развития. Представляется, что ситуация более сложная (Латов, 2022, с. 108). «Невидимая рука» рынка и демократия решают все проблемы в режиме «шаг за шагом», что затрудняет реализацию крупных (многолетних и дорогих) и радикальных (с высокими рисками) проектов. Не случайно во время войн рынок и демократия даже в XXI в. частично или полностью уступают место госрегулированию и авторитарности. Вспомним, что крупнейшие мировые инфраструктурные проекты, Суэцкий (открыт в 1869 г.) и особенно Панамский (открыт в 1913 г.) каналы, были построены на основе вовсе не чисто рыночной инициативы, а государственно-частного партнерства. Прорывные технологические проекты XX в., атомный и космический, стали в 1940—1970-е гг. результатом тоже госпроектов, причем по обе стороны железного занавеса. Приведенные примеры показывают, что для реализации крупных, долгосрочных и рискованных проектов (а национальная модернизация не может быть иной) «видимая рука» государства имеет ощутимые преимущества.

Поскольку для стран догоняющего развития органичны традиции именно авторитарного централизованного управления, то их использование для модернизации прекрасно укладывается в формулировку А. Аузана «новое как неожиданно примененное старое», но работает одновременно и на приближение модернизации, и на ее отдаление. Эти традиции могут приближать освоение новых технологий (в том числе социальных), но одновременно отдаляют эмансипацию общества от государства. Опыт дальневосточных успехов догоняющего развития показывает, что находить приемлемую для конкретной страны «золотую середину» трудно (Япония искала ее сотню лет), но возможно. Россия пока находится в поиске.

У монополизации государством модернизации с акцентом на военную защиту национального суверенитета (включая нападение на врагов как лучшую защиту от них) есть еще один крупный минус, который редко в явной форме отмечают из-за вытекающих из него «опасных» выводов. Речь идет о неприятной закономерности, когда военные победы вызывают застои (зачем «догонять» тех, кого мы разбили?), а военные поражения,

наоборот, стимулируют реформы. Эти синусоидальные колебания четко видны, например, на истории последнего века Российской империи. Действительно, победы в наполеоновских войнах в 1812—1814 гг. и в серии русско-турецких войн привела к отказу Александра I от планов реформ и к длительной реакции при Николае I. После победы в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. Александр II прекратил свои реформы, а при его преемнике Александре III началась новая полоса реакции. Зато поражение в Крымской войне 1853—1856 гг. вызвало Великие реформы Александра II, а после поражения в русско-японской войне 1904—1905 гг. и спровоцированной ею Первой русской революцией 1905—1907 гг. были созвана Государственная Дума, легализованы политические партии и начаты столыпинские реформы. Эта закономерность вполне проявилась и в петровскую эпоху, когда после блистательной победы в Северной войне ближайшие преемники Петра I на несколько десятилетий прекратили не только реформы, но и, по сути, вообще какие-либо стратегические действия. Такая закономерность ставит в догоняющих странах сторонников перемен перед тяжелым выбором: желать ли своему правительству военных побед, которые чреваты торможением модернизации? Или желать продолжения национальной модернизации ценой поражения своей страны? Правда, сравнительный анализ демонстрирует и другие примеры, когда военная победа не тормозила модернизацию, а, наоборот, давала ей дополнительный импульс: так было в Японии после победы в русско-японской войне 1904—1905 гг. и в Турции после победы кемалистов в «войне за независимость» 1919—1923 гг.

Таким образом, уроки петровских реформ для современной России выглядят крайне неоднозначными, допускающими противоположные истолкования (от «делать всё так же» до «делать все наоборот»). Их можно истолковать как надежду на очередное «оживление России войной»: Петру Великому это удалось 300 лет назад, Кемаль Ататюрк смог сделать в Турции нечто похожее 100 лет назад, чем современные россияне хуже? Но возможен и пессимистический вывод, что России так и не удалось за три столетия завершить начатую при Петре Великом институциональную траекторию, которая соединяет исходную власть-собственность с желаемой эмансипацией общества от государства, из-за чего россияне в который раз вынуждены мириться с перспективой жертвовать своим благосостоянием ради национального суверенитета. Неоднозначность результатов петровских реформ ведет к неоднозначности выводов из них, актуальных для очередной российской «эпохи перемен». Очень высокий имидж Петра Великого в глазах современных россиян и скептицизм специалистов показывают, что ретроспективно такие эпохи воспринимаются очень положительно, но живущим непосредственно в такой эпохе лучше видны издержки деяний реформаторов, в то время как выгоды от них пожинают скорее потомки.

Список литературы

- Абалов, А., & Иноземцев, В. (2021). *Бесконечная империя. Россия в поисках себя*. М.: Альпина Паблишер.
- Андреев, А. Л. (2022). Реформатор перед судом истории: образ Петра Великого в коллективной памяти россиян. *Социологические исследования*, 4, 136–145. DOI: 10.31857/S013216250018468-7
- Анисимов, Е. (2017). *Петр Первый: благо или зло для России?* М.: Новое литературное обозрение.
- Аузан, А. А. (2022). *Культурные коды экономики: Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа*. М.: АСТ.
- Баггер, Х. (1985). *Реформы Петра Великого*. М.: Прогресс.
- Буровский, А. М. (2008). *Петр Первый. Проклятый император*. М.: Яуза; Эксмо.
- Валлерстайн, И. (2015–2016). *Мир-система Модерна*. Т. I–IV. М.: Русский фонд содействия образованию и науке.
- Гершенкрон, А. (2015). *Экономическая отсталость в исторической перспективе*. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Латов, Ю. В. (2022). Концепты и эмпирика транзитного использования российского пространства. *Социологические исследования*, 8, 105–115. DOI: 10.31857/S013216250021067-6
- Миронов, Б. Н. (2003). *Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.)*. СПб.: Дмитрий Буланин.
- Нуреев, Р. М., & Латов, Ю. В. (2016) *Экономическая история России (опыт институционального анализа)*. 2-е изд. М.: КНОРУС.
- Петр Великий: pro et contra*. (2003). М.: РХГА.
- Полтерович, В. М. (2007). *Стратегии институциональных реформ, или Искусство реформ*: Препринт WP10/2007/08. М.: ГУ ВШЭ.
- Wittfogel, K.-A. (1957). *Oriental Despotism; a Comparative Study of Total Power*. Yale University Press.

References

- Abalov, A., & Inozemtsev, V. (2021). *Infinite Empire. Russia in search of itself*. M.: Alpina Publisher.
- Andreev, A. L. (2022). A reformer before the court of history: the image of Peter the Great in the collective memory of Russians. *Sociological Research*, 4, 136–145. DOI: 10.31857/S013216250018468-7
- Anisimov, E. (2017). *Peter the Great: good or bad for Russia?* M.: New Literary Review.
- Auzan, A. A. (2022). *The Cultural Codes of the Economy: How Values Affect Competition, Democracy, and the Welfare of a People*. M.: AST.
- Bagger, H. (1985). *Reforms of Peter the Great*. M.: Progress.
- Burovsky, A. M. (2008). *Peter the Great. Damn emperor*. M.: Yauza; Eksmo.
- Gershenkron, A. (2015). *Economic backwardness in historical perspective*. M.: Publishing house “Delo” RANEP.
- Latov, Yu. V. (2022). Concepts and empiricism of the transit use of the Russian space. *Social Research*, 8, 105–115. DOI: 10.31857/S013216250021067-6
- Mironov, B. N. (2003). *Social history of Russia in the period of the empire (XVIII — early XX century)*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin.

Nureev, R. M., & Latov, Yu. V. (2016). *Economic history of Russia (an experience of institutional analysis)*. 2nd ed. M.: KNORUS.

Peter the Great: pro et contra. (2003). M.: RKhGA.

Polterovich, V. M. (2007). *Institutional Reform Strategies, or The Art of Reform*: Preprint WP10/2007/08. M.: State University Higher School of Economics.

Wallerstein, I. (2015–2016). *The Modern World System*. Vol. I–IV. M.: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

С. А. Нефедов¹

УрО РАН (Екатеринбург, Россия)

УДК: 94 (470) «17/18»

ПЕТРОВСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ВОЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Как известно, теория военной революции описывает процесс трансформации государств раннего Нового времени при появлении вооруженных огнестрельным оружием постоянных армий. В соответствии со схемой Брайана Даунинга этот процесс состоит из ряда последовательных ступеней. 1. Исходной точкой развития является средневековая монархия, в которой власть сюзерена ограничена собраниями (условно, «парламентами»), где преобладают аристократы, распоряжающихся ресурсами своих земельных владений. 2. Военная революция понижает значение рыцарства и требует создания многочисленной армии из вооруженных огнестрельным оружием наемных пехотинцев. 3. Финансирование новой армии требует перераспределения ресурсов в ущерб дворянской аристократии. 4. «Парламенты» сопротивляются этим требованиям, начинается конфликт между монархами и дворянской аристократией. 5. Новая армия обеспечивает победу монархов. 6. Монархи упраздняют «парламенты» или лишают их реальных полномочий, это означает победу абсолютизма. 7. Далее победившие монархи подчиняют дворянство, отнимают у него часть ресурсов. 8. Проводятся реформы, создается новая финансовая система. 9. Создается новая бюрократия, на должности привлекаются простолюдины. 10. Дворянство пытается встроиться в эти новые структуры, занимая служебные должности.

Статья посвящена проверке схемы Даунинга на материале преобразований Петра I. Показано, что российский исторический процесс второй половины XVII в. — начала XVIII в. действительно прошел через десять упомянутых ступеней. Использование этой схемы приводит к более подробному рассмотрению событий, на которые ранее не обращалось должного внимания. Оказывается, что конфликт царя и Боярской думы был вызван не стрелецким мятежом, а носил финансовый характер в рамках передела ресурсов, необходимого для создания новой армии. Обращает на себя внимание использование царем военной силы, чтобы подавить сопротивление бояр. Наконец, становится понятным, что российский абсолютизм не развивался постепенно, а появился в январе 1699 г. в результате скоротечного военного переворота.

Ключевые слова: теория военной революции, преобразования Петра I, победа абсолютизма, налоговая нагрузка, военные расходы, регулярная армия.

¹ Нефедов Сергей Александрович — д.истор.н., доцент, главный научный сотрудник, Институт истории и археологии, УрО РАН; e-mail: hist1@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-0136-5020.

Цитировать статью: Нefeldов, С. А. (2023). Петровские преобразования в контексте теории военной революции. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 58(2), 82–96. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-58-2-5>.

S. A. Nefedov

HSE University (Moscow, Russia)

JEL: N43

PETER'S TRANSFORMATIONS IN THE CONTEXT OF THE THEORY OF MILITARY REVOLUTION

The theory of military revolution is known to describe the process of transformation of states in Early modern period with the appearance of armed with firearms regular armies. According to the Brian Downing model, this process consists of several successive steps. 1. The starting point in development is the medieval monarchy, where the power of the suzerain is limited to meetings (conditionally, “parliaments”), where aristocrats predominate, managing the resources of their land holdings. 2. The military revolution downgrades the value of chivalry and requires the creation of a large army of firearms-wielding mercenary infantrymen. 3. Funding a new army requires the reallocation of resources to the detriment of the nobility. 4. “Parliaments” resist these demands, with the conflict between the monarchs and the nobility starting. 5. The new army ensures the victory of monarchs. 6. The monarchs abolish “parliaments” or deprive them of real powers that means the victory of absolutism. 7. Further, the victorious monarchs subjugate the nobility, taking away part of their resources. 8. Reforms start, with a new financial system created. 9. New bureaucracy is created, with commoners recruited for positions. 10. The nobility tries to fit into these new structures by taking office positions. The article focuses on testing the Downing model on the material of Peter I transformations and shows that Russian historical process of the second half of the 17th — early 18th centuries actually went through the ten steps mentioned above.

Keywords: military revolution, transformations of Peter I, absolutism, tax burden, military spending, regular army.

To cite this document: Nefedov, S. A. (2023). Peter's transformations in the context of the theory of military revolution. *Lomonosov Economics Journal*, 58(2), 82–96. <https://doi.org/MSU0130-0105-6-58-2-5>.

Дискуссия об абсолютизме

В обычной терминологии «абсолютизм, или абсолютная монархия... — та форма монархии, которая не признает никаких ограничений для носителя верховной власти» (Дживилегов, 1910, с. 64). До недавнего времени западные историки считали абсолютизм характерной чертой едва ли не всех европейских государств раннего Нового времени. Термин «абсолютизм» был впервые использован для характеристики правления Петра I из-

вестным немецким историком Отто Хинце (1861–1940). Хинце квалифицировал Россию (наряду с Пруссией) как наиболее деспотичный случай «военного абсолютизма с бюрократическим управлением» (Hintze, 1975, р. 43–58).

Однако ситуация, сложившаяся в российской историографии, была более сложной. В 1950-х гг. советские историки, вслед за западными, считали правление Петра I завершением процесса создания абсолютной монархии (Кафенгауз, Павленко, 1954, с. 286). Однако в 1968–1971 гг. имела место дискуссия о механизме возникновения абсолютизма в России, показавшая всю сложность проблемы. Крупнейший специалист по истории петровской эпохи Е. В. Анисимов писал: «Дискуссия 1960-х — начала 1970-х годов показала бессмысленность научного экстраполирования на русскую почву тех форм государственной власти, которая сложилась в Западной Европе и традиционно называется абсолютной. В России конца XVII — начала XVIII века не было ни “сословий”, ни “абсолютизма”, а были “служилые люди” и было самодержавие и знак равенства между этими понятиями ставить невозможно» (Анисимов, 1997, с. 270). Таким образом, часть российских историков отказалась от концепции абсолютизма, предпочитая использовать термин «самодержавие».

Вероятно, в этом проявилось влияние дореволюционной историографии: классики исторической науки, такие как С. М. Соловьев и В. О. Ключевский, не использовали понятие «абсолютизм». Для С. М. Соловьева все цари одинаково были «самодержцами» и даже царевна Софья была «самодержицей». Однако В. О. Ключевский различает различные ступени самодержавия. Так, Алексей Михайлович «при своем самодержавии уступал широкое участие в управлении» боярам (Ключевский, 1937, т. 3, с. 348). Напротив, Петр I своих функций боярам не уступал, он характеризуется как «самодержец, не знавший границ своей власти» (Ключевский, 1937, т. 4, с. 108).

Сопоставление характеристик правителей показывает, что самодержавие может быть разным, и специалистам приходится говорить об эволюции самодержавия. Так, А. Н. Медушевский, Ю. А. Сорокин и Г. В. Талина утверждают, что самодержавие развивалось в направлении установления абсолютизма, что при Петре I было построено абсолютистское государство (Талина, 2010; Сорокин, 1999; Медушевский, 2015). Традиционная для западных и советских историков 1950–1960-х гг. точка зрения сохранилась в большинстве университетских учебников. В изданном в 2012 г. учебнике для студентов-историков можно прочитать, что «государственный строй России второй половины XVII века эволюционировал по направлению к *абсолютизму* [выделено в учебнике], то есть к неограниченной и бесконтрольной власти монарха» (Павленко и др., 2012, с. 253). «Оформление абсолютизма», согласно этому учебнику, произошло в 1709–1725 гг.

В то время как в российских учебниках сохранялась приверженность концепции абсолютизма, на Западе происходила ревизия этой концепции. В 1992 г. Н. Хеншелл опубликовал работу под вызывающим названием «Миф абсолютизма». Главным образом, на примере Франции Людовика XIV Хеншелл показал, что термин «абсолютизм» не отражает всей сложности отношений монарха и элиты. По Хеншеллу, эти отношения строились преимущественно на основе неформальных компромиссов, которые существенно ограничивали власть суверена. «Консенсус между монархами и правящей элитой был основой всех политических режимов Средневековья и раннего Нового времени», — утверждает Хеншелл (Хеншелл, 2003, с. 11).

После публикации книги Хеншелла понятие «абсолютизм» утратило статус всеобщего императива европейской истории. На смену ему пришла концепция фискально-военного государства, ранее сформулированная в работах Ч. Тилли (Tilly, 1975). В рамках этой концепции движущей силой государственного строительства является война; многочисленная армия требует мобилизации финансовых ресурсов, т.е. создания жесткой централизованной системы сбора налогов и подавления элементов, которые могут сопротивляться этой системе. Постоянные войны приводят к соревнованию государств и успеха добиваются лишь те из них, которые создали наиболее эффективную фискально-военную организацию. Однако это отнюдь не обязательно абсолютистские государства, исторический опыт показал, что наиболее эффективная фискальная организация была создана в Англии и Голландии.

Важно отметить, однако, что сама по себе концепция фискально-военного государства не отрицает существования абсолютизма. Фискально-военное государство — это более широкое понятие, включающее, помимо государств, считавшихся ранее абсолютистскими, страны с парламентскими режимами, имевшими развитую централизованную налоговую систему.

Эффективность новой концепции была доказана в исследованиях, опирающихся на методы математической статистики. В теории военно-фискального государства успех (или неудача) «государственного строительства» (state building) описывается через динамику «государственной мощи» (state capacity) — это показатель мобилизации ресурсов, соответствующий размерам ресурсов, отчуждаемых государством через централизованную налоговую систему. Сравнительно недавно Н. Генайоли и Г.-Дж. Воз построили математическую модель, которая показала, что мощные фискально-военные государства появляются после 1500 г., когда происходившая в это время «военная революция» потребовала мобилизации ресурсов для содержания многочисленных новых армий, вооруженных огнестрельным оружием (Gennaioli, Voth, 2015). Таким образом была доказана непосредственная связь между концепцией фискально-военного государства и военной революцией.

Теория военной революции и схема Даунинга

Созданная в последней трети XX в. теория военной революции утверждала, что появление огнестрельного оружия стало причиной глубокой социально-политической трансформации государств раннего Нового времени (Roberts, 1967). Для Средних веков было характерно военное преобладание рыцарской конницы. Организация военных сил базировалась на предоставлении дворянам-рыцарям земельных владений, бенефициев, ленов или феодов, которые играли роль натуральной платы и обеспечения службы. Деньги, налоги и собирающие их финансовые органы играли в этой системе лишь вспомогательную роль; модель Генайоли — Воза показывает, что богатство казны в те времена не обеспечивало победы в сражениях. Появление огнестрельного оружия привело к закату эпохи рыцарской конницы; на поле боя теперь господствовали массы наемной пехоты. Создатели теории военной революции, М. Робертс и Дж. Паркер, полагали, что организация и финансирование новых армий требовали создания нового военизированного бюрократического аппарата; это открывало дорогу к абсолютизму (Roberts, 1967, p. 206; Parker, 1988, p. 147).

Наиболее четко социально-экономическая часть теории военной революции сформулирована в появившейся в 1992 г. работе Б. Даунинга (Downing, 1992). Он признает расплывчатость понятия «абсолютизм» и вводит более узкое понятие «военно-бюрократического» абсолютизма.

«Я определяю военно-бюрократический абсолютизм как высоко бюрократизированное и военизированное централизованное государство, — указывает Даунинг. — Этим государством управляют без парламента, уничтожив его или обходя его прерогативы. Военно-бюрократический абсолютизм берет под контроль большинство местных центров власти и управляет экономикой с целью поддержания большой и растущей армии. Основные социальные классы вынуждены покориться, или, чаще, примиряются с абсолютизмом, получая доходы от государственной и военной службы. Военно-бюрократический абсолютизм стоит выше закона; государственный интерес превалирует над строгим соблюдением законодательства. Его контроль над судебной системой таков, что политические оппоненты могут преследоваться в судебном порядке так же, как и преступники. Военно-бюрократический абсолютизм заменил большинство, если не все, компоненты средневекового конституционализма и занял господствующие государственные высоты, с которых на протяжении столетий вычерчивал широкие контуры его социальной, политической и экономической истории» (Downing, 1992, p. 11).

Изучение истории западноевропейских стран позволило Б. Даунингу нарисовать схему становления военно-бюрократического абсолютизма (Downing, 1992, p. 74–78). Мы формализуем эту схему, занумеровав последовательные стадии этого процесса.

1. Исходной точкой развития является средневековая монархия, в которой власть сюзерена ограничена собраниями (условно, «парламентами»), где преобладают аристократы, распоряжающихся ресурсами своих земельных владений.
2. Военная революция понижает значение рыцарства и требует создания многочисленной армии из вооруженных огнестрельным оружием наемных пехотинцев.
3. Финансирование новой армии требует перераспределения ресурсов в ущерб дворянской аристократии.
4. «Парламенты» сопротивляются этим требованиям, начинается конфликт между монархами и дворянской аристократией.
5. Новая армия обеспечивает победу монархов.
6. Монархи упраздняют «парламенты» или лишают их реальных полномочий, это означает победу абсолютизма.
7. Далее победившие монархи подчиняют дворянство, отнимают у него часть ресурсов.
8. Проводятся реформы, создается новая финансовая система.
9. Создается новая бюрократия, на должности привлекаются простолудины.
10. Дворянство пытается встроиться в эти новые структуры, занимая служебные должности.

Б. Даунинг оговаривается, что такое развитие событий характерно для стран, вовлеченных в тяжелые и длительные войны и вынужденных к чрезвычайной мобилизации внутренних ресурсов; в богатых, промышленно развитых и выгодно географически расположенных странах внутренняя мобилизация не принимала таких масштабов, конфликт монархов с парламентами был менее острым и здесь мог сохраниться конституционный строй (Downing, 1992, p. 239).

Концепция Даунинга демонстрировала тесную связь процессов экономической и политической истории. Ранее, до военной революции, главным экономическим ресурсом была земля, обеспечивавшая сельскохозяйственное производство и содержание рыцарской конницы. После военной революции главным ресурсом стали деньги, которые требовались для закупки огнестрельного оружия и содержания наемной пехоты. Стержнем политической истории стало решение финансовой проблемы. Эту проблему можно было решить двояким путем, либо увеличением налогов на дворянские земли (или их конфискацией), либо — в торговых странах — обложением торговли и ремесел. Первый путь, характерный для аграрных стран, вел к конфликту между монархом и аристократией и к установлению абсолютизма. Второй путь был дорогой к компромиссу: торговля велась преимущественно по морю, источники торговые прибыли были вне контроля монархов и чрезмерные требования могли привести к эмиграции купцов и вывозу капиталов. Таким образом, Даунинг, как и Хен-

шелл, полагает, что абсолютизм не был всеобщим явлением европейской истории, но, в противовес Хеншеллу, доказывает, что он не был «мифом»; для некоторых — именно аграрных стран — он был реальностью.

В 2013 г. К. Караман и Ш. Памук построили статистическую модель, проверяющую положения теории Даунинга. В этой модели анализировалось, во-первых, влияние войн на темпы «государственного строительства» (state building), которое оценивалось как рост «централизованных финансовых ресурсов», или, что то же самое, рост «государственной мощи» (state capacity). Во-вторых изучалось влияние авторитарных (не имеющих представительных органов власти) или парламентских режимов на доходы в зависимости от уровня урбанизации. Анализ показал, что начиная с XVI в. централизованные финансовые ресурсы 12 европейских государств быстро возрастали и главным фактором, стимулировавшим этот рост, были войны, требовавшие в условиях «военной революции» все больших расходов. Далее было показано, что в аграрных государствах, абсолютистский («авторитарный») режим был более эффективным в мобилизации финансовых ресурсов; в городских экономиках, напротив, преимущество получали парламентские режимы (Karaman, Pamuk, 2013).

Петровские преобразования в контексте схемы Даунинга

Россия была аграрной страной поэтому, согласно теории, ее развитие должно было следовать схеме Даунинга, описываемой пунктами 1—10. Проверим, насколько реальное развитие событий в конце XVII в. — начале XVIII в. соответствовало теоретической модели.

1. Исходной точкой развития является средневековая монархия, в которой власть сюзерена ограничена собраниями (условно, «парламентами»), где преобладают аристократы, распоряжающихся ресурсами своих земельных владений.

Действительно, современные исследователи считают, что в XVII в. власть царей была существенно ограничена Боярской думой. А. Г. Маньков писал, что «Боярская дума еще прочно держала в своих руках во второй половине XVII в. важнейшие рычаги феодальной экономики и социальных отношений» (Маньков, 1998, с. 31). П. В. Седов констатирует, что «на протяжении XVII в. боярство не “исчезало” и не “растворялось”, а наоборот, набирало силу» (Седов, 2006, с. 7). Сопоставление царских именных указов и указов с боярскими приговорами показывает, что едва ли не все крупные законодательные акты начинались словами «царь указал, и бояре приговорили». Именные царские указы относились к более мелким вопросам, и, по большей части, к военной сфере (Седов, 2006, с. 13).

2. Военная революция понижает значение рыцарства и требует создания многочисленной армии из вооруженных огнестрельным оружием наемных пехотинцев.

Как известно, формирование «полков иноземного строя» началось в 1631–1632 гг. при подготовке к Смоленской войне. Во время войны 1654–1667 гг. было создано 55 полков, которые несли на себе основную тяжесть военных действий.

3. Финансирование новой армии требует перераспределения ресурсов в ущерб дворянской аристократии.

Основную массу населения в XVII в. составляли поместные и вотчинные крестьяне. На рис. 1 показано количество пудов хлеба (ржи и овса в равном объеме), которое должны был продать (или отдать в натуре) крестьяне, чтобы рассчитаться с государственными налогами. Как видно из графика, при Иване Грозном душевая налоговая нагрузка составляла 2,8 пуда. После Смуты государство ослабело и налоги резко уменьшились, до 0,16–0,33 пуда с души. В то же время по имеющимся (правда, немногочисленным) данным в 1626–1644 гг. оброчные крестьяне платили помещикам-дворянам около трех пудов с души (Нефедов, 2011, с. 20).

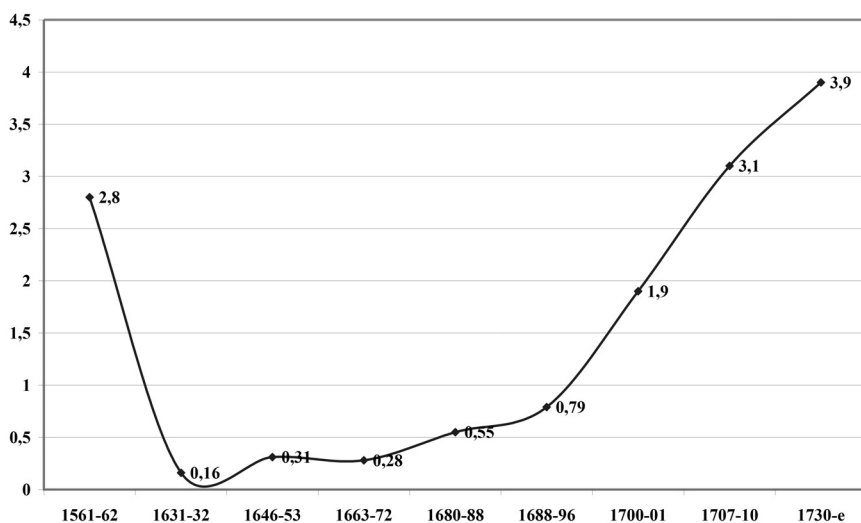

Рис. 1. Налоговая нагрузка на душу населения (пудов хлеба)

Источник: (Нефедов, 2011, с. 15, 104, 105, 113).

Получая оброки, дворяне должны были ежегодно снаряжаться в поход или нести сторожевую службу. Поскольку многие дворяне имели лишь несколько крестьянских дворов, то служебные обязанности были для них обременительными; желая увеличить оброки и опасаясь ухода крестьян, они противодействовали увеличению налогов. Перед Смоленской войной дворяне подавали ко двору коллективные челобитные, добиваясь понижения налогов для их крестьян — и добились их значительного снижения.

В дальнейшем, во время Первой Северной войны, правительство не решилось увеличивать налоги, и полки иноземного строя финансировались чеканкой медной монеты. Это привело к галопирующей инфляции и «Медному бунту». Правительство не могло содержать новую армию, после спешного заключения мира она была распущена, и к 1690-м гг. от нее остались лишь два полка в кадрированном составе. Одним из этих полков командовал генерал Патрик Гордон, который оказал поддержку Петру I во время конфликта с царевной Софьей; молодой царь поручил ему составить из своих «потешных» регулярный Преображенский полк. В. О. Ключевский называл «преображенцев» «новыми янычарами», в недалеком будущем им предстояло стать главной силой царя в конфликте с боярами (Ключевский, 1937, т. 4, с. 88).

Во время поездки в Европу Петр I познакомился с последними достижениями «военной революции», с новым оружием, «фузеями», и с новой линейной тактикой. Фузея была легче и скорострельнее мушкета, кроме того, она позволяла использовать штык-багинет. Таким образом, пикинеры, составлявшие значительную часть прежних армий, оказались не нужны; в соответствии с линейной тактикой мушкетеры строились в несколько шеренг, которые стреляли поочередно. Пионером внедрения новой тактики была австрийская армия, и Петр I имел случай наблюдать за ее маневрами близ Вены. Затем, во время встречи с Августом II в Равенсбургской, он принимал участие в маневрах саксонской армии.

По возвращении в Москву Петр сразу поехал в Преображенское и в следующие дни устроил большие маневры; он хотел сравнить выучку и тактику своих гвардейцев с тем что он видел в Европе. «Царь смотрел на воинские упражнения своих полков, — свидетельствует секретарь имперского посольства И. Г. Корб, — как только он убедился, насколько далеки эти полчища от настоящих воинов, он показывал им различные жесты и движения на самом себе» (Корб, 1906, с. 80). Очевидно, царь был преисполнен намерения создать новую армию по западному образцу, но для этого требовались большие финансовые средства.

4. «Парламенты» сопротивляются увеличению военных налогов, начинается конфликт между монархами и дворянской аристократией.

Считается, что конфликт между боярами и царем был следствием стрелецкого мятежа. Однако, произведя расследование, царь не нашел свидетельств против бояр. Тем не менее конфликт имел место. 23 октября Корб стал свидетелем спора царя с боярами, когда «не щадили ни слов, ни рук», т.е. разъяренный царь дошел до рукоприкладства (Корб, 1906, с. 100). Оказывается, дело было не в мнимом заговоре бояр: конфликт имел финансовый характер. Для создания новой армии требовались деньги. Царь задумал повысить вдвое налоги с городов, а взамен предлагал посадским людям ввести городское самоуправление на голландский манер. При этом воеводы (по большей части бояре) утрачивали власть на ме-

стах и сопряженные с ней формальные и неформальные доходы. Естественно, бояре энергично протестовали. «Но когда в торжественном собрании Господ [т.е. в Боярской думе. — С. Н.] царь сделал им это полезное предложение, — свидетельствует капитан Перри, — то оно вызвало борьбу в среде дворян, так как отсекало значительную отрасль их власти... Убедившись, что борьба ни к чему не приведет, и что под конец царь начал уже сердиться на них, они начали бояться, что несколько голов будет отрублено для примера заслушание и принуждены были покориться» (Перри, 1871, с. 124–125).

5. Новая армия обеспечивает победу монархов.

В обстановке конфликта царь решил прибегнуть к военной силе. Корб рассказывает, что 1–2 января 1699 г. Петр вызвал бояр в Преображенское, но даже здесь, окруженные гвардейцами, они осмелились протестовать, и в итоге один из спорщиков был высечен (Корб, 1906, с. 107–108). Через четыре дня во время праздника Водосвятия Петр устроил форменную военную демонстрацию: он вывел на берег Москвы-реки гвардейские полки и с протазаном в руках стоял в рядах своих «янычар», наблюдая, как бояре идут к «иордани». По обычаю, царь должен был участвовать в процессии, и патриарх должен был окропить его святой водой — но своим поведением царь показал, что он больше не нуждается в благословении и намерен разрешить конфликт силой (Желябужский, 1997, с. 311).

В конечном счете, указ о местном самоуправлении был подписан 30 января 1699 г. как царский именной указ, без упоминания о «боярском приговоре».

6. Монархи упраздняют «парламенты» или лишают их реальных полномочий, это означает победу абсолютизма.

Январь 1699 г. был решающим периодом противостояния царя и Боярской думы. В итоге, Дума была сломлена и практически исчезла со страниц исторических документов. «Приговоры этого учреждения, прежде всем руководившего... делаются малозаметным, редким явлением; на место боярских приговоров в актах становятся именные указы и высочайшие резолюции», — констатирует В. О. Ключевский (Ключевский, 1882, с. 447). «Самое главное, — свидетельствует имперский посол И. Гваринт, — заключается в том, что царь с каждым днем все больше и больше убеждается в том, что во всей империи не найдется ни одного из его родственников по крови и никого из бояр, которым можно было бы доверить важное дело, поэтому он вынужден возложить тяжкое бремя империи на себя и отстранить от дел бояр (которых он называет неверными собаками), чтобы по-новому и иначе взяться за управление» (цит. по: Бушкович, 2008, с. 213).

Таким образом, Петр I стал абсолютным монархом.

7. Победившие монархи подчиняют дворянство, отнимают у него часть ресурсов.

Наиболее яркое описание произошедшего переворота дал прусский посол И. Г. Фоккеродт: «С этой [стрелецкой. — *С. Н.*] казни... Петр пользовался самой полной самодержавной властью в духовных и светских делах... и подлинно заставил своих дворян почувствовать иго рабства: совсем отменил все родовые отличия, присуждал к самым позорным наказаниям, вешал на общенародных виселицах самих князей царского рода... всех без исключения дворян принуждал к военной службе под страхом тяжкого наказания, не давал значения ни какой другой чести или преимуществ, кроме таких, какие присваивал каждому чин его, приобретенный службой...» (Фоккеродт, 2000, с. 33–34). «Он отнял у всех дворян от высшего, до низшего, самую малейшую тень их старых преимуществ, — уточняет Фоккеродт, — и отменил старинный образец, по которому в законах и указах упоминалось о согласии бояр» (Фоккеродт, 2000, с. 32).

В мае–июне 1699 г. московским дворянам было приказано явиться в Преображенское, признанные годными к службе были отданы в учение пехотному строю (Желябужский, 1997, с. 316). Саксонский генерал Ланген писал, что сыновья вельмож определяются в службу рядовыми, что при обучении их не церемонятся, и в унтер-офицеры производят только тех, кто исправно исполняет солдатские обязанности (цит. по: Устрялов, 1858, с. 348). Нужно отметить, что дворяне раньше не служили пехотинцами, не знали, что такое солдатская муштра и не рыли окопы; все это считалось унижением дворянского достоинства. Многие пытались уклониться от службы, уклонившихся секли плетью, заставляли продавать поместья и отправляли в ссылку в Азов (Желябужский, 1997, с. 319, 325).

По свидетельству датского посла Г. Грунда, «князья и бояре» были до крайности недовольны тем, что Петр «забирал их сыновей в армию рядовыми или посылал в Англию и Голландию служить в матросах» (цит. по: Бушкович, 2008, с. 287).

Мало того, начиная службу в армии рядовыми, дворяне уравнивались в положении с крепостными рекрутами. Полвека спустя князь М. М. Щербатов с возмущением писал, что «вместе с холопами... писали на одной степени их господ в солдаты, и сии первые по выслугам... доходя до офицерских чинов, учинялись начальниками господам своим и бивали их палками» (Щербатов, Радицев, 1983, с. 80).

Вместе с тем расходы дворян значительно возросли, так как их служба стала постоянной. «Если добавить к этим трудностям тяжелые контрибуции [чрезвычайные налоги. — *С. Н.*] и другие невзгоды, то русский дворянин теперь не имеет и двадцатой доли того, чем владел до начала войны», — свидетельствует Ларс Эренмальм (Эренмальм, 1991, с. 95). Петр не отнимал дворянские земли, как это сделал Карл XI в Швеции, но подобно Фредерику III Датскому он обложил их налогами, резко сократив налоговые привилегии дворянства.

Отягчение службы, естественно, вызывало недовольство дворян, некоторые не являлись на смотр. У неявившихся отбирали поместья и вотчины — за время войны было конфисковано около 3 тыс. поместий (Тихонов, 1974, с. 61).

8. Проводятся реформы, создается новая финансовая система.

В 1700—1701 гг. Петр I ввел новые подати («драгунскую» и «корабельную»), одинаково распространявшиеся на поместных и государственных крестьян. При этом сбор налогов с составлявших подавляющее большинство населения поместных крестьян увеличился в 2,5 раза (рис. 1). Позднее обязанность помещичьих крестьян платить государственные налоги была закреплена проведением переписи и введением подушной подати — это была главная финансовая реформа Петра I. Как видно из рис. 1, за время правления Петра налоговая нагрузка на поместных крестьян увеличилась в четыре раза. Резкое увеличение налогов с поместных крестьян позволило обеспечить финансирование новой регулярной армии. При царе Федоре (в 1680 г.) все доходы казны составляли около 1 млн руб., а в 1724 г. они достигли 8,6 млн руб. (Нефедов, 2011, с. 70, 105). Как отмечалось выше, специалисты оценивают темпы «государственного строительства» (state building), через рост «централизованных финансовых ресурсов», или, что то же самое, рост «государственной мощи» (state capacity). Таким образом, приведенные цифры свидетельствуют об огромном росте государственной мощи России при Петре I.

9. Создается новая бюрократия, на должности привлекаются простые людины.

«Царь не принимал во внимание высокого положения по рождению или фамилии, но в каждом случае выдвигал за заслуги даже самых худородных плебеев», — писал Питер Брюс (Брюс, 1991, с. 184). В 1722 г. была введена Табель о рангах, установившая лестницу чинов и правила производства. Отныне любой выходец из простонародья, получая чин 14-го ранга (прапорщик или секретарь), становился вместе с тем дворянином.

Табель о рангах была документальным оформлением принципов, которым уже давно следовал Петр I.

10. Дворянство пытается встроиться в эти новые структуры, занимая служебные должности.

Военная революция существенно уменьшила роль дворянской конницы, однако передававшаяся по наследству военная выучка обусловила то обстоятельство, что основную часть офицеров новой армии составляли дворяне. К концу Северной войны 62% офицеров русской армии происходили из русских дворян. По традиции дворяне предпочитали службу в коннице, но даже в пехоте, которой они прежде пренебрегали, доля дворян составляла 52% (Рабинович, 1973, с. 170—171).

Заключение

В итоге мы видим совпадение реального исторического процесса с теоретической моделью по всем десяти пунктам. Это не может быть случайным совпадением: если мы предположим, что вероятность случайного совпадения в каждом пункте равна 50%, то вероятность совпадения в десяти пунктах будет практически нулевой (0,1%). Таким образом, развитие событий в правление Петра I в общих чертах описывается схемой Даунинга. Заметим, что использование этой схемы приводит к более подробному рассмотрению событий, на которые ранее не обращалось должного внимания. Оказывается, что конфликт царя и Боярской думы был вызван не стрелецким мятежом, а носил финансовый характер в рамках общего передела ресурсов, необходимого для создания новой армии. Обращает на себя внимание использование царем военной силы, чтобы подавить сопротивление бояр — это характерная деталь процесса становления военно-бюрократического абсолютизма. Наконец, становится понятным, что российский абсолютизм не развивался постепенно, как считают многие историки, а появился в январе 1699 г. в результате скоротечного военного переворота. Этот переворот позволил Петру I резко увеличить налоги и обеспечить финансирование создаваемой новой армии.

Список литературы

Анисимов, Е. В. (1997). *Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века*. СПб.: Дмитрий Буланин.

Брюс, П. Г. (1991). Из «Мемуаров». В кн.: Беспярых, Ю. Н. *Петербург Петра I в иностранных описаниях* (с. 162–191). М.: Наука.

Бушкович, П. (2008). *Петр Великий. Борьба за власть*. СПб.: Дмитрий Буланин.

Дживилегов, А. (1910). Абсолютизм. В кн.: Железнов, В. Я, Ковалевский, М. М. (ред.). *Энциклопедический словарь товарищества «Братья А. и И. Гранат и К°» Т. I.* (с. 63–73). М.: Товарищество «Братья А. и И. Гранат и К°».

Желябужский, И. А. (1997). Дневниковые записи. В кн.: Либерман А., Шокарев С. (сост.). *Рождение империи* (с. 259–358). М.: Фонд Сергея Дубова.

Кафенгауз, Б. Б., & Павленко, Н. И. (ред.) (1954). *Очерки истории СССР*. В 9 т. Т. 7. Россия в первой четверти XVIII века. Преобразования Петра I. М.: Издательство Академии наук СССР.

Ключевский, В. О. (1882). *Боярская дума Древней Руси*. М.: Типография Б. Миллера.

Ключевский, В. О. (1937). *Курс русской истории*. В 5 т. М.: Государственное социально-экономическое издательство.

Корб, И. Г. (1906). *Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.)*. М.: Издание А. С. Суворина.

Маньков, А. Г. (1998). *Законодательство и право России второй половины XVII в.* М.: Наука.

Медушевский, А. Н. (2015). *Утверждение абсолютизма в России*. М.: Директ-Медиа.

Нефедов, С. А. (2011). *История России. Факторный анализ*. Т. II. М.: Территория будущего.

Павленко, Н. И., Андреев, И. Л., & Федоров, В. А. (2012) *История России с древнейших времен до 1861 года*. М.: Юрайт.

Перри, Д. (1871). Другое и более подробное повествование о России. *Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских*, 2, 39–180.

Рабинович, М. Д. (1973). Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной русской армии в конце Северной войны. В кн: Павленко Н. И. (ред.). *Россия в период реформ Петра I* (с. 133–172). М.: Наука.

Седов, П. В. (2006). *Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века*. СПб.: Дмитрий Буланин.

Сорокин, Ю. А. (1999). *Российский абсолютизм в последней трети XVIII в.* Омск: Изд-во Омского университета.

Талина, Г. В. (2010). *Выбор пути: Русское самодержавие второй половины XVII — первой четверти XVIII века*. М.: Русский мир.

Тихонов, Ю. А. (1974). *Помещичьи крестьяне в России*. М.: Наука.

Устрялов, Н. (1858). *История царствования Петра Великого*. Т. 3. СПб.: Типография Второго отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии.

Фоккеродт, И. Г. (2000). Россия при Петре Великом. В кн.: Либерман А., Наумов В. (сост.) *Неустовый реформатор* (с. 9–104). М.: Фонд Сергея Дубова.

Хеншелл, Н. (2003). *Миф абсолютизма: Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени*. М.: Алетейя.

Щербатов, М., & Радищев, А. (1983). *О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие Радищева*. М.: Наука.

Эренмальм, Л. Ю. (1991). Описание города Петербурга вкпе с несколькими замечаниями. В кн: Беспярых, Ю. Н. *Петербург Петра I в иностранных описаниях* (с. 91–101). М.: Наука.

Brewer, J. (1989) *Sinews of Power: War, Money and the English State, 1688–1783*. Alfred A. Knopf.

Downing, B. (1992). *The Military Revolution and Political Change*. Princeton University Press.

Gennaioli, N., & Voth, H.-J. (2015) State Capacity and Military Conflict. *The Review of Economic Studies*, 82(4), 1409–1448. <https://doi.org/10.1093/restud/rdv019>

Hintze, O. (1975) *The Historical Essays of Otto Hintze*. New York: Oxford Univ. Press.

Karaman, K. K., & Pamuk, Ş. (2013). Different Paths to the Modern State in Europe: The Interaction Between Warfare, Economic Structure, and Political Regime. *American Political Science Review*, 107, 603–626. <https://doi.org/10.1017/S0003055413000312>

Parker, G. (1988). *The Military Revolution: Military Innovation and the Rise of the West, 1500–1800*. Cambridge University Press.

Roberts, M. (1967). *Essays in Swedish History*. University of Minnesota Press.

Tilly, Ch. (1975) Reflections on the history of European state-making. In Ardant G. (ed.) *The formation of national states in Western Europe* (p. 3–83). Princeton Univ. Press.

References

Anisimov, V. E. (1997). *State transformations and autocracy of Peter the Great in the first quarter of the 18th century*. SPb.: Dmitry Bulanin.

Bruce, P. G. (1991). From Memoirs. In Bespyatykh, Yu. N. *Peterburg Petra I v inostrannyh opisaniyah* (p. 162–191). М.: Science.

- Bushkovich, P. (2008). *Peter the Great. Power struggle*. SPb.: Dmitry Bulanin.
- Dzhivilegov, A. (1910). Absolutism. In Zheleznov, V. Ya, Kovalevsky, M. M. (eds.). *Enciklopedicheskij slovar' tovarishchestva "Brat'ya A. i I. Granat i K"*. Vol. 1. (p. 63–73). Association "Brothers A. and I. Garnet and Co."
- Erenmalm, L. Yu. (1991). Description of the city of St. Petersburg, coupled with several remarks. In Yu. N. Bespyatykh. *Peterburg Petra I v inostrannyh opisaniyah* (p. 91–101). M.: Science.
- Fokkerodt, I. G. (2000). Russia under Peter the Great. In A. Lieberman, V. Naumov (eds.) *Neistovyy reformator* (p. 9–104). M.: Sergei Dubov Foundation.
- Henshall, N. (2003). *The Myth of Absolutism: Change and Continuity in the Development of Early Modern Western European Monarchy*. Aletheia.
- Kafengauz, B. B., & Pavlenko, N. I. (eds.) (1954). *Essays on the history of the USSR. In 9 vols. V. 7. Russia in the first quarter of the 18th century. Transformations of Peter I. M.* : Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR.
- Klyuchevsky, V. O. (1882). *Boyar Duma of Ancient Russia*. M.: Printing house B. Miller.
- Klyuchevsky, V. O. (1937). *The course of Russian history*. In 5 vols. M.: State socio-economic publishing house.
- Korb, I. G. (1906). *Diary of a trip to Muscovy (1698 and 1699)*. Edition of A. S. Suvorin.
- Mankov, A. G. (1998). *Legislation and law in Russia in the second half of the 17th century*. M.: Nauka.
- Medushevsky, A. N. (2015). *The Rise of Absolutism in Russia*. M.: Direct-Media.
- Nefedov, S. A. (2011). *Russian history. Factor analysis. T. II. M.* : Territory of the future.
- Pavlenko, N. I., Andreev, I. L. & Fedorov, V. A. (2012). *History of Russia from ancient times to 1861*. M.: Yurayt.
- Perry, D. (1871). Another and more detailed narrative about Russia. *Readings in the Imperial Society of Russian History and Antiquities*, 2, 39–180.
- Rabinovich, M. D. (1973). Social origin and property status of officers of the regular Russian army at the end of the Northern War. In N. I. Pavlenko (ed.), *Istoriya Rossii s drevnejshih vremen do 1861 goda*. (p. 133–172). M.: Science.
- Sedov, P. V. (2006). *Decline of the Muscovite kingdom. Royal court of the end of the 17th century*. SPb.: Dmitry Bulanin.
- Shcherbatov, M., & Radishchev, A. (1983). *On the damage to morals in Russia of Prince Shcherbatov and Radishchev's Journey*. M.: Science.
- Sorokin, Yu. A. (1999). *Russian absolutism in the last third of the 18th century*. Omsk: Omsk University Press.
- Talina, G. V. (2010). *Choice of path: Russian autocracy in the second half of the 17th — first quarter of the 18th centuries*. M.: Russian world.
- Tikhonov, Yu. A. (1974). *Landlord peasants in Russia*. M.: Science.
- Ustryalov, N. (1858). *History of the reign of Peter the Great. Vol. 3*. SPb.: Printing House of the Second Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery.
- Zhelyabuzhsky, I. A. (1997). Diary entries. In Lieberman A., Shokarev S. (eds.). *Rozhdenie imperii* (p. 259–358). M.: Sergei Dubov Foundation.

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

А. А. Бельх¹

РАНХиГС (Москва, Россия)

УДК: 35.083.1

ТРИ ВЕКА ТАБЕЛИ О РАНГАХ

Действующая в современной гражданской службе России система должностей и чинов близка к введенной Петром I в 1722 г. Табели о рангах. В статье исследуется эволюция этого института, показаны его достоинства и недостатки. Создание Табели о рангах стало частью модернизационного проекта Петра I, она сыграла большую роль в организации гражданской службы и системы коллегий. Карьера чиновника определялась выслугой лет, заслугами и образованием. Первоначально чины совпадали с должностями, но к концу XVIII в. произошел разрыв. Приоритетом для продвижения по службе стала выслуга лет. В XIX в. росла численность чиновников, постепенно снижалась доля дворян в общем количестве государственных служащих, рос уровень образованности служащих. В XIX в. несколько раз предпринимались попытки реформирования и отмены системы чинов, но они не имели успеха. Большевики, пришедшие к власти в октябре 1917 г., отменили все сословия, чины и титулы. В советский период классные чины были установлены для дипломатов и работников прокуратуры. Восстановление системы чинов произошло в начале XXI в., с принятием в 2004 г. Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и выходом ряда указов Президента РФ. Фактически создана новая Табель о рангах, которая близка к петровской. Число классов увеличилось с 14 до 15, некоторые названия чинов почти совпадают. Однако система современных должностей принципиально более сложная, чем в петровское время. Пока соотношение чинов и должностей определено только для высшей группы должностей. Значение новой Табели о рангах для эффективности гражданской службы еще предстоит определить.

Ключевые слова: реформы, Табель о рангах, чины, гражданская служба, Петр Первый.

Цитировать статью: Бельх, А. А. (2023). Три века Табели о рангах. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 58(2), 97–113. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-58-2-6>.

¹ Бельх Андрей Акатович — д.э.н., доцент, зав. лабораторией актуальной истории, РАНХиГС; e-mail: abelykh@inbox.ru, ORCID: 0000-0003-3891-7060.

THREE CENTURES OF THE TABLE OF RANKS

The system of job positions and ranks, which is currently in operation in modern civil service in Russia, is similar to the Table of ranks introduced by Peter the Great in 1722. This article studies the evolution of this institution, exploring its advantages and disadvantages. The Table of ranks, being a part of Peter the Great's project of modernization, played an important role in organizing civil service. Civil servant's career was determined by the length of service, merits and education. Originally, ranks coincided with job positions, but by the end of the XVIII century they diverged, with the length of service becoming a priority for job promotion. The XIX century saw an increase in the number of civil servants and gradual decrease in the share of the nobility in the total number of civil servants. During this period there were several attempts, however unsuccessful, to reform or to cancel the system of ranks. In October 1917 the Bolsheviks cancelled all ranks and titles. In the Soviet period, ranks were established for diplomats and public prosecutors. The system of ranks was renewed in early XXI century with the Federal law on "State civil service in the Russian Federation" adopted in 2004 and several Presidential decrees issued later. In fact, it was a new Table of ranks which was very close to that of Peter the Great' The number of ranks increased from 14 to 15, some of their names are nearly identical. However, the system of modern job positions is much more complicated than in XVIII century. So far, the correspondence between ranks and job positions is determined only for the top-level positions. The significance of the new Table of ranks for an effective civil service is still to be determined.

Keywords: reforms, Table of ranks, ranks, civil service, Peter I.

To cite this document: Belykh, A. A. (2023). Three centuries of the Table of ranks. *Lomonosov Economics Journal*, 58(2), 97–113. <https://doi.org/MSU0130-0105-6-58-2-6>.

Введение

24 января 1722 г. российский император Петр I подписал указ, имевший длинное название: «Табель о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных, которые в котором классе чины; и которые в одном классе, те имеют по старшинству времени вступления в чин между собою, однако ж воинские выше прочих, хотя б и старее кто в том классе пожалован был»¹. Этот документ, в который со временем вносились изменения, во многом определил развитие гражданской службы Российской империи за весь период ее существования. Все чины были отменены большевиками практически сразу после взятия власти в октябре 1917 г.

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. первое (далее — ПСЗ I). № 3890.

27 июля 2004 г. российский президент В. В. Путин подписал Федеральный закон № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации». Вторая глава этого закона — «Должности гражданской службы», фактически воспроизводит систему рангов петровской Табели. Таким образом, современная система чинов в российской гражданской службе имеет трехвековую историю.

Проблемы организации чиновного мира, соотношения чинов и должностей, роль образования в карьере чиновников всегда привлекали внимание исследователей. Посвященные этим вопросам работы появлялись в имперский период (Евреинов, 1887; Карнович, 1897), в советское (Ерошкин, 1968; Зайончковский, 1978; Троицкий, 1974) и в постсоветское время (Зубов, 2005; Писарькова, 2019; Шепелев 1999)¹. Однако эволюция Табели о рангах с момента создания в 1724 г. до современности изучена, по мнению автора, совершенно недостаточно. Были ли чины благом или злом для России? Именно этому вопросу посвящена данная статья.

XVIII в. — начало

Принято считать, что в ходе модернизации Россия заимствовала на Западе технологии, а не институты. Действительно, обычно так и происходило. Но деятельность Петра I дала пример использования западных моделей государственного устройства. При этом, конечно, учитывалась российская специфика (Анисимов, 1995). Прежде всего, опыт европейских стран пригодился при создании системы коллегий и Табели о рангах.

«Заимствуя для России вместе с иностранными учреждениями и сами названия как учреждений, так и входящих в них должностей, преобразователь не мог ... не остановить внимания и на существовавшее там особое, установленное законом, соотношение между разными должностями не только одного и того же ведомства, но и других ведомств, с присвоением каждой должности известного ранга с известными правами» (Евреинов, 1887. С. 26). При подготовке российской Табели о рангах были использованы французские, прусские, датские и шведские образцы. Первое упоминание об интересе Петра I к шведским регламентам относится к 1713 г., но реальная работа началась в 1719 г.

В процессе разработки Табели о рангах принято² выделять четыре этапа: 1) подготовка первого варианта А. И. Остерманом (сентябрь 1719 г. — декабрь 1720 г.); 2) создание второй редакции Петром I (январь 1721 г.);

¹ Зарубежные ученые обычно уделяют внимание Табели о рангах только в работах, посвященных Петру I или общей истории России. Первый полный перевод текста Табели появился совсем недавно (Segrillo, 2016).

² См.: (Троицкий, 1974, с. 48). В этой работе истории создания Табели о рангах посвящена отдельная большая глава, в которой более 60 страниц.

3) обсуждение редакции Петра I в Сенате, Военной и Адмиралтейской коллегиях (февраль—октябрь 1721 г.); 4) завершение Сенатом окончательной редакции Табели о рангах (январь 1722 г.). Окончательную редакцию Петр I утвердил 24 января 1722 г.

Табели о рангах содержала 14 классов и три вида чинов — военные, государственные (статские) и придворные. Военные чины подразделялись на сухопутные, гвардейские, артиллерийские и морские. Это на самом деле была большая таблица, содержащая семь столбцов — шесть с видами чинов и еще один с нумерацией классов, и 14 строк. Например, второй класс включал чины: генералы от кавалерии и инфантерии (сухопутные войска), полковник (гвардия), генерал фельдцейхмейстер (артиллерия), адмиралы прочих флагов (морские чины), действительные статские советники, обер-маршал (придворный). Приведем еще один пример (с сохранением орфографии оригинала) — девятый класс содержал следующие гражданские должности: «Титулярной советник; воинских двух, Иностранной коллегии секретари; обер-рент-мейстер в губерниях, полицы-мейстер в резиденции, бургомистры от магистрата в резиденции быть непременно, лантрихтеры в провинциях, профессеры при академиях, докторы всяких факултетов, которые в службе обретаются, архивариус при обоих государственных архивах, переводчик и протоколист сенатские, казначеи при манетном деле, асессоры в надворных судах в резиденции, директоры над пошлинами в портах». Всего в Табелю были включены 262 должности, из них 126 военных, 94 гражданских и 42 придворных (Троицкий, 1974, с. 109).

В указе Петра I после самой Табели следовали «пункты», объяснявшие, «каким образом со оными рангами каждому поступать надлежит» (всего было 19 пунктов). В п. 14 была определена роль образования: «Надлежит дворянских детей в коллегиях производить снизу: а именно, сперва в коллегии юнкеры, ежели ученые ... А которые не учились, а нужды ради и за оскудением ученых приняты, тех сперва в титулярные коллегии юнкеры писать, и быть им те годы без рангов».

Создание Табели о рангах позволило упорядочить взаимоотношения между военной, гражданской и придворной службами, определить иерархию в каждой из этих служб. Ее целью было создание эффективной системы государственного управления и для своего времени она эту задачу решала. Формально Табель не отменила старых московских чинов XV—XVII вв., но поскольку старые чины уже никому не присваивались, они постепенно просто исчезали со смертью их обладателей. Сама Табель не представляла собой жесткой конструкции. Еще при Петре I в нее включались новые должности, изменялись и сами чины. Так, 7 мая 1824 г. был издан указ, состоявший из двух фраз: «Тайных советников чин повысить в третий класс, а на место учинить чин статских действительных советников. Да в пятый класс прибавить статских советников чин» (ПСЗ I, № 4500).

Изменения происходили и после смерти Петра I. В итоге во второй половине XVIII в. чины штатской службы стали выглядеть следующим образом¹:

- I — канцлер;
- II — действительный тайный советник;
- III — тайный советник;
- IV — действительный статский советник;
- V — статский советник;
- VI — коллежский советник;
- VII — надворный советник;
- VIII — коллежский асессор;
- IX — титулярный советник;
- X — коллежский секретарь;
- XI — корабельный секретарь;
- XII — губернский секретарь;
- XIII — провинциальный секретарь;
- XIV — коллежский регистратор.

Петр I, создавая Табель о рангах, желал сохранить дворянский характер государственной службы, но при этом обеспечить поступление на службу и карьеру тех выходцев из непривилегированных сословий, которые добились особенных успехов. Чиновники, дослужившиеся до VIII ранга, получали потомственное дворянство (п. 11). Две задачи — обеспечение в системе гражданской службы главенства дворянства и учет реальных успехов чиновников порой вступали в противоречие. В январе 1722 г. Табель о рангах открывала возможности для продвижения по службе тех, кто был «низкой породы». Но уже 31 января 1722 г. Петр I издал указ «О производстве в секретари приказных, которые дворянства не имеют» (ПСЗ I. № 4449). С одной стороны, указ содержал жесткую формулировку, не допускающую размыкания дворянского сословия: «В Секретари не из шляхетства не определять, дабы потом могли в Ассессоры, Советники и выше происходить». Попадание на нижние ступени служебной лестницы — в секретари, открывало путь к более высоким должностям. Коллежский асессор — это как раз VIII ранг, дающий право на потомственное дворянство. С другой стороны, указ все же сохранял возможность воспользоваться социальным лифтом службы, но только по согласованию с Сенатом: «Буде же из подъяческого чина кто какое знатное дело покажет и заслужит, то таких с свидетельства Правительствующего Сената производить, и чтоб, кто будет Секретарем, из таких чтоб давать шляхетство».

Рост чиновного аппарата требовал привлечения новых людей. Для дворян военная служба считалась более престижной, чем гражданская. Ка-

¹ Классы XI и XIII фактически отсутствовали. С самого начала в XI классе была всего одна должность — корабельного секретаря. Существует версия, что при создании Табели о рангах этот класс был добавлен только для того, чтобы число классов не было равно 13.

рьеру можно было сделать быстрее, да и о денежном содержании военных государство заботилось лучше. Характерно название указа Анны Иоанновны, изданного 21 мая 1739 г.: «О непроизводстве жалованья штатским чинам из штатс-конторы прежде, нежели удовольствованы будут Военная и Адмиралтейская Коллегии и Артиллерия» (ПСЗ I. № 7813). Дворян для системы управления не хватало, формирование управленческого аппарата в большой степени шло за счет непривилегированных сословий. К середине XVIII в., в 1755 г., даже в центральных государственных учреждениях чиновники не дворянского происхождения составляли большинство — 54% (Троицкий, 1974, с. 213). Вместе с тем, ключевые посты в государстве занимали потомственные дворяне.

Табель о рангах создала систему рангов чиновников, но не регламентировала процесса чинопроизводства. Не был решен важный вопрос о принципах карьерного роста. В императорских указах неоднократно подчеркивалось, что назначения должны производиться по старшинству и по заслугам¹. В указе Екатерины II «О правилах производства в статские чины» от 16 декабря 1790 г. (ПСЗ I. № 16930) «впервые вводились преимущества по службе для лиц, получивших образование. При поступлении на гражданскую службу профессоров и медиков они получали чин надворного советника, штаб-медики — коллежского асессора, магистры — титулярного советника, а выпускники университетов — коллежского регистратора» (Писарькова, 2019. С. 112). Таким образом, наряду с выслугой лет и заслугами появился третий фактор, влияющий на карьеру.

К этому времени стало проявляться расхождение рангом и должностью. Уже в середине XVIII в. «получает развитие практика награждения чиновников более высокими рангами при сохранении в прежней должности, чего не было ранее» (Троицкий, 1974, с. 152). В упоминавшемся выше указе 16 декабря 1790 г. устанавливался необходимый срок выслуги для производства в следующий чин — до VIII класса (коллежского асессора) — не менее трех лет. Император Павел I указом от 9 декабря 1799 г. установил сроки выслуги для более высоких классов: коллежские секретари и титулярные советники могли быть произведены в коллежские асессоры через четыре года, коллежские асессоры в надворные советники — через пять лет, надворные советники в коллежские советники — через шесть лет, а коллежские советники в статские советники — через четыре года (ПСЗ I. № 19219). Современный историк справедливо указывает, что в результате был установлен «приоритет многолетней выслуги перед талантом и способностями». Более того, государственные служащие были убеждены в «неотъемлемом праве на очередной чин» (Поташев, 2009, с. 61).

Итак, к концу XVIII в. система чинов и чинопроизводства была выстроена. Но именно на рубеже XVIII и XIX вв. ее недостатки стали оче-

¹ См., например: ПСЗ I. № 8516; ПСЗ I. № 10066.

видными. М. А. Корф, крупный государственный деятель, сам дослужившийся до чина действительного тайного советника¹, в своих записках четко сформулировал проблему — реальное чинопроизводство сильно отклонилось от первоначальной идеи Табели о рангах. В 1722 г. «ранги, т.е. чины, означали — как видно и из их названий — самые места и не имели никакого значения отдельного. Чин давался только должностью и без нее не мог быть получен ни выслугою, ни особенными служебными отличиями. Коллежский регистратор был регистратор коллегии; коллежский секретарь — секретарь коллегии; коллежский ассессор — ассессор или заседатель коллегии». Но потом все изменилось, а после указов Екатерины II (1790) и Павла I (1799), определивших сроки выслуги, необходимые для карьерного повышения, «чины сделались почетными титулами и чем-то самобытным, совершенно независимым и отдельным от мест» (Корф, 2014, с. 141). Критика Корфа была справедлива, но в XVIII в., по крайней мере, еще существовали коллегии и названия чинов, содержащие слово «коллежский», не выглядели неуместными. В начале XIX в. ситуация изменилась — коллегии перестали существовать.

XIX в. — начало XX в. — попытки модернизации

В 1801 г., после убийства Павла I, императором стал его сын Александр I. «Дней Александровых прекрасное начало» ознаменовалось, в том числе, реформами в области государственного управления. В 1802 г. создается система министерств, которые заменили петровские коллегии. Значительную роль в подготовке и проведении реформ начала XIX в. сыграл М. М. Сперанский. Он был убежден, что важнейшим фактором улучшения качества работы чиновников было образование. Система чинов, по его мнению, приводила к делению народа на два класса — дворянство и чернь, уравнивала тех, кто овладел науками и невежд, порождала карьеризм и злоупотребления. В адресованной Александру I записке «Об усовершенствовании общего народного воспитания» Сперанский писал: «Средство самое коренное к успехам народного образования было бы уничтожение на будущее время всех чинов титулярных, или, лучше сказать, обращение их к тому первоначальному правилу, чтоб чины не что иное были, как означение мест, действительно занимаемых» (Сперанский, 1907, с. 734).

Сперанский понимал, что с отменой чинов Александр I не согласится. Но ему удалось убедить императора подписать два указа, которые сыграли большую роль в дальнейшем развитии государственной службы. Первый

¹ Чин действительного тайного советника Корф получил, будучи директором Императорской публичной библиотеки (ныне — Российская национальная библиотека). Хотя это чин второго класса, но более высокий чин — канцлера — за всю историю Российской империи получили только несколько министров иностранных дел.

указ, подписанный 3 апреля 1809 г., реформировал придворную службу¹. Все находившиеся при дворе камергеры и камер-юнкеры, не состоявшие ни в военной, ни в гражданской службе, должны были в течение двух месяцев «избрать род действительной службы». Те, кто не поступил бы на военную или гражданскую службу, считались бы в отставке. Совмещение придворной и иной службы допускалось, но присвоение чина камер-юнкера или камергера не вело к присвоению иных чинов и не давало преимуществ при прохождении действительной службы. Хотя остальные придворные чины сохранялись, этот указ, конечно, существенно затрагивал интересы придворной элиты.

Однако гораздо большее возмущение большинства дворян вызвал инициированный Сперанским второй указ, подписанный Александром I 6 августа 1809 г.: «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках для производства в коллежские ассессоры и статские советники» (ПСЗ I. № 23777). С момента опубликования указа никто не мог получить чина коллежского ассессора, если, кроме необходимой выслуги лет и положительных отзывов начальства, «не предъявит свидетельство от одного из состоящих в Империи университетов, что он обучался в оном с успехом наукам, гражданской службе свойственным», или не пройдет соответствующих испытаний (экзаменов). Аналогичные требования предъявлялись и для получения чина статского советника. Указ подробно описывал программу испытаний, а также процедуру их проведения. Этот указ, призванный закрыть возможность получения потомственного дворянства для необразованных чиновников, вызвал, по свидетельствам современников, страшную ненависть к Сперанскому (Зайончковский, 1978, с. 31).

Как обычно, «существовали четыре способа преодолеть ограничения, накладываемые новым законом: (1) предпринять необходимые действия до введения документа в силу, (2) представить фиктивный документ о необходимом уровне знаний, (3) добиться исключений, (4) отменить сам указ» (Белых, Дмитриев, 2021, с. 151–152). Дворянами были использованы все эти способы, но добиться отмены указа не удалось. Зато удалось добиться изменения положения самого автора указа.

Многие представители дворянской элиты обвиняли Сперанского в том, что он находился под иностранным влиянием, что он якобы хотел ввести в России французские порядки в угоду Наполеону. Против Сперанского затевались интриги, его обвинили даже в финансовых злоупотреблениях. Министр полиции А. Д. Балашов передал Александру I распечатанное

¹ «О неприсвоении званиям камергеров и камер-юнкеров никакого чина ни военного, ни гражданского и об обязанности лиц, в сих званиях состоящих, вступить в действительную службу и продолжать оную по установленному порядку с первоначальных чинов» (ПСЗ I. № 23559).

письмо, якобы посланное Сперанскому поляками, проживавшими в Киевской губернии, в котором они передали ему 80 тыс. руб. за содействие в устройстве их дел. Денег в письме не было. Царь решил, что их присвоил сам Балашов, и не заподозрил Сперанского в коррупции. Однако Александр I либо поверил, либо сделал вид, что поверил, в сговор Сперанского со сторонниками Наполеона. Раздражение царя против Сперанского нарастало, он не мог и не хотел сдерживать волну критики в его адрес, что привело в марте 1812 г. к отставке и ссылке реформатора (Белых, Мау, 2020).

Отставка Сперанского не привела к отмене подготовленных им указов. Не исчезли и проблемы, связанные с действовавшей системой чинов, — несоответствие чинов должностям, низкий уровень образованности чиновников, продвижение по службе в результате протекции, а не в связи с реальными заслугами. Введенные для чиновников экзамены не были реальным средством преодоления накопившихся проблем. Традиционная критика экзаменов сводилась к тому, что от чиновников требовались ненужные знания. Более содержательные соображения высказал Корф: «Цель указа состояла главнейше в том, чтобы места были занимаемы людьми образованными и сведущими, а вместо того испытания производились не на должности, а на чины, т.е. на почетные звания. Кроме того, при последующих пересмотрах указа 1809 года в общих видах рассуждаемо было — и, конечно, очень справедливо, — что экзамен в науках часто бывает совершенно ложным мерилom для суждения о деловой способности чиновников» (Корф, 2014, с. 146).

В апреле 1812 г., через месяц после отставки Сперанского, был создан Особый комитет для выработки постановления о введении экзаменов при производстве в чины. Мнения членов комитета разделились. Высказывалось предложение о соединении чинов с должностями, что фактически привело бы к отмене самих чинов. Однако министр юстиции Д. П. Троицкий доказывал, что чины необходимы как средство поощрения служащих. Радикальных решений принято не было, впрочем, программы экзаменов были скорректированы — от чиновников перестали требовать знания философии. Указ 6 августа 1809 г. отменен не был, он продолжал действовать до 1834 г., когда вступило в силу «Положение о порядке производства в чины по гражданской службе» (ПСЗ II. № 7224).

В течение всего XIX в. наблюдалось несколько тенденций. Во-первых, постоянно росла численность чиновников. Во-вторых, в системе государственной службы постепенно сокращалась доля дворян. В-третьих, возрастало значение образования и уровень образованности служащих (Белых, Дмитриев, 2021, с. 145). Карьерные успехи позволяли лицам недворянского происхождения стать дворянами. Для противодействия этой «размывания» дворянского сословия принимались административные меры. Манифест, изданный 11 июня 1845 г. (ПСЗ-II. № 19086), установил, что потомствен-

ное дворянство получали чиновники не VIII, а V класса (статские советники). Указ 9 декабря 1856 г. (ПСЗ-II. № 31237) повысил требование — теперь потомственными дворянами становились только действительные статские советники (IV класс)¹.

Весь XIX в. предпринимались попытки модернизировать систему государственной службы. Существенным компонентом этой модернизации могла стать отмена чинов. Если Табель о рангах принималась с использованием зарубежного опыта, то в XIX в. в ведущих странах Европы чинов в традиционном понимании уже не существовало. Было несколько попыток отменить чины и в России. 6 декабря 1827 г. создается секретный комитет для изучения вопросов организации гражданской службы. Комитет выработал проект Устава о службе дворянской, в котором рекомендовалось отменить чины и оставить право присвоения дворянство только монарху. Николай I этот проект не утвердил. В 1846 г. был образован Особый комитет для пересмотра устава о гражданской службе, который сделал вывод о целесообразности соединения классов чиновников с должностями. В связи с резкими возражениями министра просвещения С. С. Уварова рекомендации комитета не были приняты. В 1858 г. комитет, который возглавлял Д. Н. Блудов, вновь рекомендовал отменить производство в чины отдельно от должностей, а также создать новый порядок гражданской службы. Однако Александр II не согласился с этим предложением (Зайончковский, 1978, с. 46). В октябре 1883 г. было создано Особое совещание по вопросу об изменении действующих законоположений о порядке чинопроизводства в гражданском ведомстве под председательством управляющего Собственной е. и. в. канцелярией С. А. Танеева. В сущности, предложения Особого совещания были аналогичны рекомендациям ранее создававшихся комитетов. Они были даже одобрены Александром III, но заблокированы Государственным советом.

Последний раз в истории Российской империи вопрос об отмене чинов рассматривался в ходе работы созданной в 1895 г. Комиссии по пересмотру Устава о службе гражданской и других относящихся к сей службе постановлений. Председателем Комиссии стал Е. А. Перетц а после его смерти в 1899 г. — И. И. Шамшин. Комиссия работала шесть лет, к моменту окончания работы в ней состоял 31 человек. Комиссия пришла к выводу о целесообразности сохранения чинов, но высказалась против производства в чин за выслугу лет. Она рекомендовала отменить четыре нижних чина (коллежский регистратор, коллежский секретарь, коллежский асессор, коллежский советник) и не присваивать чинов выпускникам учебных заведений. При этом Комиссия высказалась за повышение образовательного ценза для поступающих на службу. Комиссия закончила работу в 1901 г.

¹ Этот чин получил Илья Николаевич Ульянов, директор народных училищ Симбирской губернии.

и представила свои предложения в Государственный совет. Они были пересланы на отзыв в различные ведомства и дело тянулось еще пять лет. Уже во время революции, 5 октября 1906 г. Николай I утвердил положение Совета министров «Об изменении порядка производства в первый классный чин и переименовании в гражданский чин из офицерского» (ПСЗ III. № 28393). В документе говорилось: «Канцелярские служители для производства их в первый классный чин делятся на разряды в зависимости от полученного ими образования». По существу, сословный принцип получения чина был заменен образовательным (Белых, Дмитриев, 2021, с. 165). Сами чины, однако, были сохранены.

В чем причина жизнеспособности системы чинов в условиях Российской империи? Современный историк А. Ф. Поташев пишет: «Радикальные проекты замены чинов должностными категориями обсуждались в правительственных верхах, но не прошли в жизнь, поскольку ликвидация чинов закрыла бы доступ разночинцам на госслужбу, превратила бы дворянство в замкнутую касту» (Поташев, 2009, с. 118). С этим аргументом нельзя согласиться. Как показано выше, законодательство XIX в. как раз было направлено на предотвращение размывания дворянского сословия. Без разночинцев гражданская служба все равно не могла обойтись — дворян бы просто не хватило.

Борьба дворянства за сохранение чинов была вызвана вовсе не заботой о разночинцах, а желанием сохранить свои привилегии. В этом и была основная причина. Для дворянской элиты эффективность государственного управления не была приоритетом. Для и сам Поташев приводит характерный пример, противоречащий его позитивным оценкам системы чинов: «Директор департамента железнодорожных дел при министерстве финансов. ... С. Ю. Витте проявил новаторский подход к подбору кадров. ... он добился права назначать и перемещать работников вне зависимости от их чинов и даже наличия права на госслужбу» (Поташев, 2009, с. 88). То есть для успешной деятельности выдающегося государственного деятеля Витте чины оказывались помехой.

Вплоть до революции 1917 г. существенных изменений в системе гражданской службы не происходило. Пришедшие к власти большевики подошли к вопросу радикально — «Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов» был утвержден Центральным исполнительным комитетом Советов рабочих и солдатских депутатов на заседании 10 (23) ноября 1917 г. и одобрен Советом Народных Комиссаров 11 (24) ноября 1917 г. Как и большинство первых декретов новой власти, он представлял собой лаконичный текст — в нем было семь статей, содержащих всего около 1000 знаков. Первые две статьи декрета гласили:

«Ст. 1. Все существовавшие доныне в России сословия и сословные деления граждан, сословные привилегии и ограничения, сословные организации и учреждения, а равно и все гражданские чины упраздняются.

Ст. 2. Всякие звания (дворянина, купца, мещанина, крестьянина и пр.), титулы (княжеские, графские и пр.) и наименования гражданских чинов (тайные, статские и проч. советники) уничтожаются и устанавливается одно общее для всего населения России наименование граждан Российской Республики».

Вполне логично было бы сделать вывод о том, что история чинов в России завершилась¹. Оказалось, что такой вывод был бы ошибочным.

XXI в. — возрождение системы чинов

Современная система чинов появилась в России в начале XXI в., но попытки ввести чины в отдельных сферах деятельности начались еще в советский период, в 1940-х гг. Так, 9 мая 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «Об установлении рангов для дипломатических представителей СССР за границей». Указ установил три ранга: чрезвычайного и полномочного посла, чрезвычайного и полномочного посланника и поверенного в делах. В развитие этого Указа 28 мая 1943 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об установлении рангов для дипломатических работников Народного комиссариата иностранных дел, посольств и миссий СССР за границей». Этим Указом вводились ранги посланников 1-го и 2-го классов, а также советников 1-го и 2-го класса, первого секретаря 1-го и 2-го классов, второго секретаря 1-го и 2-го классов, третьего секретаря и атташе.

16 сентября 1943 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об установлении классных чинов для прокурорско-следственных работников органов прокуратуры». В соответствии с этим Указом были введены следующие чины: действительный государственный советник юстиции; государственный советник юстиции 1-го, 2-го и 3-го классов; старший советник юстиции; советник юстиции; младший советник юстиции, юрист 1-го, 2-го и 3-го классов, младший юрист. Отметим, что термин «чин» в сфере гражданской службы в советское время употреблялся только для работников прокуратуры.

Затем, в период с 1947 по 1953 г., Указами Президиума Верховного Совета были введены персональные звания и ранги в различных отраслях промышленности и транспорта, в министерствах и ведомствах². В боль-

¹ В 1977 г. известный историк Л. Е. Шепелев издал книгу «Отмененные историей: чины, звания и титулы в Российской империи».

² В частности, они были введены: в угольной и сланцевой промышленности (10.09.1947), в геологической службе (14.10.1947), в черной металлургии (10.12.1947), в цветной металлургии (20.03.1948), в химической промышленности (08.11.1948), в нефтяной и газодобывающей промышленности (11.01.1950), в Министерстве связи (13.12.1948), в Министерстве заготовок (17.06.1949) и других министерствах и ведомствах. Подробнее см. статью «Табель о рангах СССР», доступную онлайн.

шинстве своем они были отменены Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 июля 1954 г. «Об отмене персональных званий и знаков различия для работников гражданских министерств и ведомств». Это свидетельствовало об отказе от той чрезмерной бюрократизации гражданской службы, которая была характерна для позднего сталинского периода.

Необходимо отметить, что, хотя в указах советского времени употреблялся термин «ранг», по сути, речь шла о должностях. Персональные звания и ранги имели отраслевой характер. Впрочем, и в петровской Табели о рангах, в момент ее создания, чины тоже совпадали с должностями, разрыв между ними произошел позже.

Настоящий возврат к системе чинов произошел уже в постсоветской России, в начале XXI в. 27 июля 2004 г. был принят Федеральный закон № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации». Статья 9 закона вводит классификацию должностей гражданской службы, они подразделяются на четыре категории — руководители, помощники (советники), специалисты и обеспечивающие специалисты; и пять групп — высшие, главные, ведущие, старшие и младшие группы должностей. Статья 11 закона «Классные чины гражданской службы, классные чины юстиции, дипломатические ранги» ввела 15 классных чинов гражданской службы — пять видов чинов, каждый из которых может иметь 1-й, 2-й или 3-й класс. Устанавливается соответствие классных чинов и групп должностей:

действительный государственный советник	
1-го, 2-го и 3-го классов	— высшая группа;
государственный советник	
1-го, 2-го и 3-го классов	— главная группа;
советник государственной гражданской службы	
1-го, 2-го и 3-го классов	— ведущая группа;
референт государственной гражданской службы	
1-го, 2-го и 3-го классов	— старшая группа;
секретарь государственной гражданской службы	
1-го, 2-го и 3-го классов	— младшая группа.

Следующим значимым шагом в регулировании гражданской службы стал Указ Президента РФ от 1 февраля 2005 г. № 113 «О порядке присвоения и сохранения классных чинов государственной гражданской службы Российской Федерации федеральным государственным гражданским служащим». Указ регулирует порядок вступления в государственную службу и получения первого чина, сроки службы, необходимые для получения следующего чина. Указ содержит приложение — таблицу соотношения классных чинов федеральной государственной гражданской службы, воинских и специальных званий, классных чинов юстиции, классных чинов прокурорских работников. Завершением системы стал Указ Президента

РФ от 31 декабря 2005 г. № 1574 «О Реестре должностей федеральной государственной гражданской службы». Указ утвердил реестр должностей, его размер впечатляет — список должностей занимает 88 страниц (файл в формате word, один интервал, шрифт 12). Правда, нет ясности, как соотносятся конкретные должности в тех или иных государственных структурах и классные чины. Для высшего эшелона власти этот вопрос решен Указом Президента РФ от 23 августа 2019 г. № 396 «Об утверждении таблицы соответствия классных чинов государственной гражданской службы Российской Федерации должностям федеральной государственной гражданской службы высшей группы должностей»¹.

Фактически произошло создание новой Табели о рангах, которая лишь незначительно отличается от петровской. Да, классных чинов стало больше — 15 вместо 14, но даже названия чинов похожи — есть и советники, и секретари. Действительный статский советник — это же и есть действительный государственный советник².

Новая Табель о рангах существует больше 15 лет, но оценки ее эффективности, даваемые различными исследователями, порой прямо противоположны. Оценка полезности современной системы чинов взаимосвязана с оценкой ее необходимости в прошлом. Так, А. Ф. Поташев оценивает систему чинов, существовавшую в Российской империи, исключительно положительно: «Чиновничество было послушным орудием самодержавия, инструментом проведения социально-экономических и политических реформ» (Поташев, 2012, с. 156). То, что чиновничество было орудием самодержавия, бесспорно, но оно не могло быть инструментом проведения политических реформ, поскольку самодержавная власть таких реформ не проводила.

Положительная оценка старой Табели о рангах неизбежно приводит к одобрению новой Табели и к рекомендациям по ее развитию. Так, Поташев считает, что целесообразно «установить соответствие класса служебного автомобиля рангу чиновника», «включить в систему госслужбы дипломированных специалистов: врачей, учителей, инженеров, присвоить классные чины обладателям должностных категорий, ученых степеней и званий» (Поташев, 2012, с. 157). Такие новации вряд ли улучшат качество работы гражданских служащих.

Скорее следует согласиться с теми исследователями и государственными деятелями, которые считают, что реформирование системы государственного управления, декларированное в различных правительственных документах, производится медленно и недостаточно результативно. Созданная система чинов пока не дала значимого эффекта: «Сравнение функ-

¹ Поскольку речь идет только о группе высших должностей, список гораздо меньше — всего 15 страниц в том же формате.

² Staat (голл.) — государство.

ционирования системы чинопроизводства в XXI в. с опытом прошлого показывает, что в современных условиях воспроизводятся не столько достоинства классных чинов как элемента системы гражданской службы, сколько их недостатки, проявившиеся в течение почти двухсотлетней истории существования чинов в имперской России» (Зубов и др., 2017, с. 169).

Однако серьезная оценка полезности новой Табели о рангах может быть сделана только на основе специальных исследований. Для такой работы необходимы статистические данные о динамике численности сотрудников гражданской службы, о том, сколько и каких чиновников имеют те или иные классные чины, о том, насколько эффективна работа служащих и гражданской службы в целом. Необходимо и решение ряда теоретических проблем, связанных с критериями оценки.

Заключение

Петровская Табель о рангах сыграла большую роль в создании государственной службы Российской империи. Она ознаменовала разрыв с прошлым, стала одним из элементов петровской модернизации. Табель упорядочивала взаимоотношения чиновников, военных и придворных. Созданная система чинопроизводства основывалась на учете выслуги лет, заслугах и образованности чиновников.

Однако постепенно происходил разрыв между чинами и должностями, роль выслуги лет приобрела гипертрофированное значение. В XIX в. система чинов выглядела уже достаточно архаично. Передовой частью общества она воспринималась достаточно негативно. Приведем одно из характерных суждений того времени: «...вредное влияние чинов состоит особенно в том, что они образуют из служащих какую-то отдельную, разобщенную с прочим населением, касту, которая живет своею особенною жизнью, считает себя выше остального общества, и на которую общество также смотрит как на что-то чуждое и почти враждебное. Среди этой касты постоянно питается и поддерживается чувство самого ложного честолюбия, жажда к повышению и внешним отличиям» (Евреинов, 1887, с. 54).

Попытки модернизировать систему чинов предпринимались неоднократно, но они не имели успеха. Большевики, пришедшие к власти в 1917 г., отменили все чины и титулы.

В начале XXI в. была создана новая Табель о рангах, по сути, достаточно близкая к петровской. Оценка эффективности этой новой Табели — задача будущих исследований.

Список литературы

Анисимов, Е. В. (1995). «Шведская модель» с русской «особостью». *Звезда*, 1, 133–150.

Белых, А. А., & Дмитриев, А. Л. (2021). Образование и происхождение: из истории гражданской службы в России в XIX веке. *Экономическая политика*, 16(4), 144–169.

Белых А. А., & Мау В. А. (2020). Экономические реформы в России: вопросы теории и практика XIX — начала XX в. *Вопросы экономики*, 1, 18–46.

Евреинов, В. А. (1887). *Гражданское чиновничество в России*. СПб.: Тип. А. С. Суворина.

Ерошкин, Н. П. (1968). *История государственных учреждений дореволюционной России*. 2-е изд. испр. и доп. М.: Высшая школа.

Зайончковский, П. А. (1978). *Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в.* М.: Мысль.

Зубов, В. Е. (2005). *Реформа гражданской службы в России (конец XIX — начало XX века)*. Новосибирск: СибАГС.

Зубов, В. Е., Богдан, Н. Н., & Бушуева, И. П. (2017). Классный чин в государственной и гражданской службе: история и современность. *Вестник Кыргызско-Российского славянского университета*, 17(6), 168–173.

Карнович, Е. П. (1897). *Русские чиновники в былое и настоящее время*. СПб.: Типогр. П. П. Сойкина.

Корф, М. А. (2014). *Жизнь графа Сперанского*. М.: Статут.

Писарькова, Л. Ф. (2019). *Государственное управление России в первой трети XIX в. Становление министерской системы*. М.: Новый хронограф.

Поташев, А. Ф. (2009). *История регламентации государственной службы в Российской империи*. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет путей сообщения.

Поташев, А. Ф. (2012). «Табель о рангах» Петра I в истории России. *Грамота*, 1(15): в 2 ч. Ч. II, 155–157.

Сперанский, М. М. (1907). Об усовершенствовании общего народного воспитания. *Русский архив*, 12, 729–735.

Табель о рангах СССР. http://www.gossluzhba.narod.ru/ranks/ussr_1991.html

Троицкий, С. М. (1974). *Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии*. М.: Наука.

Шепелев, Л. Е. (1977). *Отмененные историей: чины, звания и титулы в Российской империи*. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние.

Шепелев, Л. Е. (1999). *Чиновный мир России XVIII — начало XX в.* СПб.: Искусство-СПб.

Segrillo, A. (2016). A First Complete Translation into English of Peter the Great's Original Table of Ranks: Observations on the Occurrence of a Black Hole in the Translation of Russian Historical Documents. *São Paulo: LEA Working Paper Series*, 1, 6–9.

References

Anisimov, E. V. (1995). “Swedish model” with Russian “peculiar properties”. *Zvezda*, 1, 133–150.

Belykh, A. A., & Dmitriev, A. L. (2021). Education and Lineage: From the History of Russian Civil Service in the 19th Century. *Ekonomicheskaya Politika*, 16(4), 144–169.

Belykh, A. A., & Mau, V. A. (2020). Economic Reforms in Russia: Theoretical aspects and the practice of XIX century. *Voprosy ekonomiki*, 1, 18–49.

Eroshkin, N. P. (1968). *The History of State Institutions of Pre-Revolutionary Russia*. М.: Vysshaya shkola.

- Evreinov, A. I. (1887). *Civilian Rank Promotion in Russia*. Saint Petersburg: Tip. A. S. Suvorina.
- Karnovich, E. P. (1897). *Russian Officials in the Past and in the Present*. Saint Petersburg: Tip. P. P. Soikina.
- Korf, M. A. (2014). *Life of Count Speransky*. M.: Statut.
- Pisarkova, L. F. (2019). *State Administration of Russia in the First Third of the 19th Century: Formation of the Ministerial System*. M.: Novyy khronograf.
- Potashev, A. F. (2009) *History of Ranking in Civil Service in the Russian Empire*. Rostov-na-Dony: Rostov State Transport University.
- Potashev, A. F. (2012). Peter the Greats' "Table of Ranks" in the History of Russia. *Gramota*, 1(15), p. II, 155–157.
- Shepelev, L. E. (1977). *Cancelled by History: Ranks, Status, Titles*. Leningrad: Nauka, Leningrad branch.
- Shepelev, L. E. (1999). *The World of Civil Servants of Russia in XVIII — early XX centuries*. Saint Petersburg: Iskustvo-SPb.
- Speranskiy, M. M. (1907). On Improving General Public Education. *Russkiy arkhiv*, 12, 729–735.
- Table of ranks of the USSR. http://www.gossluzhba.narod.ru/ranks/ussr_1991.html
- Troitskiy, S. M. (1974). *Russian Absolutism and Nobility in the 18th Century: Formation of Bureaucracy*. M.: Nauka.
- Zayonchkovskiy, P. A. (1978). *Governmental Administration of Autocratic Russia in the 19th Century*. M.: Mysl.
- Zubov, V. E. (2005). *Reform of the Civil Service in Russia (Late 19th — Early 20th Century)*. Novosibirsk: SibAGS.
- Zubov, V. E., Bogdan, N. N., & Bushueva I. P. (2017). Class Rank in the State Civil Russian Service: Past and Present. *Herald of KRSU*, 17(6), 168–173.

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

П. А. Ореховский¹

Институт экономики РАН (Москва, Россия)

УДК: 330.88

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ МИФА ПЕТРА I В НОВОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОЛОГИИ²

Привычный образ Петра I в нынешнем общественном мнении — великий российский император, осуществивший глубокую модернизацию России, позаимствовав лучшие образцы западной культуры, создавший флот, построивший новую столицу России — Санкт-Петербург, одержавший ряд крупных военных побед. Тем не менее многие историки оценивают достижения Петра I как весьма противоречивые: расположение новой столицы было выбрано весьма неудачно, резкий рост налоговых изъятий неоднократно приводил к голоду в империи, что, в свою очередь, привело к сокращению населения в «старых» российских землях. Впоследствии часть дорогостоящего флота сгнила, слишком большую армию пришлось сократить, столица на какое-то время вернулась в Москву. Резкое укрепление абсолютизма сопровождалось усилением закрепощения крестьян, культурные нововведения, включавшие образование, распространялись лишь на очень узкий слой дворянских детей. Отсталые сословные институты препятствовали не только технологическим инновациям, но и свободе предпринимательства. Принятие Табели о рангах обострило проблему отношений «принципала — агента», сопровождавшуюся не только ростом коррупции и фаворитизма, но и ставшей с тех пор традиционной для России дихотомии «богатое государство — бедное население». Поэтому в свете анализа с позиций новой политической экономики оценка реформ Петра I выглядит скорее отрицательно, вклад этого политического деятеля выглядит несопоставимым как с достижениями Алексея Михайловича «Тишайшего», так и с реформами Александра II «Освободителя». Однако эти государственные деятели почти не присутствуют в современном российском общественном мнении. Этот парадокс в статье раскрывается через применение инструментарий политической теологии — Петр I является необходимой фигурой современной либерально-патриотической «гражданской религии», в то время как Александр II, напротив, связан с «комплексом вины» российской интеллигенции, и его реформы необходимо характеризовать в негативном свете. Это во многом предопределяет предубеждения современных исследователей. При этом сакральность образа Петра I таит в себе опас-

¹ Ореховский Петр Александрович — д.э.н., профессор, главный научный сотрудник, зав. сектором Философии и методологии экономической науки, Институт экономики РАН; e-mail: orekhovskypa@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2816-1298.

² Статья подготовлена на основе доклада и дискуссии на конференции «Парадоксы петровских преобразований: выводы для экономики современной России», посвященной 350-летию Петра Первого, 21 сентября 2022 г., МГУ.

ность упрощенного технократического подхода при попытках решения современных экономических проблем, которые стоят перед Россией.

Ключевые слова: политическая теология, проблема принцепала — агента, цена реформ, Петр I, модернизация.

Цитировать статью: Ореховский, П. А. (2023). Амбивалентность мифа Петра I в новой российской политической теологии. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 58(2), 114–125. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-58-2-7>.

P. A. Orekhovsky

IE RAS (Moscow, Russia)

JEL: B41, B50, N12

AMBIVALENCE OF THE MYTH OF PETER THE GREAT IN THE NEW RUSSIAN POLITICAL THEOLOGY¹

The usual image of Peter I in the current public opinion is the great Russian emperor, who carried out a deep modernization of Russia, borrowing the best examples of Western culture, created a fleet, built a new capital of Russia — St. Petersburg, won a some of major military victories. Nevertheless, many historians assess the achievements of Peter the Great as very controversial: the location of the new capital was chosen very poorly, a sharp increase in tax exemptions repeatedly led to famine in the empire, which, in turn, led to a reduction in the population in the old Russian lands. Subsequently, part of the expensive fleet subsequently rotted, too large an army had to be reduced, the capital returned to Moscow for a while. The sharp strengthening of absolutism was accompanied by an increase in the enslavement of the peasants. Cultural innovations, including education, extended only to a very narrow layer of noble children. The backward class institutions hindered not only technological innovation, but also the freedom of enterprise. The adoption of the Table of Ranks exacerbated the problem of the “principal — agent” relationship, which was accompanied not only by the growth of corruption and favoritism, but also emergence of the dichotomy “rich state — poor population”, which has since become traditional for Russia. Therefore, in the light of the analysis from the standpoint of the new political economy, the assessment of the reforms of Peter the Great looks rather negative, the contribution of this politician looks incomparable both with the achievements of Alexei Mikhailovich “The Quietest” and with the reforms of Alexander II “The Liberator”. However, these statesmen are hardly present in contemporary Russian public opinion. This paradox is revealed in the article through the use of tools of political theology — Peter the Great is a necessary figure in the modern liberal-patriotic “civil religion”, while Alexander II, on the contrary, is associated with the “guilt complex” of the Russian intelligentsia, and his reforms must be characterized in a negative way. This largely predetermines the presets of modern researchers. At the same time, the sacredness of the image

¹ The article was prepared on the basis of the report and discussion at the conference «Paradoxes of Peter's reforms: implications for the economy of modern Russia», dedicated to the 350th anniversary of Peter the Great, September 21, 2022, Moscow State University.

of Peter the Great is fraught with the danger of a simplified technocratic approach when trying to solve modern economic problems facing Russia.

Keywords: political theology, principal — agent problem, price of reforms, Peter I, modernization.

To cite this document: Orekhovsky, P. A. (2023). Ambivalence of the myth of Peter the Great in the new Russian political theology. *Lomonosov Economics Journal*, 58(2), 114–125. <https://doi.org/MSU0130-0105-6-58-2-7>.

Парадокс Петра I. Политическая теология и новая политическая экономия

Петр I — постоянный член российского пантеона великих государственных деятелей-реформаторов. В отличие от других царей и императоров, и уж тем более руководителей советского государства, он всегда остается среди главных фигур, формирующих российское историческое сознание. Принципиально, что к Петру апеллируют все поколения интеллигенции — дореволюционной, советской, постсоветской¹. Однако экономический успех реформ Петра более чем сомнителен — население «коренных» (не завоеванных) территорий сократилось, Россия несколько раз переживала «голодные» годы. После смерти Петра столица вернулась в Москву, часть флота из дорогостоящих парусных кораблей была потеряна (корабли сгнили), армию пришлось существенно сократить. В целом политические достижения Петра выглядят намного скромнее, чем его отца, вошедшего в историю с определением «Тишайший»: именно при Алексее была заключена Переяславская Рада, проведена первая церковная реформа. Причем все это было достигнуто намного меньшей ценой — численность населения увеличивалась, оценки историков говорят и о приросте душевого дохода. Но памятники Алексею, в отличие от многочисленных статуй и бюстов Петра, в современной России трудно найти². Это тем более удивительно, что начиная со второй половины 1990-х гг. в России доминирует дискурс «экономического», самые разные реформы рассматриваются в терминах «цен» и «издержек», а фигуры политических

¹ Характерным примером изменения отношения к Петру I является творчество А. Н. Толстого. В рассказе «День Петра» (1918) это злой и жестокий правитель, «антихрист»; в пьесе «На дыбе» (1929) этот образ сохраняется. Но в известном (и впоследствии экранизированном) романе Петр уже становится «прогрессивным историческим деятелем», реформатором России.

² В этом отношении концепция «круговой колеи» (порочного круга), в котором якобы два века «кружилась» Россия, предложенная в докладе Л. М. Григорьева на упомянутой выше конференции, выглядит весьма странной. Траектория развития России, конечно, не была непрерывным экономическим ростом, но от Смуты до Петра она характеризовалась устойчивым восходящим трендом. Характеристика «круговой колеи» гораздо больше подходит к Польше, пример которой Л. М. Григорьев почему-то игнорирует.

деятели подвергаются анализу с точки зрения «эффективности» их деятельности. Собственно, и парадокс Петра I заключается в сочетании его *популярности* (включая и нынешнее празднование 350-летия с года его рождения) и *экономической неэффективности*. Опираясь только на экономические оценки, объяснить этот парадокс невозможно.

В то же время фигура Петра I вполне вписывается в рамки определенной гражданской религии, в отношении которой, собственно, и используются основные понятия современной политической теологии. Последняя представляет собой направление политического анализа, которое стало активно развиваться во второй половине XX в. С одной стороны, в его основе лежит очень старый тезис о сакральности государственной власти, с другой — постмодернистский подход, различающий легитимность и легальность функционирующего политического режима. Яркими представителями этого течения являются Э. Фегелин, Э. Джентиле, Дж. Агамбен; в СССР о сходстве марксизма — ленинизма с гражданской религией писал С. Фурман (Фегелин, 2021; Джентиле, 2021; Агамбен, 2011; Фурман, 2011).

Между политической теологией и привычной для экономистов новой политической экономией, обязанной своему возникновению теории общественного выбора, существует принципиальное различие. Для политической теологии важна *общая* история государства, которая *выглядит непрерывной* и не только предопределяет легитимность действующих политических и экономических институтов, но и во многом ограничивает допустимые варианты действий политических акторов в ближайшей и среднесрочной перспективе. Новая политическая экономия, в соответствии с традицией неоклассического мейнстрима, наоборот, склонна игнорировать исторические и культурные факторы, вводя предпосылку о том, что основные акторы действуют в соответствии со своими интересами. В краткосрочной перспективе их действия ограничиваются системой действующих институтов — здесь новая политэкономия делает определенную уступку теологии, признавая реальность «эффекта колеи» (*path dependence*), однако уже в среднесрочной перспективе, в ходе общественного выбора происходит процесс изменения институционального дизайна. Акторы меняют законы (а следом и институты) «под себя», сакральность государства и его истории не принимается ими в расчет. В качестве примеров такого анализа необходимо упомянуть работы Дж. Бьюкенена и Г. Таллока, М. Олсона, А. Сена (Бьюкенен, Таллок, 1997; Олсон, 1995; Олсон, 2013; Сен, 2016). В настоящее время новая политэкономия представляет собой большое и респектабельное направление экономической теории, широко применяемое к анализу политических решений.

Выбор аналитического инструментария кажется простым — экономисты-институционалисты используют дискурс новой политэкономии, политические философы, помимо традиционной политологии, часто обращаются и к политической теологии. Зачастую это приводит к тому,

что институционалисты и политологи «говорят на разных языках». Сама по себе это обычная ситуация нынешнего постмодернистского плюрализма реальности.

В то же время не все так просто. Структура когнитивности экономического сообщества подвержена своим ограничениям, которые накладываются как эндогенно (рамками доминирующих теоретических концепций), так и экзогенно — конвенциональными представлениями о легитимности функционирующих государственных институтов. Несмотря на то, что экономисты бессознательно стараются придерживаться позитивистского детерминизма, политическая теология оказывает влияние и на их взгляды. Образ Петра в произведениях А. С. Пушкина обладает сакральностью успешного реформатора, «поднявшего Россию на дыбы», создавшего империю, сделавшего выбор в пользу «европейской цивилизации», отказавшегося от темного варварства и «азиатчины»; таким образом, Петр, получается, дал толчок началу *модернизации и вестернизации* России; публично критиковать этот образ — то же самое, что оспаривать благотворность прогресса. Критик петровских реформ заведомо ставит себя в маргинальное положение. Тем не менее, если экономист безоговорочно принимает петровские реформы, необходимо понимать, что именно он принимает и от чего отказывается.

Стоит еще раз подчеркнуть, что новая политическая экономическая экономия и политическая теология рассматривают разные реальности, используют разные дискурсы. Человек религиозный (пусть даже этой религией является экономическое учение К. Маркса) в основе своей использует другой алгоритм принятия решений, другие оценки, нежели человек экономический. И в этом отношении нельзя говорить о том, что экономисты правы, а политические философы ошибаются. Справедливо и обратное.

Коротко о петровских реформах. Контрфактическая модель

Петровские реформы можно сгруппировать, с некоторой долей произвольности¹, в три большие группы:

- 1) военно-политические: а) переход к «войскам линейного строя», заимствованного у европейских армий (в первую очередь, у шведов), строительство военного флота; б) введение новой Табели о рангах, а заодно — учреждение коллегий; в) учреждение новой столицы, переезд двора из Москвы в Санкт-Петербург;

¹ По-видимому, и сам Петр I, и многие его современники, как и часть нынешних сторонников теории модернизации, не разделяли эти мероприятия на разные группы, принципиально придерживаясь необходимости *комплексного заимствования*. Табель о рангах, «немецкое платье», флот, полки «линейного строя» — все это было необходимо было внедрять вместе со знаменитым пьянством на «ассамблеях», увеличением налоговых изъятий и ростом закрепощения крестьян.

- 2) политико-экономические: учреждение мануфактур и заводов — в первую очередь, для снабжения армии. При этом стоит подчеркнуть, что такие меркантилистские мероприятия осуществлялись в рамках «частно-государственного» партнерства. Купцы во многом зависели от благоволения чиновников;
- 3) культурные — перенос в Россию европейского платья и обычаев, введение образования (в том числе зарубежного) для детей высшей российской знати.

Большая часть этих реформ, как уже говорилось, закончилась крахом, за исключением укрепления армии и флота. Особенно трагичным в долгосрочном отношении были два петровских эксцессы: строительство Петербурга и насаждение новых культурных практик. Историки, включая таких авторитетов, как Н. Карамзин и П. Милюков¹, указывают, что именно строительство Петербурга привело к резкому увеличению налогов на крестьян (С. Нефедов оценивает увеличение тяжести налогов по сравнению с допетровским временем в 8 (!) раз (Нефедов, 2011, с. 113)). При этом строительство Петербурга «хуже, чем преступление — это ошибка»; к тому времени Россия уже контролировала Ревель (Таллин), Ригу, Нарву — размещение новой столицы в этих — по сравнению с Санкт-Петербургом — глубоководных портах было бы намного дешевле и выгоднее, не говоря уже о последствиях для великорусского этноса, наступивших в XX в. Хуже была только первоначальная фантазия Петра — строительство новой столицы на острове Котлин. Итогом налогового перенапряжения стало сокращение населения «старых» русских губерний (Милюков оценивает это сокращение в 20%, Карамзин — в 13%), такое сокращение вполне сопоставимо с депопуляцией российских земель при Иване Грозном и результатами коллективизации и чисток И. В. Сталина.

В свою очередь, насаждение новых культурных практик не только привело к сопротивлению старой знати, но и к учреждению Преображенского приказа — тайной службы, весьма напоминавшей «опричников» Ивана Грозного и чекистов В. И. Ленина под предводительством Ф. Э. Дзержинского. Репрессии против тех дворян, кто носил старую русскую одежду и бороды, по своей жестокости были несопоставимы с гонениями на стилиг в 1950-х гг., однако у нынешней российской интеллигенции петровский сюжет не вызывает ни интереса, ни сочувствия². В долгосрочной пер-

¹ Об этом свидетельствуют и данные переписи 1710 г., как указывает С. Нефедов (Нефедов, 2011, с. 116).

² В забавном российском мюзикле «Стиляги» главные герои отстаивают свое право на западные прически, одежду, музыку; они противостоят «серой массе» советских людей, которые живут и делают свои карьеры в рамках советских стандартов. Если бы основную коллизию фильма перенести в петровские времена, то отстаивавших право на ношение своей одежды и причесок дворян ждали бы не коллективные «проработки» на комсомольских собраниях, а дыба и палач. Мюзикл превратился бы в триллер. Но такие сопоставления

спективе это привело к длительному расколу населения на «два народа». Крестьяне стали воспринимать, по свидетельству современников, своих дворян то ли как «немцев», то ли как «французов»; последние же практиковали по отношению к крестьянам то, что сейчас бы назвали практикой «социального расизма». Ни о каких социальных лифтах и вертикальной социальной мобильности не может быть и речи; исключения вроде М. В. Ломоносова (с его статусом помора = «вольного казака») только подтверждают правило. В отношении «свободы предпринимательства» и «защиты собственности» все было ровно наоборот: петровский абсолютизм только укреплял неравенство граждан перед законом, причем удельный вес бесправных, закрепощенных людей при его правлении увеличился.

На мой взгляд, главное негативное последствие того политико-экономического режима, который был создан в результате петровских реформ, заключается в появлении принципиально нового характера бюрократии и, как следствие, возникновении проблемы принципала — агента. Прежняя «местечковая» система основывалась (как и в Европе) на знатности тех или иных родов, которая корректировалась царем в связи с заслугами того или иного дворянина. Введенная Петром Табель о рангах внешне была похожа на веберовский идеал бюрократии, но в полufeодалных российских условиях XVIII в. она просто заменила принцип родовитости на принцип полной лояльности императору. Тем самым Петр ликвидировал остатки «боярской вольницы», а заодно и ее представительных учреждений. С Петра начинается этап российского абсолютизма.

С точки зрения новой политэкономии абсолютизм — это, конечно же, иллюзия, за которой стоят сложные отношения принципала (монарха) и его агентов, исполняющих множество разнообразных функций. В число этих функций включались и хозяйственные: без одобрения чиновников купцы не могли ни строить заводы, ни открывать мануфактуры. При этом в условиях абсолютизма принципал легко мог экспроприировать данную собственность (такое положение не было чем-то исключительным; например, как пишет Д. Норт с соавторами, такие случаи были распространены и в Англии вплоть до 1688 г. (Норт и др., 2011)). Однако именно здесь лежат

деятелям современной российской культуры просто не могут прийти в голову, более того, то обстоятельство, что «Петр-то бороды рубил» встречается с явным одобрением, как очевидный признак модернизации. Нельзя не отметить, что такие модернизационные победы привели к тому, что во второй половине XX в. в РСФСР практически исчезла крестьянская одежда, так что колхозники были вынуждены одеваться в брюки и пиджаки или оставшиеся после воинской службы галифе, чтобы пойти пасти скот или сесть за руль трактора. Зато одежда американских фермеров и рабочих стала неременной деталью экстерьера «стиляг».

Отметим также, что — в такой сегодняшней псевдолиберальной логике — модернизация России в XXI в. невозможна без заимствования западных культурных практик, включая в себя гей-парады, легализацию легких наркотиков и полную институционализацию прав ЛГБТ-движения.

корни известного российского противоречия между богатым государством и бедным населением, появление своеобразной «петровской номенклатуры», в которую входила и «интеллигенция».

Среди современных историков достаточно распространены оценки, получаемые с помощью «контрфактических моделей». Появление таких связано с работами группы клиометристов, к которым принадлежали будущие нобелевские лауреаты Р. Фогель, Д. Норт, соавтор М. Фридмана по изучению «монетарной» истории США А. Шварц, известный экономист А. Гершенкрон и др. Воспользуемся простой версией подобной контрфактической модели, поставив вопрос — а как бы шло экономическое развитие России, если бы Петра I не было? В отношении отдельных политических деятелей такие вопросы уже ставились — А. Ноув в свое время представил работу на тему «нужен ли был Сталин?» (Nove, 1964), аналогичным вопросом задавался сравнительно недавно Г. Дерлугьян применительно к А. Пиночету и его реформам (Дерлугьян, 2009). Выводы этих работ весьма неожиданны — по оценкам Ноува и Дерлугьяна, Россия и Чили развивались бы примерно такими же темпами, и пришли бы примерно к той же самой структуре хозяйства при выводе указанных политических деятелей предпринятых ими мероприятий за рамки экономической истории. Но такой вывод, на мой взгляд, полностью правомерен и в отношении Петра I — без его реформ Россия развивалась бы быстрее, сохранила и приумножила население, а не наоборот. Об этом свидетельствует и период после смерти Петра — столица вернулась в Москву, большая часть флота сгнила, из-за невозможности финансирования часть армии пошла под сокращение, заодно были снижены налоги, а короткое царствование Петра II, который во многих отношениях был противоположностью Петру I, историки оценивают в восторженных тонах. Это было восстановление традиционализма. Самое любопытное, что при приглашении на трон Анны Иоанновны тогдашняя знать в лице Тайного совета пыталась добиться от нее заключения «кондиций» вполне в либерально-демократическом духе; но она — уже наследуя Петру I — отвергла кондиции.

Естественно, здесь необходимо сделать оговорку в отношении военнополитических мероприятий. Исходя из тогдашней внешнеполитической конъюнктуры, военный конфликт с Швецией, по-видимому, был неизбежен. Однако анализ с позиций новой политической экономии ничего не может сказать о военных талантах условной исторической фигуры, некоего X — продолжателя политики Алексей Михайловича, который используется в контрфактической модели в качестве альтернативы Петру.

Таким образом, экономические мероприятия Петра можно оценить только отрицательно. Ни о каких институтах, которые считаются необходимыми в рамках теории модернизации, здесь не было и речи. Наоборот, закрепощение крестьян усилилось, *как увеличилось и неравенство различных групп населения перед законом.* Усугубилась проблема принципа —

агента. Государство «разрослось», сильно увеличив налоговые изъятия, которые направлялись не только на укрепление военной мощи России, но и на строительство петербургских дворцов, всепьянейшие соборы и ассамблеи и прочее демонстративное потребление петровского двора. Выражаясь современным языком, большая часть сбережений вместо того, чтобы направляться на инвестиции, тратилась на предметы роскоши. Это никак не могло способствовать экономическому росту в полуфеодальной стране.

Петр I в свете политической теологии. Современная Россия и проблема модернизации

Те россияне, которые празднуют 350-летие Петра, по идее должны были бы праздновать и юбилеи Ивана Грозного и И. В. Сталина. В соотношении результаты — издержки реформ эти государственные деятели намного уступают Б. Н. Ельцину¹, не говоря уже о таких действительно великих и успешных реформаторах, как Алексей Михайлович Романов и Александр II. Однако двухсотлетие со дня рождения Александра II в 2018 г. прошло незамеченным, про 390-летие «Тишайшего» в 2019 г. вообще не вспоминали. Для новой политической экономии — и историков мысли этот феномен — слепое пятно. Однако с позиций политической теологии вопрос о неизменности положения Петра I в российском государственном пантеоне на фоне игнорирования того же Александра II — банальность.

Не входя в обсуждение социологических определений «интеллигенции», «элиты», «господствующего класса», подчеркну, что во всех этих российских социальных группах имеется консенсус в отношении фигуры Петра I как великого реформатора. Отрицательно к сакральности этой фигуры относились крестьянство и духовенство. Крестьянское сознание, как и соответствующая историческая память, не представлены в современном политическом порядке (в том числе практически не анализируется историками), для российского духовенства (прежде всего РПЦ) проблема оценки петровских реформ неактуальна. В результате критические оценки фигуры Петра I можно найти только у отдельных исследователей. Причем у многих историков блеск побед под Полтавой и мысом Гангут, как правило, полностью затмевает бездарность и жестокость Петра как в экономике, так и в гражданском управлении.

¹ При всей спорности фигуры Б. Н. Ельцина, его рыночные преобразования — либерализация, переход к плюрализму форм собственности с доминированием частной собственности, реализация многопартийности, мирное сохранение федерализма (за одним драматическим исключением — войны в Чечне) оказались на удивление устойчивыми. Оценки этого выдающегося политического деятеля были бы, видимо, намного более позитивными, если бы не его участие в деятельности ЦК КПСС и Политбюро, которая в 1980-х гг. способствовала распаду СССР и созданию тех самых многочисленных и тяжелых проблем, с которыми в 1990-е гг. пришлось столкнуться населению России и самому Б. Н. Ельцину.

То, что выше сказано в отношении Петра I, в свою очередь объясняет и непопулярность Александра II. В ответ на освобождение крестьян и постепенную либерализацию политического режима, включая подготовку конституции, интеллигенция предприняла множество попыток убить этого монарха, одна из которых увенчалась успехом. Выигравшие от реформ Александра Освободителя исчезли уже в советский период — за характерным исключением потомков народников, которые победили уже в 1917 г. Признание успешности реформ Александра II означало бы одновременное признание исторической вины интеллигенции за последующую кровь и ужас революции и Гражданской войны, что было неприемлемо как в рамках гражданской религии марксизма, так и в рамках сегодняшнего либерально-патриотического мифа. И это постоянно подтверждается и практикой проводимых научных конференций, и созданием сегодняшних политических символов, апеллирующих к исторической памяти российских акторов (как электората в целом, так и его отдельных групп, и самих политиков).

Сакральность образа Петра, которая является свойством современных когнитивных структур российских политиков (и политических философов), историков, социологов, да и экономистов, является весьма опасной. Так, например, печальным, но закономерным результатом петровского мифа было помещение его на логотип «Демократического выбора России». При этом вряд ли Е. Гайдар хотел продемонстрировать склонность своей партии к жестокости и презрению к народу. Наоборот, фигура Петра, по-видимому, должна была свидетельствовать о «европейском выборе» упомянутой партии. Однако выводы электората, а заодно и последующие результаты этой партии известны. При этом стоит оговориться — я уверен, что партию, которая поместит на свой логотип И. Сталина, ждет в будущем то же самое.

Сакральность фигуры Петра играет с российскими учеными дурную шутку, когда речь идет о содержании нынешних модернизационных мероприятий. Это и уверенность в предопределенности российской ориентации на Запад, и вера в результативность жесткого бюрократического регулирования, включая сегодняшнее навязывание рейтингов и кипийай, и характерный отбор политиков и бизнесменов в обход квалификационных социальных фильтров, по принципу личной лояльности (своеобразный «эффект алексашки меньшикова»). Если уж говорить об актуальности реформ Петра I для современной России, то практически все они должны иметь *обратный знак*:

- 1) если переносить столицу (учитывая дороговизну этого мероприятия, целесообразность этого находится под большим вопросом), то переносить ее надо на восток, а не на запад;
- 2) в отношении «административной реформы» — не «плодить коллегии», но сокращать администраторов. Особенно это относится

к аналогу «Преображенского приказа» — различным охранным службам;

- 3) не увеличивать фискальное бремя на бизнес (включая косвенные налоги «на соль» или «медь»), а снижать;
- 4) не закреплять уже существующие в РФ социальный расизм и неравенство, но добиваться увеличения эгалитарности.

При этом главная опасность унаследованного от Петра российской элитой стиля мышления состоит сейчас в технократическом подходе к модернизации. Строительство кораблей из сырого дерева, которое сопровождалось увеличением фискальной нагрузки и закрепощением крестьян, очень напоминает российские лозунги последних двух десятилетий — нам нужно переходить к пятому (шестому) технологическому укладу, увеличивать прямое бюджетное финансирование «инноваций». Мнимая простота решений — добиться роста количества программистов при сокращении юристов и экономистов, обеспечить экономикой собственными процессорами и электронными компонентами, сократить производство сырья и энергии, отказаться своих «неконкурентоспособных» гражданских самолетов и легковых автомобилей, поскольку здесь отстали навсегда — это и есть наивный «петровский» тип мышления. Поэтому главное, что необходимо — это избавиться от прожектерства, привитого интеллигенции Петром и успешно дожившего до нынешнего времени. Тогда станет возможным более объективный взгляд на проектирование экономики России, включая и ее новый институциональный дизайн.

Список литературы

- Агамбен, Дж. (2011). *Ното Sacer. Суверенная власть и голая жизнь*. М.: Европа.
- Бьюкенен, Дж., & Таллок, У. (1997). Расчет согласия. Логические основания конституционной демократии. Бьюкенен Дж. Сочинения. М.: Таурус Альфа, 31—206.
- Дерлугьян, Г. (2009). А нужен ли был Пиночет? *Эксперт*, 28.12, 78—83.
- Джентиле, Э. (2021). *Политические религии. Между демократией и тоталитаризмом*. СПб.: Владимир Даль.
- Нефедов, С. А. (2011). *История России. Факторный анализ*. Т. 2: От окончания Смуты до Октябрьской революции. М.: Издательский дом «Территория будущего».
- Норт, Д., Уоллис, Д., & Вайнгаст, Б. (2011). *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. М.: Изд. Института Гайдара.
- Олсон, М. (2013). *Возвышение и упадок народов. Экономический рост, stagфляция и социальный склероз*. М.: Новое издательство.
- Олсон, М. (1995). *Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп*. М.: Фонд экономической инициативы.
- Сен, А. (2016). *Идея справедливости*. М.: Изд-во Института Гайдара, Фонд «Либеральная миссия», 2016.
- Фегелин, Э. (2021). *Новая наука политики. Введение*. СПб.: Владимир Даль.
- Фурман, Д. Е. (2011). Сталин и мы с религиозно-этической точки зрения. *Фурман Д. Е. Избранное*. М.: ИД Территория будущего, 262—298.

Nove, A. (1964). *Was Stalin Really Necessary? Some Problems of Soviet Economic Policy*. London: Routledge.

References

- Agamben, J. (2011). *Homo Sacer. Sovereign power and bare life*. M.: Europe.
- Buchanan J., & Tulloch W. (1997). Calculation of Australia. Logical foundations of constitutional necessity. *Buchanan J. Works*. M.: Taurus Alfa, 31–206.
- Derlugyan, G. (2009). Was Pinochet necessary? *Expert*, December 28, 78–83.
- Fegelin, E. (2021). *The New Science of Politics. Introduction*. St. Petersburg: Vladimir Dal.
- Furman, D. E. (2011). Stalin and we from a religious point of view. *Furman D. E. Selected*. M.: Territoriya budushchego, 262–298.
- Gentile, E. (2021). *Political religions. Between democracy and totalitarianism*. St. Petersburg: Vladimir Dal.
- Nefedov, S. A. (2011). *Russian history. Factor analysis*. Vol. 2: From the end of the Troubles to the October Revolution. M.: Territoriya budushchego.
- North D., Wallis D., & Weingast B. (2011). *Violence and social orders. Conceptual framework for combining human history*. M.: Ed. Gaidar Institute.
- Nove, A. (1964). *Was Stalin necessary? Some problems of Soviet economic policy*. London: Routledge.
- Olson, M. (1995). *The logic of collective action. Public goods and group theory*. M.: Fund for Economic Initiatives.
- Olson, M. (2013). *The Rise and Fall of Nations. Economic growth, stagflation and social sclerosis*. M.: New publishing house.
- Sen, A. (2016). *The idea of justice*. M.: Gaidar Institute Publishing House, Liberal Mission Foundation.

ОТРАСЛЕВАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Н. А. Розинская¹

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

УДК: 94(47) 05

ПЕТРОВСКИЕ РЕФОРМЫ В АГРАРНОМ СЕКТОРЕ: ДОСТИГНУТЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И НЕПРЕДНАМЕРЕННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Учитывая то, что в отечественной и зарубежной литературе основная часть работ посвящена реформам в сфере управления государством, созданию регулярной армии и флота и гораздо меньше внимания уделяется анализу эволюции аграрного сектора России в петровский период и влиянию реформ на этот — важнейший в тот период — сектор экономики, данная работа ставит целью внести вклад в преодоление существующей односторонности. Деятельность Петра Первого по масштабным реформам в практическом плане началась вместе с войной, совпала по времени с войной и в ряде ключевых вопросов определялась необходимостью ведения войны, вооружения и снабжения армии, перестройки управления. Начавшись с умеренной цели открытия «окна в Европу», после 1714 г. административные реформы стали более широкими и комплексными. Но к этому моменту критически важные шаги по отходу от «боярского» управления, созданию армии на современной основе и развитию промышленности на базе крепостного права были уже сделаны. Логика реформ детерминировалась не только стремлением в Европу и не телеологией создания империи. Речь идет о прагматической необходимости использовать окно возможностей для выхода из «кольцевой колее» обширной лесной державы, сжатой тремя имперскими (независимо от титулов) соседями иных вероисповеданий — Турцией, Польшей и Швецией. У всех трех относительно России были цели в рамках собственных политических, экономических и территориальных интересов. Ход и потребности Северной войны в большой степени определили характер реформ, а успех войны привел к формированию империи. Результаты реформ и войны дали стране шанс на развитие, хотя масштабный переход в эти сжатые сроки и в условиях войны к более зрелым европейским социально-экономическим институтам не осуществился и не мог быть реализован.

Ключевые слова: аграрные реформы Петра I, подушная подать, указ о единонаследии, сословия, права собственности.

Цитировать статью: Розинская, Н. А. (2023). Петровские реформы в аграрном секторе: достигнутые результаты и непреднамеренные последствия. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 58(2), 126–146. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-58-2-8>.

¹ Розинская Наталья Анатольевна — к.э.н., доцент, Экономический факультет, МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: rozinskaya@econ.msu.ru, ORCID: 0000-0002-6907-0440.

N. A. Rozinskaya

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

JEL: N44, N54, Z18

THE EVOLUTION OF THE AGRICULTURAL SECTOR IN THE ERA OF PETER THE GREAT TRANSFORMATIONS

Considering that the bulk of domestic and foreign literature is devoted to reforms in the field of state administration, the creation of regular army and navy, and much less attention is paid to the analysis of the evolution of the agricultural sector of Russia during Peter the Great period and the impact of reforms on this — the most important at that time — sector of the economy, this work aims to contribute to overcoming the said limitation. The article traces the changes in the agricultural sector caused by the reform activity of Peter the Great. It is proposed to divide all the consequences of his reforms into two major groups: intentional consequences, that is, originally conceived by the reformer, and unintended ones, which were side effects of the reforms carried out by the government. Traditionally, Peter's agricultural initiatives are considered either in chronological order or on an industry-by-industry basis. In this article, it is proposed to consider them from the point of view of the tasks that these innovations were designed to solve. It is shown that most of the innovations initiated by Peter were caused either by the increased demand for raw materials and food from industry and new cities or were solving problems related to the on-going wars and therefore were mostly of a short-term nature. Also in the article, from the point of view of modernization theory, the institutional consequences of Peter the Great's reform activities for agriculture in the Russian Empire are considered. It is shown that institutional reforms had long-term unintended consequences and formed an institutional framework that was not completely destroyed even by the abolition of serfdom. The work provides evidence that the restriction of land ownership rights took place long before Peter's reforms. The data demonstrating rather weak development of the land market in the first half of the XVIII century are given. The article concludes that most of the reforms undertaken during the reign of Peter the Great were a continuation of the trend of previous periods consisting in property rights restricting for both landowners and peasants.

Keywords: agrarian reforms of Peter I, poll tax, decree on single inheritance, estates, property rights.

To cite this document: Rozinskaya, N. A. (2023). The evolution of the agricultural sector in the era of Peter the Great transformations. *Lomonosov Economics Journal*, 58(2), 126–146. <https://doi.org/MSU0130-0105-6-58-2-8>.

Вступление

В отечественной и зарубежной литературе существует значительное количество работ, посвященных реформам Петра I. Большинство из них посвящено тем аспектам преобразований, которые представляют наиболее яркий контраст с допетровской эпохой — реформам в сфере управ-

ления государства, созданию регулярной армии и флота и т.д. С другой стороны, гораздо меньше внимания традиционно уделяется анализу эволюции аграрного сектора России в петровский период и влиянию реформ на этот — важнейший в тот период — сектор экономики. Настоящая работа ставит целью внести вклад в преодоление данной односторонности.

Важность изучения аграрного сектора России в петровский период определяется тем, что ресурсы для проведения преобразований могли быть получены — с учетом социально-экономической структуры России в конце XVII в. — преимущественно из аграрного сектора. Именно за счет крестьянских хозяйств Россия сумела мобилизовать ресурсы, необходимые для активной внешней политики, создания промышленности, модернизации различных сфер жизни страны.

Оценки результатов преобразований как современниками, так и исследователями последующих эпох были и остаются очень разнообразными. По вопросам, связанным с изменениями в аграрном секторе наибольшей критике, подвергались реформы налогообложения. Среди современников реформ стоит отметить оценку И. Т. Посошкова, который, будучи сторонником петровских преобразований, тем не менее писал: «...во исчислении душевом не чаю я проку быти» (Посошков, 2011). Так же критические оценки последствий преобразований для аграрного сектора среди работ дореволюционных авторов можно увидеть в работе П. Н. Милюкова (Милюков, 1905).

П. И. Лященко, в целом положительно оценивая деятельность Петра, о результатах реформ в аграрном секторе пишет крайне мало, фокусируясь на усилении крепостничества, и господстве феодально-крепостнического дворянства. При этом он отмечает, что «по отношению к крестьянству и к основе его быта — сельскому хозяйству — его (Петра I) преобразовательная деятельность была чрезвычайно бедной и односторонней...» (Лященко, 1952, с. 370).

Среди современных авторов наиболее последовательным критиком петровских преобразований является Е. В. Анисимов (Анисимов, 1973, 1989, 1997). Критику результатов петровских реформ в сельском хозяйстве можно найти и у А. Б. Каменского (Каменский, 2001, с. 160–161).

Положительные оценки петровских реформ в аграрном секторе можно найти и среди дореволюционных, и среди советских, и современных авторов. Так, например, в конце XIX в. Н. В. Пономарев писал: «От непосредственной инициативы Петра не ускользнула никакая отрасль сельского хозяйства: он способствует разведению подходящих хлебов на далеком севере, учит убирать хлеб косою, улучшает коневодство на северо-востоке, овцеводство в Малороссии, крупный рогатый скот на севере, вводит в употребление табак, способствуя тем развитию табаководства, обращает внимание на сбережение лесов и пр., и пр. ... государство ... находит доступ к закрытому для него дотоле Балтийскому

морю, чем сообщается новый толчок сельскохозяйственной промышленности... Внутренняя жизнь общества также изменилась: вследствие большого сближения разрозненных дотоле членов общества явился спрос на многие предметы, не имевшие прежде никакого значения, развились ремесла, фабричные заведения (суконные, табачные, канатные и др. фабрики); все это, разумеется, усиливало и спрос на сельскохозяйственные продукты» (Пономарев, 1888). В. О. Ключевский тоже положительно оценивает итоги деятельности Петра в области сельского хозяйства: «Русская земля в XVIII в. распахалась так, как не распахивалась никогда прежде» (Ключевский, 1989, с. 97).

Оценивать деятельность Петра можно с использованием различных критериев. Один из них — удалось ли реформатору достичь целей, которые он сам ставил при проведении тех или иных преобразований. Здесь, скорее, можно дать утвердительный ответ: удалось мобилизовать ресурсы (прежде всего аграрного сектора) и выиграть Северную войну. Второй критерий — с точки зрения задач, которые стояли перед страной в определенном геополитическом контексте. Учитывая, что последующие сто с лишним лет Россия успешно отражала внешние вызовы, можно сделать вывод, что институциональная система, сложившаяся в том числе и в результате деятельности Петра I, оказалась соответствующей задачам (успешно вести войны, осваивать новые территории), стоящим перед Россией в тот период. Можно оценивать с точки зрения хозяйственных и социальных количественных показателей: несмотря на рост налогов и необходимость увеличивать интенсивность труда, в XVIII в. наблюдался экономический рост (Миронов, 2010, с. 262; Blum, 1960). Но попытки оценивать реформы Петра с точки зрения развития рыночных отношений вызывают сомнения.

С нашей точки зрения, не стоит пытаться дать однозначно негативную оценку последствиям петровским преобразований для аграрного сектора на основании того, что в первой половине XVIII в. ограничивается развитие рыночных отношений и соответственно тормозится модернизация. Модернизационные процессы в сельском хозяйстве могли быть запущены только в случае формирования четких прав собственности на землю, что способствовало бы формированию рынка земли (именно земли, а не земли с крепостными), росту эффективности, вытеснению лишнего населения из аграрного сектора и, соответственно, формированию рынка труда. Но в тот период в России не было ни одной социальной группы, которая могла бы сформировать запрос на четкие права собственности на землю. В начале XVIII в. только в Голландии существовал уже достаточно развитый рынок земли, в Англии — шел процесс формирования рынка земли под воздействием огораживаний, во всех остальных европейских странах процесс формирования прав собственности на землю либо еще даже не начинался, либо находился в зачаточном состоянии (Розинская, 2015, 2016, 2017). Поэтому было бы странно ожидать, что в Рос-

сии, где рыночные отношения были гораздо менее развиты, чем в других странах Европы, началась бы модернизация аграрного сектора. Следовательно, можно говорить об отдельных последствиях петровских реформ, как положительных, так и отрицательных, подразумевая, что они не привели и не могли привести к каким-либо принципиальным изменениям в аграрном секторе.

Как показывает опыт России и других стран, модернизация в аграрном секторе происходит в результате институциональных (четкое определение прав собственности на землю и формирование рынка земли) и технологических инноваций. Первые ведут к появлению мотивации для повышения эффективности хозяйства, а вторые — к росту производительности факторов производства (земли и труда). Петр I, наблюдая успехи Голландии на пути модернизации, естественно, не осознавал глубинных причин происходящих процессов, поэтому, пытаясь модернизировать аграрный сектор, фокусировался на попытках внедрения именно технологических нововведений. Исходя из этого, имевшие место изменения в аграрном секторе можно разделить на две группы: 1) изменения, инициированные Петром, связанные с технологическими нововведениями; и 2) изменения институциональные, прямо не предусмотренные, но ставшие побочным эффектом петровских реформ и оказавшие обратный эффект на процесс модернизации.

Нововведения, инициированные властью

Политика Петра I в области аграрного сектора диктовалась необходимостью мобилизации ресурсов для решения внешнеполитических и экономических задач. Нововведения были ориентированы прежде всего на такие конкретные цели, как укрепление оборонной мощи государства, расширение границ и освоение новых территорий.

Стремясь увеличить производство продукции сельского хозяйства, которая была необходима для нужд армии, Петр пытался стимулировать рост пахотных земель. Для этого он издает указы, в которых предписывал воеводам «пашни заводить и поселять на оных людей охочих» (ПСЗРИ, т. 3, № 1542). В этот период в Сибири по требованию Петра впервые началось выращивание ячменя. Указы Петра предписывали сибирским воеводам заводить пашни в отдаленных районах и сеять на них ячмень вместо ржи, чтобы не снабжать эти районы из центра (ПСЗРИ, т. 4, № 1822 и № 1835). Для поощрения крестьян к заселению окраин предусматривались бесплатная раздача земли, предоставление ссуды, освобождение от налогов. Всех ссылных людей, «которые задарма едят государственный хлеб», предлагалось направить работать на пашню (ПСЗРИ, т. 4, № 1822, п. 42—43).

Но реализация этих указов наталкивалась на проблему нехватки рабочих рук, которая усугублялась бегством населения из-за резкого роста

налогов и повинностей в южные области, на Дон, на Украину, в Сибирь. Бежали и по одиночке, и большими группами, «многолюдством, человек по сту и более» (Заозерская, 1958, с. 160). Особенно четко правительство осознало эту проблему после переписи 1710 г., когда выяснилось, что податное население с прошлой переписи не только не выросло, но напротив — сократилось. Для решения проблемы государство издает ряд достаточно жестких указов: вводится паспортная система, создается цепь кордонов вдоль границ (Троицкий, 1966, с. 118).

Очень часто меры, принимаемые Петром I в области сельского хозяйства, носили исключительно локальный характер, так как решали конкретную проблему, возникшую в тот момент. Так, например, для снабжения хлебом Нерчинского полка, сформированного для защиты северных рубежей страны, Петр I разрабатывает целую систему мер стимулирования нерчинских крестьян, которая способствовала достаточно высокопроизводительному пашенному земледелию. В Указе от 5 января 1701 г. предписывалось: «...ему Воеводе, велеть землицы призывать и приводить подь Его Великаго Государя высокoderжавную руку, и ясакъ съ нихъ на Великаго Государя имать, применяясь къ инымъ ясачимымъ людямъ, какъбы Великаго Государя казне было прибыльнее, а имъ сносно; ...ясакъ съ техъ новыхъ землицъ собирать ласкою, а не жесточью, смотря по ихъ промысламъ, что имъ дать можно... 42. Нерчинскихъ служилыхъ и посадскихъ людей и пашенныхъ крестьянъ ропрашивать и высматривать ему Воеводе самому накрепко, мочноль на которыхъ Нерчинскихъ пашенныхъ крестьянъ къ старой пахоте Великаго Государя десятинной пашни оброчнаго хлеба прибавить; да буде которыхъ крестьянъ Великаго Государя пашни и оброчнаго хлеба прибавить мочно: и на техъ крестьянъ пашни прибавшь, смотря по людямъ и по семьямъ и по пожиткамъ, чтобъ Великаго Государя хлебу Нерчинской пахоты передъ прежнимъ учинить прибыль, крестьянамъ тягости и оскорбления не учинить; да и вновь пашенныхъ крестьянъ, къ прежнимъ пашеннымъ крестьяиамъ въ прибавку, на Великаго Государя пашню изъ гулящихъ и охочихъ вольныхъ людей на льготные годы призывать, и льготу имъ давать, смотря по тамошнему д е л у , и по людямъ и по семьямъ, съ порукою...» (ПСЗРИ, т. 4, № 1822, п. 18, 42). Из этого отрывка видно, что Петр понимал важность мотивации (институтов), но реализовывал это не напрямую через законы, а через указания воеводам. Именно поэтому данный успешный кейс было практически невозможно распространить на всю империю, что потребовало бы либо реформирования всей институциональной системы, либо идеальных воевод (управляющих) на местах.

С нуждами по обеспечению армии и флота также были связаны Указы, предписывающие бережное отношение к лесу: «Офицеры, и рядовые и неслужащие в заповедные рощи и леса не выезжали, а рубили б дрова в тех местах, где помещики и крестьяне сами рубят, кроме заповедных лесов,

и то не лишнее, только про себя, а не на продажу» (ПСЗРИ, т. 7, № 4533). Помимо дерева для армии требовалось сукно. Для обеспечения суконных фабрик собственным сырьем Петр пытался способствовать развитию отечественного овцеводства. Попытки устройства образцовых овчарен имели место в Киевской и Азовской губерниях, куда из Силезии и Польши присылались опытные овчары. Так же, как и во многих других ситуациях Петр не пытался мотивировать непосредственных производителей, а в принудительном порядке велел раздавать овец в частные хозяйства, «хотя бы кто и принять их не хотел» (Книга, 2011, с. 112). Расширить разведение овец пытались в Малороссии, о чем говорилось в Манифесте 1724 г.: «Жителям овец содержать по регулам, каковы дадутся из нашей Малороссийской коллегии, и шерсть продавать на наши суконные фабрики» (Книга, 2011, с. 112). В Вятское наместничество для развития грубошерстного овцеводства Петр выписал племенных овец из Германии. Но если меры по расширению обрабатываемых земель, несмотря на бегство населения, приведут к определенным результатам, то в овцеводстве какого-либо прогресса достичь не удастся.

Помимо обеспечения потребностей для ведения войны, как уже говорилось, инициативы Петра были связаны со строительством Петербурга и другими новыми территориями. Растущее городское население способствовало росту спроса на мясомолочную продукцию, что предполагало необходимость стимулирования разведения крупного рогатого скота. Для этого Петр инициирует ряд нововведений в области животноводства. Для улучшения породы русского скота из Голландии выписали племенной материал. В Воронежскую губернию были завезены голландские жеребцы, что положило начало селекционной работе по выведению битюгов.

При том, что сельское хозяйство в тот период было областью, наиболее трудно поддававшейся воздействию (Лященко, 1952, с. 366), царь искренне считал, что путем западноевропейского опыта можно повысить эффективность и благоустроить быт в том числе и крестьянского населения. Поэтому пропаганда передового европейского опыта и сельскохозяйственного образования становится основой аграрной политики в период правления Петра I.

Влияние западного опыта мы видим в попытках монарха стимулировать расширение посевов технических культур (льна, конопли, винограда, шелковицы), выращиванию новых (картофеля, табака, лекарственных растений), использованию более эффективных орудий труда. Однако методы, которыми Петр пытался стимулировать полезные с его точки зрения отрасли, как уже отмечалось, далеко не всегда были экономические.

«В Астрахани по его приказу провели перепись тутовых деревьев, причем самовольная срубка тутового дерева каралась смертной казнью. В 1720 г. был построен первый шелковичный завод на р. Ахтубе (существовал до 1842 г.), в 1724 г. такие же заводы и шелковичные плантации были учреждены в Киеве. Для распространения культуры табака именным

указом 1723 г. табак “по исчислении градусов, под которыми, где родится, под такими и в России разводить”, с этой целью из-за границы выписывались мастера и семена» (Книга, 2011, с. 113).

Для разведения картофеля, согласно документам Вольного экономического общества, царь «выслал из Роттердама мешок картофеля к Шереметеву, и приказал разослать картофелины по разным областям России, к местным начальникам, вменяя им в обязанность приглашать русских заниматься его разведением» (Труды..., 1852, Отд. IV).

Для повышения эффективности сельского хозяйства Петр активно распространял среди крестьян улучшенные земледельческие орудия. В частности, он предложил использовать косы вместо серпов при уборке хлеба, объясняя это тем, что «при косовице... перед нашими серпами средний работник за 10 человек сработает» (ПСЗРИ, т. 6, № 3781; т. 7, № 4912). Для реализации этой задачи он рассылает в разные регионы России несколько тысяч кос и прибалтийских крестьян-инструкторов для обучения русского населения новому способу уборки хлеба. «Император лично контролировал эту ситуацию. Так, относительно Орловской провинции, 11 мая 1721 г. император прислал из Риги “Указ о введении в Орловской провинции кошения хлебов”. Указ гласил: “Понеже в здешних краях, как Курляндии, в Лифляндии, так же и в Прусах, у мужиков обыкновение такое, что хлеб снимают, вместо серпов, малыми косами с граблями, что пред нашими серпами, гораздо скорее и выгоднее, так что средний работник за десять человек сработает. Из чего видеть можно, какое великое подспорье будет в работе, для чего хлеб умножать будут. Того для сыскали М Ы таких мужиков, чтобы обучили Н А Ш И Х, из которых посылаем к вам в Орловскую провинцию десять человек с такими косами и прочими их инструментами”» (Книга, 2011, с. 113).

Следует отметить, что государство принуждало вводить нововведения и интенсифицировать сельскохозяйственные работы не только чиновников и крестьян, но и собственников владельческих имений. Помимо растениеводства и животноводства Петр поощрял и развитие садоводства. По его указанию были заложены образцовые сады в Чугуеве, на Дону, в Киеве, Воронеже, Красном Яре, Дербенте, Астрахани. В Петербурге были созданы первые городские сады, в частности, Летний и Ботанический. Кроме того, Петр активно стимулировал разведение виноградников в Астрахани и на Кавказе.

Для того чтобы использовать европейский опыт, необходимо было повысить сельскохозяйственное образование. Для этого переводятся и издаются некоторые европейские сельскохозяйственные издания: трехтомник Гохберга о немецком сельском хозяйстве, «Флоринова экономия», содержащая информацию о различных аграрных отраслях. Причем «Переводы сельскохозяйственной литературы, согласно указаниям Петра, должны производиться не в порядке точного копирования иностранных источников, а адаптировано в свободном изложении применительно к российским

условиям. Петр I рекомендовал: зарубежные авторы «обыкли многими негодными рассказами книги свои наполнять токмо для того, чтобы велики казались..., сего, кроме самого дела и краткого перед всякой вещью разговора, переводить не надлежит» (Пономарев, 1888, с. 24). Однако стоит отметить, что, как и во многих других сферах, указы и регламенты, призванные улучшить ситуацию в образовательно-просветительской деятельности, также навязывались принудительно, поэтому успех такого рода мероприятий был часто кратковременным или отсутствовал вообще.

Так как государь осознавал важность сельского хозяйства для развития государства, он учреждает специальный государственный орган, занимающийся вопросами аграрного сектора. В соответствии с Генеральным регламентом дела, связанные с сельским хозяйством, возлагались на Камер-коллегию, которая должна была заботиться «о состоянии, натуре и плодородии каждой провинции и запустелых дворов и земель, накрепко уведомляться и наипаче о том стараться, чтоб как возможно, запустелые дворы и земли по малу паки населять, и всякой пустоты, осторожным домодержавством, впредь пресерегать и отвращать...; тако ж земледелие, скотские приплоды и рыбные ловли везде, по возможности, умножать, к приращению приводить, и того ради иметь коллегийум с губернаторами и воеводами прилежно корреспондовать» (ПСЗРИ, т. 5, № 3466). Но эффективность решения вопросов развития аграрного сектора была ограничена тем, что это Камер-коллегия должна была выполнять и другие функции, в частности, отвечать за сбор налогов.

Большинство инициатив Петра в области сельского хозяйства не получили широкого распространения в XVIII в. Если посмотреть статистику урожайности различных культур, то можно наблюдать некоторый рост урожайности в конце периода петровского правления, но, судя по приведенным Б. Мироновым климатическим данным (Миронов, 2010), этот рост, скорее всего, был вызван климатическими факторами (табл. 1). А так как похожие показатели имели место и в некоторые периоды до правления Петра (Мустафин, 2021), сложно говорить о каком-либо прогрессе в аграрном секторе, связанном с его нововведениями.

Таблица 1

Урожайность основных хлебов в Центральной части Европейской России в первой половине XVIII в. (в самах)

	1710-е гг.	1720-е гг.	1730-е гг.	1740-е гг.	1750-е гг.
Рожь	2,9	3,6	3,2	4,3	3,7
Пшеница	3,9	3,7	3,9	3,6	3,3
Овес	2,7	4,1	3,3	3,8	3,5
Ячмень	3,0	4,5	4,0	3,7	4,3

Источник: (Миронов, 2010, с. 245).

Непреднамеренные последствия

Земельная политика при Петре I являлась одним из инструментов становления регулярного государства. Все действия правительства были направлены на реализацию того, что Петр I называл «общим благом», для реализации которого необходимо было всех подданных максимально задействовать в процессе принесения пользы государству. Для реализации этих задач Петр меняет систему землевладения и проводит налоговую реформу. Но, кроме результатов, предусмотренных реформатором, эти преобразования имели и серьезные долгосрочные последствия, которые Петром не предполагались (Ключевский, 1989; Богословский, 2008; Каменский, 2001). Первая реформа изменила систему прав собственности на землю для служилых людей и, по сути, сформировала дворянское сословие, вторая — привела к принципиальным институциональным изменениям для податных сословий и, прежде всего, для крестьян.

Влияние указа о единонаследии

Главной задачей государственной политики в области сельского хозяйства еще с времен Ивана Грозного было обеспечение военно-служилого сословия достаточным для несения службы количеством земли. Именно реализации этой цели и было подчинено принятие Указа о единонаследии (ПСЗРИ, т. 5, № 2789). Данным указом закреплялись землевладельческие права служилого сословия, при этом унифицировались юридические статусы прежних землевладений — вотчины и поместья — в единое «недвижимое имущество». В Указе разъяснялось, что введенные ограничения в распоряжении собственностью (неотчуждаемость и неделимость) вводились с целью минимизировать дробления дворянской собственности для сохранения материального обеспечения государственной службы. Ограничения в распоряжении земельной собственностью компенсировались исключительным правом владения крестьянами, и кроме того, давалось новое право — заводить фабрики. Служба для всех землевладельцев становится обязательной и в 1722 г. упорядочивается Табелью о рангах.

Объединение двух с правовой точки зрения противоположных форм земельной собственности ставит вопрос: «...превращал ли он вотчины в поместья или наоборот, как думали в XVIII в., называя мартовские пункты изящнейшим благодеянием, коим Петр Великий поместные дачи в собственность пожаловал? Ни то, ни другое, а сочетанием юридических особенностей поместья и вотчины создавался новый, небывалый вид землевладения, который можно характеризовать названием *наследственного, неделимого и вечнообязанного*, с которым связана вечная наследственная и потомственная служба владельца. Все эти черты существовали и в древнерусском землевладении; только две из них не совмещались: на-

следственность была правом вотчинного землевладения, неделимость — обычным фактом землевладения поместного. Вотчина не была неделима, поместье не было наследственно; обязательная служба одинаково падала на то и на другое владение. Петр соединил эти черты и распространил их на все дворянские имения, да еще положил на них запрет отчуждения. Служилое землевладение теперь стало более однообразно, но менее свободно» (Ключевский, 1989, с. 81–82).

Указ о единонаследии просуществовал менее 17 лет и был отменен в 1731 г. Анной Иоановной. Но отменена была только та часть, которая касалась неделимости недвижимого имущества, нормы, касающиеся унификации статуса земельных владений, остались без изменений. Казалось бы, что после разрешения раздела земель между наследниками должно было произойти постепенное измелъчание дворянских поместий, то, чего хотел предотвратить Петр, так как боялся, что дохода дворян от небольших имений будет недостаточно для полноценной службы. Однако данные показывают обратную картину (табл. 2).

Таблица 2

Число помещиков, распределенных по трем стратам, на территории Европейской России в границах 1719 г.

	Низшая страта < 20 крепостных		Средняя страта 21-100 крепостных		Вышая страта >100 крепостных		Итого
	Тыс.	%	Тыс.	%	Тыс.	%	
1678	9,7	47	8,0	38	3,1	15	20,8
1727	38,3	60	20,5	32	5,7	8	64,5
1777	41,0	59	18,0	25	11,0	16	70,0
1833	38,8	54	20,3	28	13,0	18	72,1
1858	25,5	39	24,6	38	15,4	23	65,5

Источник: (Миронов, 2003, с. 90).

Из таблицы видно, что доля мелких землевладельцев в петровский период выросла, но в последующем начала падать. Доля крупных землевладельцев наоборот упала в период правления Петра, но затем росла вплоть до отмены крепостного права. Исследуя данные цифры, Б. Миронов приходит к следующему выводу: так как численность мелких и средних помещиков росла медленнее, чем крупных, в то время как естественный прирост по группам не различался, это означает, что отдельные представители мелких и средних землевладельцев продавали земли крупным и перемещались в другие социальные группы, прежде всего в среду профессиональной интеллигенции, либо деклассировались (Миронов, 2003, с. 91). Далее Б. Миронов ставит интересный вопрос: «Как могло уменьшиться число дворян-помещиков, если единонаследие среди помещиков до 1845 г.

не действовало и в соответствии с законом после их смерти земли делились на доли по числу наследников мужского пола?» (Миронов, 2003, с.91)

Для ответа на этот вопрос Б. Миронов приводит следующие данные (табл. 3).

Таблица 3

Число крепостных мужского пола, принадлежавших помещикам, на территории Европейской России в границах 1719 г.

Низшая страта помещиков < 20 крепостных	Средняя страта помещиков 21–100 крепостных	Высшая страта помещиков >100 крепостных	Итого
--	---	--	-------

Год	Крепостные, тыс.	Крепостные, %	Крепостных на 1 помещика	Крепостные, тыс.	Крепостные, %	Крепостных на 1 помещика	Крепостные, тыс.	Крепостные, %	Крепостных на 1 помещика	Крепостные, тыс.	Крепостные, %	Крепостных на 1 помещика
1678	89	—	9	325	—	41	1074	—	347	1488	—	72
1727	305	10	8	922	31	45	1760	59	309	2987	100	46
1777	316	6	8	940	19	52	3663	75	333	4919	100	71
1833	321	5	8	1013	15	50	5339	80	410	6673	100	93
1858	212	3	8	1027	17	46	5200	80	333	6439	100	100

Источник: (Миронов, 2003, с. 92).

Из таблицы видно, что существует достаточно твердое соотношение между численностью помещиков каждой страты и количеством принадлежащих им крепостных, которое могло поддерживаться частично за счет естественного прироста крепостных, частично за счет высокой мобильности среди помещиков и дворянства в целом (Миронов, 2003, с. 93).

Из этого можно сделать вывод, что, несмотря на то, что одно из важнейших положений Указа было отменено, цели Петра, которые он декларировал во вступлении к Указу, реализовывались: дворянские имения в массе своей не дробились и при этом часть дворян оказывалась безземельной и вынуждена была искать дохода на службе государству.

После Указа о единонаследии и внесенных в него позже изменений, среди землевладельцев существовала высокая социальная мобильность, помещики покупали и продавали землю. Следующий вопрос, который встает здесь, владели ли они этой землей на праве частной собственности.

Частная собственность предполагает реализацию таких прав, как владение, распоряжение и пользование. Ограничения части этих прав имели

место и до петровского правления. И. И. Сергеевич писал, что ограничения вотчинных прав служилых людей возникли с давних пор. Первое упоминание встречается в 1562 г., когда вышел закон, «ограничивший право распоряжения служилых князей их старинными вотчинами. Данный закон запретил князьям: а) продавать и менять свои вотчины кроме “своим братьям и племянникам”; б) давать в приданое своим дочерям и сестрам; в) отказывать своему ближнему роду до родственников 4 поколения; г) завещать жене в собственность; д) предоставлять для погашения разных взысканий» (Сергеевич, 1878, с. 309).

Петр, стремясь увеличить доходы казны, продолжал политику ограничения прав не только на распоряжение, но и на владение землей, в частности, при нем государство «то отбирало право на угодья, то возвращало владельцам с обложением оброком, менялись раньше срока арендные условия, увеличивались оброчные сборы и т.д. При этом землевладелец не имел права уничтожить оброчную статью, а обязан был “устраивать” ее» (Якушкин, 1890, с. 47–50). Среди такого же рода ограничений можно назвать и признание ископаемых богатств государственной собственностью. И особенно сильно нарушала права собственности практика конфискаций. Ответственность за серьезные правонарушения часто предусматривала в качестве обязательной меры наказания конфискацию и земли, и домовладений.

С другой стороны, важным признаком существования частной собственности на землю является наличие рынка земли. Судя по данным о купле-продаже земли в Московском уезде (табл. 4) рынок земли существовал, но был достаточно специфическим. Это проявлялось в том, что земля продавалась с наложенными на нее обязательствами. Новый собственник земли должен был выполнять на купленной территории функции налоговые, административные, частично судебные, полицейские, обеспечивать рекрутский набор и, кроме того, служить государству в качестве военного, чиновника или придворного.

Таблица 4

**Количество сделок с землей за первую половину XVIII в.
в Московском уезде**

Годы	Мелкие сделки	Средние сделки	Крупные сделки	Итого, %
1714–1724	122	54	8	184–37
1725–1729	59	20	11	90–18,2
1730–1740	84	34	14	132–26,6
1741–1750	49	34	7	90–18,2
Итого, %	314–63,3	142–28,6	40–8,1	496–100

Источник: (Кабинова, 2003).

Из таблицы видно, что в петровский период сделок было намного больше, чем в последующие годы. Это можно связать с теми изменениями, которые происходили после принятия Указа о единонаследии. И. Кабирова показала, что сделки в период 1714–1725 гг. совершались собственниками земель, которые до Указа являлись вотчинами (Кабирова, 2003). Но по мере того, как иссякал фонд этих земель, количество сделок сокращалось. В период правления Анны Иоановны происходит некоторое оживление, которое скорее всего было связано с отменой Указа о единонаследии. Однако, несмотря на это оживление, судя по общему количеству сделок с землей в одном из центральных регионов страны, можно сказать, что рынок земли развивался крайне медленно.

Но если светские землевладельцы хотя и с рядом ограничений остались собственниками своих земельных владений, то духовные землевладельцы своих владений практически лишились. «В январе 1701 г. монастырские и церковные вотчины были взяты под управление государства, которое забирало все доходы, оставляя монахам лишь содержание по 10 (а потом по 5) рублей в год. Хотя эта реформа официально мотивировалась финансовыми соображениями, в действительности она дала государству лишь около 100 тыс. рублей в год — меньше 4% от всех доходов» (Нефедов, 2011, с. 58).

Если Указ о единонаследии унифицировал земельные права собственности элиты и способствовал созданию единого социального слоя служилых людей, установил институциональные рамки дворянского землевладения, то ревизская перепись и введение подушной подати унифицировали крестьянство.

Влияние введения подушной подати

Подушная подать — это то, за что чаще всего критикуют деятельность Петра I. Главными негативными последствиями называют усиление крепостного права и рост ограничений со стороны общины. Введение подушной подати привело к тому, что между владельческими крестьянами и государством появился социальный слой, который выполнял налоговые, административные, частично судебные и полицейские функции. И главным результатом этого был значительный рост налогового бремени. «После петровских реформ налоги составлявших большинство населения помещтных крестьян были в пять–шесть раз больше, чем при предшественнике Петра царе Федоре» (Нефедов, 2005, с. 142).

Но многие авторы отмечали и положительные последствия введения подушной подати, в частности оно привело к расширению пахотных земель. Крестьянин, «платя в пользу государства одну подушную ставку в 74 коп. с души (кроме 50 коп. в пользу помещика), независимо от количе-

ства обрабатываемой земли, мог с большим напряжением сил увеличить запашку. Это в действительности и произошло: распашка земель в первой половине XVIII в. увеличилась» (Лященко, 1952, с. 362). «В истории русского сельского хозяйства XVIII в. находим указания на этот успех, достигнутый если не исключительно подушной податью, то не без ее участия. В самый момент введения подушной подати Посошков мечтал, как об идеале, чтобы полный крестьянский двор пахал не менее 6 десятин во всех трех полях... В конце XVIII в. такие участки являются уже сравнительно мелкими: обыкновенно крестьяне пахали тогда гораздо более, по 10 десятин на двор и больше» (Ключевский, 1989, с. 97).

Таблица 5

**Количество угодий
по крупным районам в первой половине XVIII в.
(тыс. десятин)**

Район	Год	Пашня	Сенокос и удобные	Лес	Неудобные
Центрально-Нечерноземный	1696	22	4	64	10
	1725	25	5	60	10
	1763	29	5	57	9
Северо-Западный	1696	10	3	67	20
	1725	12	3	66	19
	1763	15	3	64	18
Центрально-Черноземный	1696	27	26	27	20
	1725	33	24	25	18
	1763	40	22	22	16
Среднее Поволжье	1696	12	48	30	10
	1725	19	43	28	10
	1763	29	35	26	10
Северное Приуралье	1696	5	3	77	15
	1725	7	3	75	15
	1763	9	4	73	14

Источник: (Водарский, 1988, с. 223).

Из табл. 5 видно, что расширение пахотных земель происходило во всех районах. Практически во всех районах распашка увеличивалась за счет вырубки леса и введения в оборот неудобных земель, но в Центрально-Черноземном и в районе Среднего Поволжья пашня увеличивалась также за счет сенокосов, т.е. в ущерб животноводству.

**Расчет численности населения при различной величине утайки
при переписи 1678 г. (в тыс. чел., только мужчины и дети мужского пола)**

Размер утайки	1678 г.	1719 г.	Прирост	%
При утайке в 25% и уточненной численности дворцовых крестьян в 400 тыс. чел.	4069	5361	1292	32
При порайонной величине утайки и численности дворцовых крестьян в 506 тыс. чел.	3906	5361	1455	37
При той же утайки и уточненной численности дворцовых крестьян в 400 тыс. чел.	3800	5361	1561	41

Источник: (Водарский, 1977).

Расчет численности населения с учетом возможных искажений показывает, что население тоже росло (табл. 6).

Еще одним следствием земельной политики монарха и, в частности, введения подушной подати было упрощение структуры сельского населения. Во-первых, происходит объединение царских вотчин с черными волостями в один разряд — государственные имения. Во-вторых, объединяются в один разряд земли черносошных крестьян, земли однодворцев, земли ясачных.

П. Милюков задался интересным вопросом, сколько в результате введения подушной подати дополнительно человек перешло в категорию податного населения. По переписи 1710 г. насчитывалось 637 055 дворов податных и 121 389 дворов свободных от податей (Милюков, 1905, с. 205—206). Исходя из того, что в среднем на двор в тот период приходилось 6,98 человека (Милюков, 1905, с. 205—206), общая цифра людей обоего пола, живущих в этих дворах — 847 295 человек. Но подушной податью облагались только мужчины, учитывая существующую на момент переписи 1710 г. пропорцию — на 1000 мужчин 918 женщин, 442 088 человек дополнительно перешли в податное состояние.

Введение подушной подати не только привело к упрощению сельского населения. Еще одним важным последствием этой реформы стало, как уже говорилось, расширение прав землевладельцев по отношению к крестьянам в связи с тем, что ответственными налогоплательщиками перед государством полностью стали землевладельцы. Считается, что одним из важнейших последствий этого становится исчезновение права собственности на имущество у владельческих крестьян. Но правильно ли будет возлагать всю вину за это на Петра? Нам представляется, что нет.

Еще до Петра государство пыталось ограничить право частной собственности для крестьян, прежде всего это касалось земли. Указом от 18 марта 1636 г. Михаил Федорович запретил отчуждение черных земель, т.е. «дворов, дворовых и огородных мест, лежащих в Белом каменном городе и за городом» (ПСЗРИ, Указ № 761 от 18 марта 1636 г.), а 17 октября

того же года запретил продажу земель «иностранцам, подьячим и иным всяких чинов мелким людям» (Курдиновский, 1899, с. 291–293).

Петр же, напротив, издает указы, из которых следует, что крестьяне могут владеть землей на праве частной собственности. Например, Указ от 15 июня 1700 г. гласит: «Во всех Московских слободах тяглецам тяглые дворы свои продавать и закладывать и за иски отдавать беломестцам всяких чинов людям всем вольно, а оброк с тех дворов беломестцам же платить по договору с тяглецы тое слободы... против платежей прошлых последних годов» (ПСЗРИ, т. 4, № 1798). Другим примером того, что Петр I не считал необходимым ограничивать частную собственность крестьян, был закон, по которому «доносители на дворян имели право на имущество и деревни виновных независимо от своей сословной принадлежности» (ПСЗРИ, т. 5, № 2845). При Екатерине II закон будет изменен, и доносители будут получать лишь денежное вознаграждение (ПСЗРИ, т. 17, № 12178).

Таким образом, со временем тенденция на сокращение прав крестьян, начавшаяся задолго до петровских реформ, несомненно, усилившаяся в том числе и правилами взимания подушной подати, оказалась сильнее, и практика землевладения развивалась в сторону исчезновения частной собственности у крестьян.

Те принципы, которые в дальнейшем лягут в основу поземельной политики российского государства, — уравнительный надел, соразмерный с повинностями; неотчуждаемость участка; обеспечение запаса земель для будущего прироста населения; выделения особых запасных участков и других мер, необходимых для обеспечения достаточного надела для выполнения повинностей, — уже вводились Петром при наделении земель ямщиков, инородцев (калмыков — 1717 г.), некоторых разрядов государственных крестьян. Например, Указом 1712 г. о заселении Ингерманландии был четко определен надел земли каждого крестьянина, для исполнения государственных повинностей (ПСЗРИ, т. 4, № 2536, 2540) (Якушкин, 1890, с. 98–120).

Так же стоит отметить, что в результате введения подушной подати качественная оценка земель утратила свое значение. Кадастровая оценка, межевание земель, дискуссия о размере крестьянского надела, необходимого для исполнения возложенных на крестьянина повинностей, — все эти проблемы будут решаться уже во второй половине XVIII в. В эпоху правления Петра данные вопросы, видимо, не были актуальны, так как еще было достаточно много нераспаханных земель, вполне достаточно для обеспечения растущего населения.

Заключение

Как показывает опыт России и других стран, модернизация в аграрном секторе происходит в результате институциональных (четкое определение

прав собственности на землю и формирование рынка земли) и технологических инноваций. Первые ведут к появлению мотивации для повышения эффективности хозяйства, а вторые — к росту производительности факторов производства (земли и труда). Петр же пытался модернизировать сельское хозяйство только за счет внедрения передовых технологий, но опыт многих стран показывает, что при отсутствии мотивации достичь успеха насильственно внедряя технологии невозможно.

Представляется, что Петр вообще не уделял большого внимания институтам и осмелимся предположить, едва ли понимал их значение. Многие основывавшиеся им учреждения были созданы что называется на живую нитку и впоследствии неоднократно изменялись и переделывались. Для Петра модернизация, очевидно, означала прежде всего модернизацию технологическую, а модернизация институтов, видимо, рассматривалась, либо как то, без чего можно обойтись, либо, если обойтись было невозможно, как производная технологической модернизации. Применительно к аграрной области это проявилось особенно явно, для Петра гораздо важнее было заставить крестьян использовать косу вместо серпа и ввести новые культуры, нежели повлиять на систему стимулов, общую организацию аграрного производства и решить другие институциональные по своему характеру задачи.

Что касается создания институтов, стимулирующих мотивацию, то здесь краткосрочные интересы государства оказались наиболее приоритетными. Для успешного ведения войн требовалось «масштабное перераспределение ресурсов в пользу государства. Для крестьян это оборачивалось огромным увеличением налогов, паспортной системой и охотой на беглых, для дворян — тяжелой бессрочной службой, для духовенства — отнятием земель и богатств» (Нефедов, 2011, с. 65).

Успешная мобилизация ресурсов позволила Петру решить поставленные в тот период задачи, главной из которых был выход к Балтийскому морю. Государь открыл окно в Европу. Но проведенные для мобилизации ресурсов институциональные изменения привели к тому, что исчезли социальные группы, которые могли быть заинтересованы в развитии торговли.

Но могло ли быть в тот период по-другому? Скорее всего, нет. Любой другой правитель, пытаясь ответить на внешние вызовы, шел бы тем же самым или похожим путем. Да и сам Петр, если посмотреть не на внешние, а на структурные реформы, по сути, продолжал то, что было начато уже до него. Отвечая на поставленный вопрос, В. О. Ключевский писал: «Из реформы Петра Россия выходила не более, но и не менее крепостной, чем была до нее... Итак, не преувеличивая и не умаляя дела Петра Великого, можно так выразить его значение. Реформа сама собою вышла из насущных нужд государства и народа, инстинктивно почувствованных властным человеком с чутким умом и сильным характером...» (Ключевский, 1989, с. 96, 203).

Список литературы

- Анисимов, Е. В. (1989). *Время петровских реформ*. Л.: Лениздат.
- Анисимов, Е. В. (1997). *Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века*. СПб.: Дмитрий Буланин.
- Анисимов, Е. В. (1973). Материалы комиссии Д. М. Голицына о подати (1727—1730 гг.). *Исторические записки*, 91, 338—352.
- Богословский, М. М. (2008). *Российский XVIII век*. Книга первая. М.: Интелвак.
- Водарский, Я. Е. (1988). *Дворянское землевладение в России в XVII — первой половине XIX в.* М.: Наука.
- Водарский, Я. Е. (1977). *Население России в конце XVII — начале XVIII века*. М.: Наука. Дата обращения 19.11.2022, https://statehistory.ru/books/YA-E--Vodarskiy_Naselenie-Rossii-v-kontse-XVII---nachale-XVIII-veka/23
- Заозерская, Е. И. (1958). Бегство и отход крестьян в первой половине XVIII века. В: Бескровный, Л. Г. (ред.). *О первоначальном накоплении в России*. М.: Изд-во АН СССР, 144—188.
- Индова, Е. И. (1970). Урожаи в Центральной России за 150 лет (вторая половина XVII—XVIII вв.). В кн. *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы*. М.
- Кабирова, И. А. (2003). *Наследование и купля-продажа земельных владений в России первой половины XVIII века (по законодательно-нормативным материалам и частноправовым актам Московского уезда)*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Глазов.
- Каменский, А. Б. (2001). *От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века*. М.
- Ключевский, В. О. (1989). *Курс русской истории*. Т. IV. М.: Мысль.
- Книга, М. Д. (2011). Инициативы Петра Первого в сфере сельскохозяйственного просвещения крестьян. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение, вопросы теории и практики*, 7-2, 111—114. ISSN 1997-292X
- Курдиновский, В. И. (1899). *К учению о легальных ограничениях права собственности на недвижимость в России*. Одесса.
- Ляшенко, П. И. (1952). *История народного хозяйства СССР. Т. I Докапиталистические формации*. М.: Издательство политической литературы.
- Милюков, П. Н. (1905). *Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформы Петра Великого*. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича.
- Миронов, Б. Н. (2010). *Благополучие населения и революция в имперской России: XVIII — начало XX века*. М.: Новый Хронограф.
- Миронов, Б. Н. (2003). *Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.)*. СПб.
- Мустафин, А. (2021). Хлебный рынок с начала царствования Алексея Михайловича до конца правления Екатерины Великой: была ли «революция цен»? *Quaestio Rossica*, 9(3), 911—926. DOI: <https://doi.org/10.15826/qg.2021.3.618>
- Нефедов, С. (2005). *Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России*. Екатеринбург: УГГУ.
- Нефедов, С. (2011). Петр I: блеск и нищета модернизации. *Историческая психология и социология истории*, 1, 47—73.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1649—1825). Дата обращения 12.11.2022, https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php
- Пономарев, Н. В. (1888). *Исторический обзор правительственных мероприятий к развитию сельского хозяйства в России от начала государства до настоящего времени*. СПб.: Тип. В. Киришбаума.

- Посошков, И. Т. (2011). *Книга о скудости и богатстве*. М.
- Розинская, Н. А. (2016). Истоки современного экономического роста: Европа или Азия. *Экономическая история*, 2, 48–55.
- Розинская, Н. А. (2016). Истоки современного экономического роста: Европа или Азия. *Экономическая история*, 2, 48–55.
- Розинская, Н. А. (2015) Истоки современной экономической системы: Англия или Голландия. *Journal of Institutional Studies*, (7)3, 50–63. DOI: 10.17835/2076-6297.2015.7.3.050-063
- Розинская, Н. А. (2017). Причины различий в динамике экономического роста в Португалии и Голландии в XV–XVII вв. в свете институциональных теорий. *Journal of Institutional Studies*, (9)1, 39–50. DOI: 10.17835/2076-6297.2017.9.1.039-050
- Сергеевич, И. И. (1878). *Юридические древности*. Т. 2. СПб.
- Троицкий, С. Н. (1966). *Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке*. М.: Наука.
- Труды Императорского Вольного Экономического Общества. (1852). Т. 1. СПб.
- Якушкин, В. (1890). *Очерки по истории русской поземельной политики*. М.
- Blum, J. (1960). Russian Agriculture in the Last 150 Years of Serfdom. *Agricultural History*, 34(1), 3–12.

References

- Anisimov, E. V. (1973). Materials of M. Golitsyn's commission on taxes (1727–1730). *Historical Notes*, 91, 338–352.
- Anisimov, E. V. (1997). *State transformations and autocracy of Peter the Great in the first quarter of the 18th century*. SPb.: Dmitry Bulanin.
- Anisimov, E. V. (1989). *Time of Peter's reforms*. L.: Lenizdat.
- Bogoslovsky, M. M. (2008). *Russian XVIII century. Book one*. M.: Intelvac.
- Book, M. D. (2011). Initiatives of Peter the Great in the field of agricultural education of peasants. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism, questions of theory and practice*, 7-2, 111–114.
- Complete collection of laws of the Russian Empire, Collection (1649–1825), vol. 3. Retrieved December 11, 2022, from https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php
- Complete collection of laws of the Russian Empire, Collection (1649–1825), vol. 4. Retrieved December 11, 2022, from https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php
- Complete collection of laws of the Russian Empire, Collection (1649–1825), vol. 5. Retrieved December 11, 2022, from https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php
- Complete collection of laws of the Russian Empire, Collection (1649–1825), vol. 7. Retrieved December 11, 2022, from https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php
- Indova, E. I. (1970). Harvest in Central Russia for 150 years (second half of the 17th–18th centuries). In book. *Yearbook on the agrarian history of Eastern Europe*. М.
- Kabirova, I. A. (2003). *Investigation and sale and purchase of land holdings in Russia in the first half of the 18th century (according to state-normative materials and private legal acts of the Moscow district)*. Dissertation for the degree of candidate of medical sciences. Glazov.
- Kamensky, A. B. (2001). *From Peter I to Paul I. Reforms in Russia in the 18th century*. М.
- Klyuchevsky, V. O. (1989). *Russian history course*. Т. IV. М. : Thought.
- Kurdinovsky, V. I. (1899). *To the doctrine of the legal restrictions on the right of ownership of real estate in Russia*. Odessa.
- Lyashchenko, P. I. (1952). *History of the national economy of the USSR*. Т. 1. Pre-capitalist formations. М.: Publishing house of political literature.

Milyukov, P. N. (1905). *The State Economy of Russia in the First Quarter of the 18th Century and the Reforms of Peter the Great*. SPb.: Type of. M. M. Stasyulevich.

Mironov, B. N. (2003). *Social history of Russia in the period of the empire (XVIII — early XX century)*. St. Petersburg.

Mironov, B. N. (2010). *Welfare of the population and revolution in imperial Russia: XVIII — early XX century*. M.: New Chronograph.

Mustafin, A. (2021). The Grain Market between the Reigns of Alexey Mikhailovich and Catherine the Great: Was there a 'Price Revolution'? *Quaestio Rossica*, 9(3), 911–926.

Nefedov, S. (2005). *Demographic-structural analysis of the socio-economic history of Russia*. Yekaterinburg: USGU.

Nefedov, S. (2011). Peter I: brilliance and poverty improvement. *Historical psychology and sociology of history*, 1, 47–73.

Ponomarev, N. V. (1888). *Historical review of state measures for the development of agriculture in Russia from the beginning of the state to the present*. SPb.: Type of. V. Kirshbaum.

Pososhkov, I. T. (2011). *A book about poverty and wealth*. M.

Proceedings of the Imperial Free Economic Society. (1852). SPb.: T. one.

Rozinskaya, N. A. (2015). The origins of the modern economic system: England or Holland. *Journal of Institutional Studies*, (7)3, 50–63.

Rozinskaya, N. A. (2017). Reasons for differences in the dynamics of economic growth in Portugal and the Netherlands in the XV–XVII centuries in the light of institutional theories. *Journal of Institutional Studies*, (9)1, 39–50.

Rozinskaya, N. A. (2016). The origins of modern economic growth: Europe or Asia. *Economic history*, 2, 48–55.

Sergeevich, I. I. (1878). *Legal Antiquities*, vol. 1, 2. SPb.

Troitsky, S. N. (1966). *The financial policy of Russian absolutism in the XVIII theory*. M.: Science.

Vodarsky, Ya. E. (1988). Noble landownership in Russia in the 17th — the first half of the 19th centuries. M.: The science.

Vodarsky, Ya. E. (1977). Population of Russia in the late 17th — early 18th centuries. M.: Science. Retrieved December 11, 2022, from https://statehistory.ru/books/YA-E--Vodarsky_Population-of-Russia-at-the-end-XVII---nachale-XVIII-veka/23

Yakushkin, V. (1890). *Essays on the history of Russian land policy*. M.

Zaozerskaya, E. I. (1958). Flight and withdrawal of peasants in the first half of the 18th century. In: Beskrovny, L. G. (ed.). *The Liberation of Accumulation in Russia*. M.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 144–188.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Е. В. Анисимов¹

НИУ «Высшая школа экономики»
(Санкт-Петербург, Россия)

УДК: 94(47) 05

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ, КАК ЕЕ ЗАДУМАЛ ПЕТР ВЕЛИКИЙ

Правление Петра Великого (1682–1725) известно не только превращением России в могущественную империю, но коренным изменением ее экономики, стремительным развитием промышленности. Эти перемены были продиктованы ведением Северной войны со шведами, а также представлениями Петра о том, как нужно управлять экономикой. В статье рассматривается два главных аспекта политики — в отношении торговли и в отношении промышленности. Для купечества России эта эпоха стала тяжелым временем фактического разорения. На купечество и горожан вообще были наложены огромные налоги и различные повинности, но самое главное — государство активно вмешалось в бизнес, фактически отбирая его в казну и вводя монополии на покупку и продажу сырья и товаров. Лишь к концу царствования Петра I система давления на купечество была ослаблена. Иначе развивалась промышленность. Государство использовало все средства для развития мануфактурного производства, особенно тех секторов, которые были ориентированы на военные нужды. Власти развернули всю систему протекционизма, всячески содействуя организаторам производства финансами, льготами, защищая продукцию предприятий от конкуренции иностранных товаров. В итоге, были созданы, в сущности, тепличные условия для развития промышленности. Особым был вопрос о рабочей силе. Правительство пошло путем прикрепления к заводам окрестных крестьян, а потом разрешило владельцам мануфактур покупать крепостных. Эти вынужденные обстоятельства меры способствовали превращению промышленности в разновидность крепостного хозяйства, что крайне негативно сказалось на становлении русского капитализма.

Ключевые слова: Петр Великий, экономика, торговля, промышленность, протекционизм, крепостное право, купечество.

Цитировать статью: Анисимов, Е. В. (2023). Индустриализация, как ее задумал Петр Великий. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 58(2), 147–158. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-58-2-9>.

¹ Анисимов Евгений Викторович — д.и.н., профессор, г.н.с. Центра исторических исследований, НИУ «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург); e-mail: vbrevis@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-9093-586X.

INDUSTRIALIZATION AS CONCEIVED BY PETER THE GREAT

The reign of Peter the Great (1682–1725) is known not only for transforming Russia into a powerful empire but for a radical change in its economy and rapid industrial development. These changes were dictated by the Northern War with the Swedes and Peter's ideas onto how to manage the economy. The article examines two main aspects of the policy — in relation to trade and industry. For Russia's merchants this era was a difficult time entailing their actual ruin. Huge taxes and various duties were imposed on merchants and townspeople in general with state active intervention in business, taking it away from entrepreneurs and introducing monopolies for purchase and sale of raw materials and goods. Only towards the end of Peter I reign the system of pressure on merchants weakened. Industry followed a different path: the state used all its means to develop manufacturing. Officials took special care of the sectors focused on military needs. The authorities launched a broad program of protectionism, they in every way assisted the organizers of production, with finance, benefits, protecting the enterprises from foreign competition. It resulted in greenhouse conditions for industrial development. A special issue was labor force at enterprises: the government developed the procedure of attaching local peasants to factories, allowing the owners of manufactories to buy out serfs. These measures contributed to the transformation of industry into a kind of serfdom. All this had an extremely negative impact on the formation of Russian capitalism and the future of Russia.

Keywords: Peter the Great, economy, trade, industry, protectionism, serfdom, merchants.

To cite this document: Anisimov, E. V. (2023). Industrialization as conceived by Peter the Great. *Lomonosov Economics Journal*, 58(2), 147–158. <https://doi.org/MSU0130-0105-6-58-2-9>.

Введение

Россия времен правления Петра Великого (1689–1725) совершила впечатляющий прорыв в разных областях человеческой деятельности, она вышла из петровских реформ могущественной империей. Немалый вклад в этот успех внесла и почти внезапно возникшая промышленность России. Этот факт приводил многих авторов, как специальных исследований, так и популярных работ к однозначной положительной оценке происшедшего (Сомов, 1947). Действительно, успехи промышленного строительства времен Петра были впечатляющими и их можно назвать «петровской индустриализацией». В данной статье предпринимается (вслед за исследованием Н. И. Павленко) попытка детально рассмотреть различные, в том

числе негативные стороны торговой и промышленной, а шире — экономической, политики Петра.

Взгляды Петра на экономику

Если думать, что у Петра все-таки были какие-то взгляды на экономику, которыми он руководствовался в своей экономической политике, то они были весьма приблизительны и целиком укладывались в популярные тогда в Европе XVII в. концепции. В первую очередь это меркантилизм с его фетишем — золотом, получаемым преимущественно за счет внешней торговли своими товарами или сырьем, а также за счет посреднической торговли. Все с завистью смотрели на здание Амстердамской ратуши, в подвалах которой якобы лежали (в виде золотых слитков) шесть годовых бюджетов Нидерландов. Отмечу сразу, что у Петра была и своя высокая имперская мечта — обогатиться за счет того, чтобы сделать Россию транзитной территорией для перевоза товаров с Востока на Запад и с Запада на Восток по построенным каналам, рекам России с выходом, с одной стороны на Балтику, а с другой — на Каспий, к построенному в будущем в устье Куры Новому Петербургу, затем к русским колониям в Персии и далее по контролируемым Россией территориям до Индии. Так, мечтал Петр, можно было бы повернуть традиционный транзит с Востока на Запад, проходивший через владения Османской Турции.

Идеям меркантилизма соответствовал протекционизм, понимаемый как торговая, экономическая политика, мешавшая с помощью высоких таможенных пошлин проникать на отечественный рынок иностранным товарам с одновременным развитием собственной промышленности, выпускающей сходные товары. Неоднократно в своих указах Петр писал почти буквально о режиме импортозамещения, о необходимости нанимать иностранных мастеров для налаживания отечественного производства (Письма и бумаги Петра Великого, 1956, т. 10, с. 24; Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом, 1872). Правда, из всех таких начинаний почти ничего не получилось — замены английскому сукну, голландским ружьям, французским инструментам и винам в России так и не нашли, хотя строили свои суконные мануфактуры, поощряли оружейников Тулы и Сестрорецка, разводили виноград в Астрахани. Более того, европейские экономические теории при реализации их в России получали какое-то странное, искаженное до неузнаваемости воплощение.

Русское купечество под гнетом государства

Собственно, когда началось то, что мы условно назовем экономической политикой Петра? Конечно, можно вспомнить отдельные мероприя-

ятия власти в конце XVII в., но все-таки исходной датой активизации экономической политики стало начало XVIII в., точнее — 1700 г., когда Россия, начавшая войну против Швеции, потерпела от шведов сокрушительное поражение под Нарвой. Для восстановления и усиления армии, продолжения ведения войны срочно были нужны металл, сукно, оружие. Резко активизируется торговая политика, нацеленная на вывоз из страны сырья и полуфабрикатов в обмен на завоз оружия (в основном стрелкового, голландского), усиливается производство пушек на карельских заводах. Но все-таки более всего режим нуждался в деньгах. Петр выразился в 1711 г. по этому поводу кратко: «Деньги — суть артериею войны» (Письма и бумаги Петра Великого, 1956, т. 10, с. 434). Свободных денег у государства не было, банки в стране отсутствовали, получить заем в развитых странах не удалось, а собственные месторождения золота и серебра тогда еще не открыли. Следовательно, деньги на войну можно было «добыть» только путем налогов и повинностей с собственных плательщиков, причем в основном с городского населения, купечества, у которого, в отличие от крестьян, водились деньги. В 1699 г. была создана Ратуша, или Бурмистерская палата, сосредоточившая в своих руках административную и фискальную власть над городами, выведенными из-под юрисдикции местных воевод. Ратуша с началом войны стала главным фискальным органом и кассой государства, обеспечивая потребности казны в деньгах, шедших на войну. В 1704 г. появилась Ингерманландская канцелярия косвенных сборов. Благодаря инициативе так называемых «прибыльщиков» — прожектеров, придумавших все новые и новые косвенные налоги с самых разных объектов, приносивших прибыль (соль, пчелы, рыболовство, бани, продаж лошадей). Ингерманландская канцелярия облагала налогами и такие невиданные прежде объекты вроде прорубей, а летом плотов, с которых бабы полоскали белье (Акишин, 2012; Полное собрание законов Российской империи, 1830, т. 4, с. 280–281). Но все же главный упор был сделан на сборы ординарных, а также чрезвычайных налогов и повинностей, список которых непрерывно увеличивался. Власти стали уделять особое внимание регулярному сбору налогов и выколачиванию недоимок, применяя разные формы насилия, начиная с посылки так называемых «понудителей» — командированных в губернии и города гвардейцев с чрезвычайными полномочиями и кончая конфискацией имущества. С этого момента с помощью фискальной дубины начался подлинный разгром традиционного русского купечества — той креативной категории населения, которая могла, при другом подходе, стать русской буржуазией (Павленко, 1978). В регламенте Главного Магистрата 1721 г. констатировалось: «Купеческие и ремесленные тяглые люди во всех городах обретаются не токмо в каком призрении, но паче ото всяких обид, нападков и отягощений несносных едва не все разорены, от чего оных весьма умалилось и уже то есть не без важного государственного вреда»

(Полное собрание законов Российской империи, 1830, т. 6, с. 296). В этом документе нет преувеличений — факты показывают, что купечество резко обеднело, разорились прежде процветающие купеческие фамилии. Жесткая политика выколачивания денег проводилась разными, подчас свирепыми способами. Среди них особенно болезненным для купечества было массовое внедрение государства в сферу бизнеса посредством установления монополий, распространилась практика «выталкивания» купечества из тех сфер торговли (особенно оптовой), которые казались государству выгодными. Справиться с таким «конкурентом», который сам устанавливал правила игры, или с теми избранными купцами, которые получали от власти откупа, было не по силам даже богатым купцам-оптовикам. С началом войны созданные монопольные компании в разных сырьевых сферах формируют люди, находившиеся при власти (вроде А. Д. Меншикова, П. П. Шафирова и его родни), получая при этом невиданные привилегии в ущерб купечеству и промысловикам (Дадыкина, Крайковский, 2014). С этого момента особенно отчетливо видно столь характерное для России последующих времен преступное слияние власти и бизнеса. 1714 г. стал рекордным по числу различных казенных монополий (на юфть, деготь, смолу, пеньку, поташ и др.). Те места, где производились эти экспортные товары и сырье, становились заповедными, купцам разрешалось заготавливать их только после того, как агент казны сделает необходимые закупки. Государство-монополист получало огромные доходы, отнимая их у купцов. Несмотря на то, что государству так и не удалось в полной мере реализовать монопольные права на торговлю многими товарами, объявленными монопольными (доля казенной торговли не превышала 10–12%). Как считал Н. И. Павленко, «дезорганизирующее влияние участия казны в торговых операциях на функционирование торгового капитала далеко превосходило названные проценты. Даже ограниченное вторжение государства в торговые операции пагубно отражалось на хозяйственной деятельности купцов». Эта практика негативно сказывалась на установившихся деловых отношениях «во всей иерархии русских купцов, состоявшей из оптовиков..., скупщиков меньшего масштаба, лавочников и, наконец, торговцев, продававших товары “похода”» (Павленко, 1978, с. 59–60). Примечательно, что откупа на продажу ряда товаров за границу отдавались преимущественно иностранным купцам — естественно в погоне за валютой (Черкасова, 1999). Государство грубо вмешивалось в сам бизнес. Так что, видя, как откупщики и подрядчики богатеют, Петром в 1715 г. была предпринята (правда, неудачная) вещь невиданная — попытка ввести норму на прибыль — не более 10% (Голиков, 1838, с. 19).

С переносом столицы в Петербург важнейшим элементом экономической и социальной политики власти стала принудительная переориентация (с 1713 г.) торговых потоков с освоенного с давних времен архангельского направления в другую сторону — на Петербург. Тогда он стоял

в дальней пустынной окраине, лишенной проездных дорог и закрытой, в силу господства на Балтике шведского флота, для выхода товаров в Европу. Насильственные меры, предпринятые властью в переносе торговли с Севера в Петербург, вели к разорению купечества, традиционно ориентированного на Архангельск, причем удар наносился и по множеству работных людей, обслуживавших водные пути из центра на север (Репин, 1983). К этому следует добавить и насильственные переселения купечества в новую столицу, причем власть строго следила, чтобы переселялись состоятельные, богатые купцы. Отдельной сагой стала длительная борьба власти с так называемыми «староманирными» судами — привычными и дешевыми средствами транспортировки товаров в один конец, обычно вниз по рекам. Строить новые европейские суда купцы не хотели — уж очень дорого такие суда им обходились (Брызгалов, 2011). Но все-таки главным было то, что купечество душили чрезвычайными налогами, десятками натуральных повинностей, постоем войск, различного рода службами. Особо тяжелы для купечества и горожан были многочисленные и почти непрерывные службы в качестве целовальников при водочной, соляной и прочей казенной торговле, причем они были ответственны за казенные доходы своим состоянием.

Нужно отдать должное Петру: примерно с 1715 г. он ослабил давление на купечество — дойную корову самодержавия, ликвидировал многие монополии и откупа. Указом 1 ноября 1719 г. было велено «уволить торговлею в народ» (Полное собрание законов Российской империи, 1830, т. 5, с. 73—75). Этим указом, как и следующим указом на эту тему от 17 января 1721 г., начинается новый этап экономической политики Петра. Купечество вновь получило свободу торговли множеством товаров, в монопольной торговле казны остались только смальчуг и поташ. Но было уже поздно: за почти двадцать лет разнообразных монополий и беспощадной политики исчезла половина купеческих фамилий, имевших столетнюю историю. Из 226 семей (самой состоятельной) гостиной сотни в деле осталось 104 семьи, при резком сокращении их капиталов и фактическом обеднении некогда богатых семейных фирм, теперь промышлявших лишь мелочной торговлей (Павленко, 1978, с. 64—67; Аксенов, 1988). Трудно приходилось и тем, кто принял новые правила игры и пытался воспользоваться шансами, открывшимися в ходе петровских преобразований. Образцом является история бизнеса купца И. С. Стрежнева. Он был одним из первых предпринимателей, которые стали отправлять в Европу корабли с товаром. Но ему на редкость не повезло: в 1708 г. его корабль «Святой Алексей» был захвачен близ Дюнкерка французами (корабль шел в Англию), после долгой волокиты возвращен, но пустым; купленная им на Украине пенька была сожжена во время наступления шведов, два корабля, отправленные — один в Голландию, другой — в Португалию, погибли во время шторма, четыре других были сожжены французами. В итоге, он совершенно разо-

рился, должен был огромную сумму казне (Козинцева, 1962). Конечно, мы понимаем, что из хрупкого купеческого капитала не всегда возникает буржуазия, но другого пути образования этого класса в России не было. Тем самым, Петр резко сузил возможное движение России к капитализму. Добавим к этому, что проведение податной реформы — введение подушной подати, фактически запретившей прежде свободное передвижение населения по стране, а также введение паспортов — все это нанесло страшный удар по тому слою свободных, вольных людей, не связанных службой, крепостной зависимостью. Именно такие люди шли работать на мануфактуры, они же обслуживали торговые пути. Эта категория наемных рабочих — предвестник пролетариата, попросту исчез, законом было даже запрещено использовать термин «вольный», свободный человек, в стране установился жесткий полицейский режим (Анисимов, 1982, с. 254—256).

Государство как строитель промышленности

Казалось, что иначе развивалась достигшая колоссальных успехов при Петре мануфактурная промышленность России. Государство всячески поощряло фабрикантов, передавая им казенные предприятия (особенно яркий пример — деятельность Демидовых на Урале), снабжало их техникой, специалистами, прикрывала их продукцию таможенным пошлинами. Начинаям новое дело была представлена «горная свобода» — согласно Берг-привилегии 1719 г. Берг-привилегия позволяла «охотникам рудных дел» заводить на земле любого владельца свое предприятие (Полное собрание законов Российской империи, 1830, т. 5, с. 579). Ею и другими указами объявлялась (немыслимая в других странах с неотчуждаемой без суда собственностью на землю) горная свобода, гарантии права на открытые месторождения и построенные предприятия. Одновременно казна всячески помогала предпринимателю в заведении промышленного предприятия. Берг-привилегия была дополнена 17 января 1721 г. указом об освобождении основателей фабрик и мануфактур от посадских служб, что было чрезвычайно важно — они по-прежнему считались членами посадского общества и, как люди состоятельные, были вынуждены тянуть тягло (Законодательные акты Петра I, 2020). В результате, за два десятилетия усилиями казны и предпринимателей было стремительно построено более 200 мануфактур, ставших, как горделиво пишут порой в популярных работах, основой русской национальной экономики. Но рассмотрим, что это за промышленность была на самом деле?

В последнее десятилетие правления Петра власти, всячески помогая предпринимателям (в том числе установлением монополий, запретом на импорт (Полное собрание законов Российской империи, 1830, т. 5, с. 760—761)), требовали взамен от них полной экономической покорности, исполнения фактически 100%-ного госзаказа (во имя которого

и создавалась промышленность), причем при назойливом контроле, жесткой регламентации на всех этапах производства и сбыта со стороны чиновников Берг-Мануфактур-коллегий (Бабурин, 1939). Во многом эта политика была похожа на французский дирижизм, но отличалась от него большим охватом различных сфер производства, явным пренебрежением к понятиям о праве собственности. Власти практиковали насильственное создание компаний для организации нужного казне производства. Так, «насильством» была создана компания «Полотняный завод» из предпринимателей этого профиля производства (Полное собрание законов Российской империи, 1830, т. 4, с. 640). Вся промышленность (да и вообще экономика) была жестко ориентирована на военные и военно-морские нужды, при полном отсутствии конкуренции и свободного рынка рабочей силы. В определенном смысле роковым для петровской промышленности стали 1721–1722 гг. Согласно изданным тогда законам (в целом нарушавших прежний правовой режим) владельцам мануфактур разрешили покупать к производству крепостных, затем, вопреки также прежнему законодательству, было разрешено не выдавать чужих беглых крестьян, если они владеют мастерством, нужным производству (Полное собрание законов Российской империи, 1830, т. 6, № 4055 и др.) Так, во имя благих целей развития промышленности приоткрылись ворота для внедрения крепостного права в промышленность. Власть пошла на эту вынужденную меру из-за того, что на производстве не хватало рабочих рук, как в силу общей неразвитости экономики, так и в силу господства в стране крепостного права, к чему добавились жесткие административные меры по борьбе с беглыми, «вольным» и «беспашпортными». Эта тенденция разрастания крепостничества в промышленности увенчалась, уже после смерти Петра, правом мануфактуриста закрепить даже свободного наемного работника и его семью. В итоге петровских реформ, на производстве установился так называемый «вотчинный режим», ничем не отличавший предприятие от владений (вотчин) помещиков. Так был определен столбовой путь русской экономики фактически до Великих реформ Александра II. При этом промышленники получили невиданные прежде льготы и привилегии. Помимо экономических льгот, они стали обладателями и многих социальных преимуществ. Мануфактуристы освобождались не только от посадских служб, но они и их семьи были выведены из-под юрисдикции местных властей и подчинялись только Мануфактур-коллегии. Дарованные предпринимателям привилегии и льготы, прежде принадлежавшие только дворянству, существенным образом повлияли на становление самоидентификации мануфактуристов. В сознании этих вчерашних посадских не сформировались основополагающие социальные понятия, присущие третьему сословию Западной Европы. В то время, как представители третьего сословия во Франции громко заявили о своих правах на Генеральных штатах 1789 г., в России заветной мечтой богатых владельцев мануфактур,

к которым были «приписаны» сотни и тысячи крепостных, становилось вхождение в дворянское сословие. Имея длинный рубль и несомненные заслуги перед государством, многие из них получали дворянство. Эволюция семей Строгановых и Демидовых, у истоков дела которых стояли настоящие самородки — предприниматели, простолюдины по своему происхождению, типична для общей тенденции мануфактуристов слиться с дворянством, пропитаться дворянскими идеалами и предрассудками. В итоге, у русских мануфактуристов не выработалось буржуазной самоидентификации и в России фактически до 1905 г. не оформилось идеологии буржуазии. Здесь нельзя не усмотреть особую традиционную сервильность русской буржуазии, вечную унижительную зависимость отечественных предпринимателей от власти, осознание временности того, что дала власть, а может и отобрать. Не оформилось самоидентификации и рабочих людей как особого класса наемных людей. В XVIII в. во время проведения подушной переписи на заводах даже те рабочие, которые трудились на предприятии уже в третьем поколении, заявляли о себе как о крестьянах, вышедших на заработки. Да и в сознании чиновников и военных, проводивших переписи, реальный статус рабочих не рассматривался как особый. Их работа (порой многолетняя) на предприятии представлялась лишь одним из занятий посадского или крестьянина. И хотя на производстве делались различия между теми, кого можно назвать кадровыми рабочими и не оторвавшимися от сельского труда крестьянами, но законодатель этой разницы не чувствовал, как и не воспринимал разницы между промышленниками и купцами, идентифицируя первых со вторыми и зачисляя их в общее сословие «купечества» (Анисимов, 1982, с. 215–216).

Тепличность образования промышленности в России самым удручающим образом сказалась на развитии русской экономики. Неконкурентоспособность, низкое качество отечественных товаров — все это стало прямым результатом так называемой петровской индустриализации. Типичным для этой экономики стало и омертвление капиталов, связанное с эксплуатацией крепостного труда. Так, владения предпринимателя Лариона Лугинова оценивались в 1,6 млн руб., из них заводы стоили 306 тыс., а крепостные деревни — 904 тыс. руб. (Павленко, 1978, с. 67–68). Это были, в сущности, пропавшие, омертвевшие деньги, их невозможно было пустить на развитие производства. Неудивительно, что такие предприниматели разорялись, умирали с миллионными долгами, оставленными наследникам.

Последствия петровской индустриализации

Реформы Петра создали крепостническую экономику, возвели непреодолимые препятствия на пути развития капитализма и того, что принято называть прогрессом, демократией. Можно возразить: а какая альтерна-

тива была этой экономике? Ведь в России не было изначальных крупных ростовщических капиталов, банков, дворян-джентри, развитого рынка, в ней традиционно господствовало натуральное хозяйство, очевидно было слабое развитие ремесла, медленно складывался общероссийский рынок, не было свободных городов с магдебургским правом, очевидна была и узость рынка рабочей силы. И все это происходило в стране, в которой жило, по мнению царя-реформатора, вялое, безынициативное население, к тому же наполовину крепостное.

Получалось так, что в России только государство было заинтересовано в развитии экономики. Можно еще сказать, что экономическая политика Петра была потенциально неэффективна, но ведь эта политика принесла России победу в Северной войне, а это было крайне важно для национального существования. К тому в сознании людей царил присущий нашей стране эсхатологизм, опасения, порой небезосновательные, угроз со стороны других держав. Тут кроются основы той спешки, присущей Петру при осуществлении реформ. Новой, ставшей империей России, ведомой царем-реформатором, были нужны могучие имперские армия и флот. Это и определило именно такой — насильственной и крепостнической — индустриализацию Петра.

Но посмотрим на проблему иначе. В 1721 г. завершилась тяжкая Северная война, разорившая народ, и сразу же начался Персидский поход 1722—1724 гг. с перспективой продолжения движения империи в направлении Индии, с проектом завоевания Мадагаскара и т.п. Имперское воображение Петра не имело пределов и это вполне унаследовали его преемники. С петровских времен, когда все возможные точки бифуркации в развитии экономики были затоптаны, экономика России стала (и является до сих пор) составной, имманентной частью имперского организма, смысл существования которого заключен во все новых и новых завоеваниях. Это экономика, теснейшим образом завязанная на империю, обслуживающая почти исключительно империю (как бы она ни называлась) с присущей ей с петровских времен экспансией, согласно известной формуле «У России границ нет».

Заключение

Теперь обратимся к вопросу об уроках петровской экономической политики. Если мы на секунду отвлечемся от господствовавшей тогда имперской политики и представим, что с российской экономики были бы сняты установленные еще Петром пути государства, если была бы разорвано крайне вредное для экономического развития слияние власти и бизнеса и тогда промышленность, бизнес, экономика в целом стали бы развиваться согласно присущим им экономическим законам и общепринятым в цивилизованной мире нормам, то ... тогда неизбежно рухнула бы империя и, соответственно, Россия.

Список литературы

- Акишин, М. О. (2012). Реформа 1699 г.: проведение и итоги. *Меншиковские чтения*, 3(10), 9–20.
- Аксенов, А. И. (1988). *Генеалогия московского купечества XVIII в. (Из истории формирования русской буржуазии)*. М.: Наука.
- Анисимов, Е. В. (1982). *Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России. 1719–1728*. Л.: Наука.
- Бабурин, Д. С. (1939). *Очерки по истории Мануфактур-коллегии*. М.
- Брызгалов, В. В. (2011). *Поморское судостроение на Русском Севере в петровскую эпоху*. Культурные инициативы Петра Великого. Материалы 2-го Международного конгресса петровских городов. СПб.: Европейский дом.
- Голиков, И. И. (1838). *Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России*. Т. 6. М.: Типография М. Степанова.
- Дадыкина, М. М., & Крайковский, А. В. (2014) «Промысел стараться умножить»: деятельность Сальной компании А. Д. Меншикова и морские промыслы на Русском Севере. 1704–1721 гг. *Меншиковские чтения*, 5(12), 71–77.
- Законодательные акты Петра I. (2020). Сборник документов. Воскресенский, Н. А. (составитель). *Древлехранилище*. М., 2–3.
- Козинцева, Р. И. (1962). Выработка первого русского таможенного тарифа и его редакции. *Проблемы источниковедения*, 10, 154–194. М.: Издательство Академии наук СССР.
- Павленко, Н. И. (1978). Торгово-промышленная политика правительства России в первой четверти XVIII века. *История СССР*, 3, 49–69.
- Письма и бумаги Петра Великого. (1956). В 13 т. Т. 10. Ответственный редактор Б. Б. Кафенгауз. М.: Издательство Академии наук СССР.
- Письма и бумаги Петра Великого. (1956). В 13 т. Т. 12 (1). Ответственный редактор Б. Б. Кафенгауз. М.: Наука.
- Полное собрание законов Российской империи. (1830). В 33 т. Т. 4. СПб.
- Полное собрание законов Российской империи. (1830). В 33 т. Т. 5. СПб.
- Полное собрание законов Российской империи. (1830). В 33 т. Т. 6. СПб.
- Репин, Н. Н. (1983). Изменение объема и структуры экспорта Архангельского и Петербургского портов в первой половине XVIII в. *Промышленность и торговля в России XVII–XVIII вв. Сб. статей*. М.: Наука.
- Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. (1872). В 2 т. Т. 2. Составитель Г. В. Есипов. М.
- Сомов, В. И. (1947). Промышленная политика Петра Великого (основные принципы). *Ученые записки МГУ. Политика, экономика*, 123.
- Черкасова, М. С. (1999). Новые документы о деятельности голландского купца И. А. Гутмана в Вологде в конце XVII — начале XVIII века. *Историческое краеведение и архивы*, 5.

References

- Akishin, M. O. (2012). Reformation of the Town Hall in 1699: providence and results. *Menshikov's words*, 3(10), 9–20.
- Aksenov, A. I. (1988). *Genealogy of the Moscow merchants of the XVIII century (From the history of the formation of the Russian bourgeoisie)*. M.: Nauka.

Anisimov, E. V. (1982). *The tax reform of Peter I. Introduction of the poll tax in Russia. 1719–728*. L.: Science.

Baburin, D. S. (1939). *Essays on the history of Manufactories-Collegium*. M.

Bryzgalov, V. V. (2011). *Pomor shipbuilding in the Russian North in the Peter the Great era*. Cultural initiatives of Peter the Great. Materials of the 2nd International Congress of Petrovsky Cities. European House. SPb.

Cherkasova, M. S. (1999). New documents on the activities of the Dutch merchant I. A. Gutman in Vologda at the end of the XVII — beginning of the XVIII century. *Historical local lore and archives*, 5.

Collection of extracts from archival papers about Peter the Great. (1872). Esipov, G. V. (Compiler). T. 2. M.

Dadykina, M. M., & Kraikovskiy, A. V. (2014). “Fishing to try to multiply”: the activities of the Greasy company of A. D. Menshikov and marine crafts in the Russian North Menshikov readings. *Historical illustration*, 5(12), 71–77.

Golikov, I. I. (1838). *The deeds of Peter the Great, the wise Transfigurator of Russia*. T. 6. M.: Printing house of M. Stepanov.

Kozintseva, R. I. (1962). The development of the first Russian customs tariff and its revision. *Problems of source studies*. M.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR.

Legislative acts of Peter I. (2020). *Collection of documents*. Voskresensky, N. A. (compiler). *Drevlekhranishche*. M., 2–3.

Letters and papers of Peter the Great (January — December 1710). (1956). Responsible editor Kafengauz, B. B. (Responsible editor). M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences.

Letters and papers of Peter the Great (January — December 1710). (1956). Responsible editor Kafengauz, B. B. M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 12 (1).

Pavlenko, N. I. (1978). Trade and industrial policy of the Russian government in the first quarter of the XVIII century. *History of the USSR*, 3.

Repin, N. N. (1983). Changes in the volume and structure of exports of the Arkhangelsk and St. Petersburg ports in the first half of the XVIII century. *Industry and trade in Russia of the XVII–XVIII centuries*. Collection of articles. M.: Science.

Somov, V. I. (1947). Industrial policy of Peter the Great (basic principles). *Scientific notes of MSU. Politics, economics*, 123.

The complete collection of laws of the Russian Empire. (1830). T. 4. St. Petersburg.

The complete collection of laws of the Russian Empire. (1830). T. 5. St. Petersburg.

The complete collection of laws of the Russian Empire. (1830). T. 6. St. Petersburg.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

А. Б. Каменский¹

НИУ «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

УДК: 930.2

УРОКИ ПЕТРОВСКИХ РЕФОРМ ГЛАЗАМИ ИСТОРИКА

В статье сделана попытка определения наиболее значимых уроков, которые можно извлечь из опыта преобразований Петра Великого — одного из ключевых событий российской истории, надолго определивших вектор развития страны. Рассматривается как позитивный, так и негативный опыт петровских преобразований, делается вывод о том, что успешность реформ Петра I была связана прежде всего с тем, что их ориентированность на европейскую модель развития соответствовала внутренним тенденциям развития русского общества рубежа XVII—XVIII вв. и именно это сделало петровские преобразования необратимыми. Преемники Петра, столкнувшиеся с серьезными финансово-экономическими проблемами, вынужденно вносили в его преобразования определенные коррективы, но сохранили все основные созданные им институты. Благодаря петровским преобразованиям Россия обрела статус великой державы, что было обусловлено интеграцией страны в систему международных отношений, мировую экономику и культуру, без чего сам статус великой державы терял смысл. Благодаря реформам в экономической сфере было в основном преодолено технологическое отставание от ведущих стран Европы, но приоритетное развитие отраслей промышленности, ориентированных на удовлетворение военных нужд и основанных на труде крепостных, препятствовали развитию капиталистических отношений и способствовали превращению России в сырьевую державу. Темпы экономического развития при этом оставались низкими, что стало залогом нового отставания на следующем историческом этапе. Реформы в социальной сфере, основанные на удовлетворении фискальных потребностей государства, тормозили, но не могли остановить развитие российского общества.

Ключевые слова: реформы, исторический опыт, Великая держава, крепостничество, социальная политика.

Цитировать статью: Каменский, А. Б. (2023). Уроки петровских реформ глазами историка. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 58(2), 159–167. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-58-2-10>.

¹ Каменский Александр Борисович — д.и.н., профессор, НИУ «Высшая школа экономики»; e-mail: akamenskii@hse.ru, ORCID: 0000-0003-3715-4401.

THE LESSONS OF THE PETRINE REFORMS AS SEEN BY A HISTORIAN

The article attempts to identify the most significant lessons that can be learned from the experience of Peter the Great transformations— one of the key developments in Russian history that determined the vector of the country's development for a long time. The author considers both positive and negative implications of Peter the Great's reforms, and concludes that the success of Peter I reforms was primarily due to the fact that their focus on the European model of development correlated with internal trends in Russian development at the turn of the 17th–18th centuries, and this is exactly what made Peter I transformations irreversible. Peter's successors, faced with serious financial and economic problems, were forced to make certain adjustments to his transformations, but retained all the main institutions he created. Thanks to Peter's transformations, Russia acquired the status of a great power, which was due to the country's integration into the system of international relations, the world economy and culture, without which the very status of a great power lost its meaning. Thanks to the reforms in economic sphere, the technological gap with the leading European countries was largely overcome, but the priority development of industries focused on military needs and based on the labor of serfs hindered the development of capitalist relations and contributed to the transformation of Russia into a raw material power. At the same time, the pace of economic development remained low, which resulted in a new lag in the next historical stage. Reforms in the social sphere, based on meeting fiscal needs of the state, hampered but could not stop the development of Russian society.

Keywords: reforms, historical experience, Great power, serfdom, social policies.

To cite this document: Kamenskii, A. B. (2023). The lessons of the Petrine reforms as seen by a historian. *Lomonosov Economics Journal*, 58(2), 159–167. <https://doi.org/MSU0130-0105-6-58-2-10>.

Сама постановка вопроса — уроки петровских реформ для современной России — на первый взгляд, может показаться парадоксальной и несерьезной, ведь речь идет о реформах, осуществленных 300 лет назад в совсем иной стране и иных исторических условиях. Более того, петровские реформы пришлось на начало культурно-исторической эпохи, завершившейся на рубеже XX–XXI вв. Чему же они могут нас научить? С другой стороны, мы не устаем повторять слова В. О. Ключевского о том, что история жестоко наказывает за невыученные уроки. От частого повторения этих слов, как и всякого расхожего афоризма, их смысл зачастую теряется. Между тем, речь идет об усвоении *опыта* прошлого, ибо история есть не что иное, как сумма накопленного человечеством опыта. В чем

же ценность опыта петровских реформ и может ли он быть полезен в современной России?

История петровских преобразований, их идейная основа, содержание, методы их осуществления, заплаченная за них цена, противоречивость их результатов и последствий — все это тщательно изучено и многократно описано несколькими поколениями российских и зарубежных историков в сотнях статей и монографий. Однако интерес к эпохе Петра Великого, поток новых публикаций, как и дискуссии вокруг петровских реформ, не иссякают, что совершенно естественно, поскольку речь идет об одном из ключевых событий российской истории. Ключевых, потому что петровские реформы задали вектор развития страны на последующие столетия. Используя популярное современное понятие, можно сказать, что в первой четверти XVIII в. Россией был осуществлен второй после крещения Руси «цивилизационный выбор». Значение этого выбора, его обоснованность, необходимость, естественность — предмет историософских споров, начавшихся в первой половине XIX в., когда формировалась основная повестка русской общественной мысли, и продолжающихся поныне. По удачному выражению А. М. Панченко, Петр I — это «оселок русской мысли, ее вечная проблема», а спор о нем — «это спор без конца», поскольку «оценка Петра... иррациональна» (Панченко, 1991, с. 12), потому что, в сущности, это спор не о Петре, а о системе ценностей. Как отмечал американский историк Марк Раев, написанное о Петре «является почти совершенным зеркалом взглядов русской интеллигенции на прошлое и будущее России, ее отношение к Западу и природу социальных и политических проблем, стоящих перед ее страной» (Raeff, 1972, p. 195).

Однако заимствованная славянофилами и их последователями у немецких романтиков начала XIX в. концепция «особого пути», сквозь призму которой они рассматривали петровские преобразования, как, впрочем, и «цивилизационный выбор» — это абстрактные понятия, оперируя которыми историк выходит за рамки исторической науки. Миссия историка состоит в том, чтобы, анализируя доступные исторические источники, изучить событие прошлого, явившееся результатом выбора и действий исторических акторов, и выявить причинно-следственные связи с его последствиями. Полученные при этом результаты вовсе не означают, что похожее событие в настоящем приведет к аналогичным последствиям. Они лишь указывают на *вероятность* подобных последствий и, собственно, в этом и заключается тот урок, который история рекомендует выучить. Какие же уроки можно извлечь из опыта петровских реформ?

Спустя несколько десятилетий после смерти Петра императрица Екатерина II в своем Наказе Уложенной комиссии написала: «Петр Первый, вводя нравы и обычаи европейские в европейском народе, нашел тогда такая удобства, каких он и сам не ожидал» (Наказ..., 2018, с. 340). Ека-

терина исходила из убеждения, что «Россия есть европейская держава» и, следовательно, реформы Петра были для нее естественны. Между тем, в историографии долгое время с легкой руки Н. П. Павлова-Сильванского, историка рубежа XIX–XX вв., существовало представление о пятнадцатилетии после смерти Петра как о времени контрреформ. И лишь с воцарением в 1741 г. дочери Петра Елизаветы Россия якобы вернулась на дорогу, проложенную ее отцом. Это представление удачно ложилось на сложившийся еще ранее историографический миф о послепетровском времени как «темном периоде» русской истории, времени «бионовщины» и «засилья иностранцев», сформировавшимся в общественном сознании сперва благодаря официальной пропаганде елизаветинского времени, затем популярному роману И. И. Лажечникова «Ледяной дом», а позже подкрепленный в историографии С. М. Соловьевым и В. О. Ключевским. Этот миф окончательно опровергнут исследованиями последних десятилетий, в которых показано, что общая направленность властной политики не изменилась и в нее лишь были внесены некоторые вынужденные коррективы, связанные с острым финансово-хозяйственным кризисом, в котором оказалась страна после смерти царя-преобразователя. Созданные Петром система государственного управления, регулярная армия, флот, социальная структура, система налогообложения, система государственного контроля за населением, петровское законодательство, новации в культуре повседневности — все это было сохранено и продолжало действовать (Анисимов, 1994; Каменский, 1999; Петрухинцев, 2014; Реформы в России..., 2016). В недавно защищенной кандидатской диссертации, посвященной «культурной политике» этих лет, довольно убедительно показано, что поскольку, как пишет автор, Петр поднял вопросы культуры до уровня государственной политики, его преемники, не мыслившие столь же масштабно, вероятно, не руководствовались теми же идеями и с теплотой вспоминаявшие времена, когда статей государственных расходов было значительно меньше, уже не могли эти вопросы игнорировать (Чиркова, 2022).

Таким образом, по сути дела, петровские реформы оказались необратимыми. Члены созданного в 1726 г. Верховного тайного совета, столкнувшись с серьезными экономическими и финансовыми проблемами, искали способы экономии государственных средств. Для этого они упрощали петровскую систему управления и возвращались к некоторым допетровским практикам, но при этом послушно, как велел им Генеральный регламент Петра I, вели протоколы своих заседаний. Почему? Ответ, как представляется, может быть только один: потому что в целом петровские реформы были действительно органичны, т.е. соответствовали тенденциям развития Российского государства и общества рубежа XVII–XVIII вв. Соответственно, действительно органичным был выбор в пользу европейской (при всей условности этого определения) модели развития. Причем этот

выбор был обусловлен не только принадлежностью России к иудеохристианской цивилизации, но и конкретными геополитическими реалиями того времени, когда в условиях ускорившегося экономического развития стран Западной Европы возникали риски, связанные с сохранением национального суверенитета.

Здесь, как представляется, заключен первый важный урок петровских преобразований: реформы могут быть успешны только если их направленность соответствует тенденциям развития общества, если они способствуют их развитию и, следовательно, в целом направлены именно на развитие, а не стагнацию. Причем исторический опыт, как, например, опыт консервации, попытки сдерживания тенденций развития общества в период правления Николая I во второй четверти XIX в., показывает, что полностью остановить, пресечь их, повернуть вспять невозможно. Можно затормозить их развитие, но в результате на следующем этапе власти приходится решать гораздо более сложные и масштабные задачи.

Петр вряд ли осознавал тенденции, характерные для развития русского общества его времени, он скорее их ощущал, действуя инстинктивно, побуждаемый идейной атмосферой своей эпохи. Политик XXI в. естественно обладает большим арсеналом средств, позволяющих определить и оценить тенденции развития современного ему общества и действовать на опережение, предупреждая ситуацию, когда «верхи не могут», а «низы не хотят». Это не гарантирует ни успеха реформ, ни поддержки общества, консервативная часть которого всегда составляет большинство. Поэтому не следует буквально понимать слова С. М. Соловьева, который в своих «Публичных лекциях о Петре Великом» говорил о готовности русского общества к переменам накануне реформ: «Необходимость движения на новый путь была сознана... народ поднялся и собрался в дорогу» (Соловьев, 1984, с. 38). Соловьев имел в виду именно внутренние, не выраженные явно, не артикулированные (в конце XVII в. это было в принципе невозможно) тенденции. Но отсюда, на мой взгляд, еще один важный урок: реформатор должен не только осознавать, образно выражаясь, направление ветра истории, но и обладать политической волей. История российских реформ показывает, что отсутствие этих двух качеств у руководителей страны неоднократно имело тяжелейшие, а подчас и трагические последствия. После десятилетий нерешительности, когда реформы откладывались «на потом», возникал кризис, преодоление которого требовало радикального слома старых институтов, наступала «эпоха реформ» и именно в силу этого само слово «реформа» в российском контексте ассоциируется с коренным, радикальным изменением жизненных устоев. Между тем, реформа — это лишь инструмент рутинной, повседневной политики. Если исходить из идеалистического представления, что главная задача власти — забота о людях и улучшении условий их жизни, то достигается это посредством постоянного совершенствования, изменения

этих условий, т.е. посредством реформ, составляющих суть процесса государственного управления.

При этом важно помнить, что никакие реформы не могут быть выгодны всем. Всегда существуют бенефициары существующих условий, заинтересованные в их сохранении. Петр I, как известно, не считался с жертвами реформ и за его преобразования Россия заплатила высокую цену. Он начинал их без какого-либо продуманного плана, действуя инстинктивно и ситуативно. И лишь, как считают современные историки, в последнее десятилетие его царствования реформы обрели более системный, отретлексированный характер. В современном мире вряд ли можно предположить, что какой-либо политик возьмется за осуществление серьезной реформы без продуманного плана, который в том числе будет предусматривать и минимизацию жертв. Но и тут надо сделать важную оговорку: исторический опыт показывает, что сколь бы ни был продуман план реформы, предусмотреть все ее косвенные последствия невозможно.

Другой важный урок петровских преобразований, как представляется, связан с изменением статуса России в мире. Уже упоминавшийся А. М. Панченко писал, что благодаря петровским реформам «Россия преодолела культурное одиночество, приобщалась к европейской цивилизации, становилась великой державой» (Панченко, 1984, с. 35). Здесь важно, что обретение статуса великой державы было достигнуто путем интеграции России с окружающим миром — интеграции в систему международных отношений, в международную торговлю, в мировую экономическую систему, в мировую культуру. Именно благодаря этому и только путем интеграции во второй половине XVIII столетия Россия смогла стать одной из пяти великих держав той эпохи (Scott, 2004).

Во времена Петра, да и много позже, величие, авторитет страны ассоциировались прежде всего с военной мощью. Однако уже в это время в расчет начинают также приниматься экономические, демографические и географические показатели. Все большее распространение получает и мысль, что лучше договариваться, чем стрелять, что торговать выгоднее, чем воевать, что военная мощь невозможна без экономической. Именно поэтому Петр не только создает промышленность, призванную обеспечить военную мощь страны, но и прилагает усилия к превращению России в морскую торговую державу; за рубежом впервые появляются постоянные российские дипломатические представительства, а в Петербурге — посольства зарубежных стран. Собственно, и Петербург, это «окно в Европу», замысливался и строился не только как новая столица империи, но и как морской порт, торговый центр страны. Петровские реформы означали выход России из самоизоляции, взаимодействие с окружающим миром, активное участие в том, что сегодня называют глобальной политикой. Соответственно статус великой державы (при всей условности самого этого понятия) сопряжен с сочленством в мировом сообществе;

в условиях изоляции он лишен смысла. В этом, пожалуй, еще один урок петровских преобразований.

Извлечение уроков из опыта прошлого предполагает изучение не только успехов и достижений, но также ошибок и поражений. Петровская «индустриализация» обеспечила временное преодоление технологического отставания России от стран Запада Европы того времени. Однако характер этой «индустриализации», суть которой заключалась в развитии основанной на труде крепостных и жестко контролируемой государством преимущественно тяжелой промышленности при отсутствии юридических гарантий частной собственности, на следующем историческом отрезке неизбежно вел к новому отставанию. Изменение в ходе петровских реформ быта и повседневных практик привело к изменению структуры потребления высших социальных слоев русского общества, но слабо развитая легкая промышленность не могла обеспечить постоянно растущие потребности в мебели, тканях, парфюмерии, посуде, фруктах, сахаре, удовлетворявшиеся преимущественно за счет импорта. Россия же экспортировала железо, пеньку, лен, поташ, лес, кожу, постепенно превращаясь в сырьевую державу. Показательно, что этот урок не был усвоен и, в сущности, по той же схеме, с упором на тяжелую промышленность уже в XX в. была осуществлена «сталинская индустриализация».

Характер петровских реформ в экономике неотделим от его преобразований в социальной сфере, которые, впрочем, не были целенаправленными, но явились в основном побочным результатом реформы налогообложения. Сохранение и упрочение в ходе петровских реформ крепостного права и распространение принципов крепостничества на иные социальные группы тормозило и пресекало возможности формирования рынка свободной рабочей силы, а значит, и капиталистических отношений. Причем на практике, исподволь этот рынок все равно возникал, в частности, за счет принимавшего все большие масштабы отходничества, однако труд крепостных крестьян-отходников, вынужденных отдавать часть заработанного своим помещикам, по определению не мог быть производительным, а, следовательно, экономическая система оставалась архаичной, а темпы экономического развития низкими. Так, к примеру, рост ВВП на душу населения не превышал 0,1% в год и по этому показателю Россия отставала не только от ведущих европейских стран, но и от ряда стран Азии (Карп, Мельянцев, 2013, с. 9).

Если в целом направленность петровских реформ соответствовала тенденциям развития русского общества, то отдельные, конкретные преобразования им противоречили. Так, исследования последних лет в области социальной истории России XVIII в. наглядно демонстрируют, как созданная Петром в фискальных целях жесткая структура российского общества с четко очерченными границами между социальными группами, которые позднее Екатерина II превратила в полноценные сословия, посто-

янно приходила в противоречие с тенденциями его развития, тормозила их, но при этом не могла вовсе остановить. Появлялись новые социальные группы (в том числе профессионального характера), сословные границы становились все более проницаемыми, а социальная идентичность все более размытой и не соответствующей формальным критериям (Фриз, 2000; Виртшафтер, 2002; Confino, 2008; Ransel, 2010; Kamenskii, 2014; Границы и маркеры..., 2018). Вплоть до Великих реформ Александра II власть вынуждена была реагировать на эти процессы, юридически оформляя новые социальные группы внутри более крупных и, таким образом, откладывая кардинальное решение вопроса на неопределенное время.

Сказанное выше — лишь отдельные, наиболее значимые уроки, которые, на мой взгляд, можно извлечь из опыта петровских преобразований. Затронувшие все стороны жизни русского общества реформы Петра I — это сложное, многогранное и противоречивое явление, в котором заключен богатый как позитивный, так и негативный опыт.

Список литературы

- Анисимов, Е. В. (1994). *Россия без Петра, 1725–1740*. СПб.: Лениздат.
- Виртшафтер, Э. К. (2002). *Социальные структуры: Разночинцы в Российской империи*. М.: Логос.
- Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII–XX вв. (2018). СПб.: Алетейя.
- Каменский, А. Б. (1999). *От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII века*. М.: РГГУ.
- Карп С. Я., & Мельянцев В. А. (2013). Введение: Восток и Запад в XVIII веке. *Всемирная история. Т. 4. Мир в XVIII веке*. М.: Наука, 5–11.
- Наказ Комиссии о сочинении проекта нового уложения Екатерины II. (2018). М.: Памятники исторической мысли.
- Панченко, А. М. (1984). *Русская культура в канун петровских реформ*. Л.: Наука.
- Панченко, А. М. (1991). *Церковная реформа и культура петровской эпохи, XVIII век: Сборник 17*. СПб.: Наука, 3–16.
- Петрухинцев, Н. Н. (2014). *Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740)*. М.: РОССПЭН.
- Реформы в России с древнейших времен до конца XX в.* В 4 т. Т. 2: XVIII — первая половина XIX в. (2016). Отв. ред. А. Б. Каменский. М.: РОССПЭН.
- Соловьев, С. М. (1984). *Публичные чтения о Петре Великом*. М.: Наука.
- Фриз, Г. (2000). Сословная парадигма и социальная история России / *Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Имперский период*. Самара: Самарский гос. ун-т, 121–162.
- Чирскова, И. М. (2022). *Власть и культура в России (1725–1741 гг.): политика законодательной регламентации*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.: РГГУ.
- Confino, M. (2008). Soslovie (estate) Paradigm. Reflections on some open questions, *Cahiers du monde Russe*, 49(4), 681–699.
- Kamenskii, A. (2014). Do We Know the Composition of the 18th Century Russian Society. *Cahiers du Monde Russe*, 55(1–2), 135–148.

Peter the Great Changes Russia. (1972). Ed. By M. Raeff. Lexington, Mass. Toronto; London.

Ransel, D. I. (2010). Implicit questions in Michael Comfino's essay. Corporate State and vertical Relationships. *Cahiers du Monde Russe*, 51(2–3), 195–210.

Scott, H. M. (2004). The Emergence of the Eastern Powers. New York: Cambridge University Press.

References

Anisimov, E. V. (1994). *Russia without Peter, 1725–1740*. SPb.: Lenizdat.

Catherine's II Nakaz to the Legislative Commission. (2018). M.: Pamiatniki istoricheskoi mysli.

Chirskova, I. M. (2022). *The Power and Culture in Russia (1724–1741): the Policies of Legal Regulation*. Abstract of the PhD Dissertation. M.: RGGU.

Freeze, G. (2000). The Soslovie/Estate Paradigm and Social History of Russia, American Russian Studies. *The Milestones of the Latest Historiography. The Imperial Period*. Samara: Samarskiy gos. Universitet, 121–162.

Kamenskii, A. B. (1999). *From Peter I to Paul I: Reforms in the 18th Century Russia*. M.: RGGU.

Karp, S. Ya., & Mel'yantsev, V. A. (2013). Introduction: The East and the West in the 18th Century. *The World History. Vol. 4. The World in the 18th Century*. M.: Nauka, 5–11.

Panchenko, A. M. (1984). *Russian Culture on the Eve of Petrine Reforms*. L.: Nauka.

Panchenko, A. M. (1991). *The Church Reform and the Culture of the Petrine Epoch, XVIII vek. Sb. 17*. SPb.: Nauka, 3–16.

Petruhintsev, N. N. (2014). *The Inner Policies of Anna Ioannovna (1730–1740)*. M.: ROSSPEN.

Reforms in Russia from Early Time until the End of the 20th Century. (2016). 4 vols. Vol. 2: 18 — the first half of the 19th Century. Ed. By A. B. Kamenskii. M.: ROSSPEN.

Soloviev, S. M. (1984). *The Public Lectures on Peter the Great*. M.: Nauka.

The Borders and Markers of Social Stratification in 17–20th Century Russia. (2018). SPb.: Aleteya.

Wirtschaft, E. K. (2002). *Social Structures; People of various ranks in the Russian Empire*. M.: Logos.

Требования к статьям, принимаемым к публикации в журнале «Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика»

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не публиковавшимся ранее в других научных изданиях, соответствовать профилю и научному уровню журнала. Решение о тематическом несоответствии может быть принято редколлегией без специального рецензирования и обоснования причин.

Подача статьи осуществляется в электронном виде на адрес электронной почты редакции: econeditor@econ.msu.ru.

Оформление статьи

Статья должна быть представлена на русском языке в виде файла в формате MS Word (.doc или .docx) стандартным шрифтом Times New Roman (12 пт.) с полуторным межстрочным интервалом.

Файл с текстом статьи *не должен* содержать сведений об авторе или элементов текста, позволяющих идентифицировать авторство. Сведения об авторах отправляются отдельным файлом (см. ниже).

Объем статьи

Рекомендуемый объем статьи — от 30 тыс. до 45 тыс. знаков (с пробелами).

Структура статьи

Статья должна начинаться с названия (не более 10 слов), аннотации (100–150 слов) и ключевых слов (не более 8) на русском и английском языках. В аннотации должны быть указаны предмет и цель работы, методология, основные результаты исследования, область их применения, выводы. Несоответствие между русскоязычной и англоязычной аннотациями не допускается.

Структура основной части статьи должна строиться по принятым в международном сообществе стандартам: введение (постановка проблемы по актуальной теме, цели и задачи, четкое описание структуры статьи), основная часть (обзор релевантных научных источников, описание методологии, результаты исследования и их анализ), заключение (выводы, направления дальнейших исследований), список литературы.

Сведения об авторах

К статье необходимо *отдельным файлом* приложить сведения об авторе (авторах):

- полные фамилия, имя и отчество, основное место работы (учебы), занимаемая должность;
- полный почтовый адрес основного места работы (учебы);
- ученая степень, звание;
- контактный телефон и адрес электронной почты.

Все указанные сведения об авторе (авторах) должны быть представлены на русском и английском языках.

Список литературы

Список литературы должен содержать библиографические сведения обо всех публикациях, упоминаемых в статье, и не содержать указаний на работы, на которые в тексте нет ссылок. В списке литературы помещаются сначала публикации на русском языке (в алфавитном порядке), затем публикации на языках, основанных на латинском алфавите (также в алфавитном порядке). Дополнительно должен прилагаться список русскоязычных источников в романском алфавите (транслитерация). Программой транслитерации русского текста в латиницу можно воспользоваться на сайте <http://www.translit.ru>

Оформление ссылок

Ссылки на список литературы даются в тексте в следующем виде: (Oliver, 1980), (Porter, 1994, p. 45), (Иванов, 2001, с. 20), (Porter, 1994; Иванов, 2001), (Porter, Yansen, 1991b; Иванов, 1991). Ссылки на работы трех и более авторов даются в сокращенном виде: (Гуриев и др., 2002) или (Bevan et al., 2001). Ссылки на статистические сборники, отчеты, сборники сведений и т.п. даются в виде: (Статистика акционерного дела..., 1898, с. 20), (Статистические сведения..., 1963), (Устав..., 1992, с. 30).

Все данные должны иметь сноски на источник их получения, таблицы должны быть озаглавлены. Ответственность за использование данных, не предназначенных для открытых публикаций, несут в соответствии с законодательством РФ авторы статей.

Статьи, соответствующие указанным требованиям, регистрируются, им присваивается регистрационный номер (сообщается по электронной почте). Все статьи проходят процедуру двойного «слепого» рецензирования.

Отклоненные статьи не возвращаются авторам. В случае отказа в публикации автору статьи направляется мотивированный отказ, основанный на результатах рецензирования. По запросам авторов рукописей и экспертных советов ВАК редакция предоставляет соответствующие рецензии на статью без указания имен рецензентов. Автор дает согласие на воспроизведение статьи на безвозмездной основе в Интернете.

Журнал является открытым — любой автор, независимо от гражданства, места работы и наличия ученой степени, имеет возможность опубликовать статью при соблюдении требований редакции.

Выплата гонорара за публикации не предусматривается. Плата за публикацию рукописей не взимается.

Адрес редколлегии: Москва, Ленинские горы, МГУ, 3-й учебный корпус, экономический факультет, ком. 326. **Электронная почта:** econ.msu.editor@gmail.com

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Алексеев М. (PhD, профессор, Университет Индианы), **Багаутдинова Н.Г.** (д.э.н., профессор, Казанский (Приволжский) Федеральный университет, директор института управления и территориального развития), **Вебер Ш.** (PhD, профессор, президент РЭШ, научный руководитель Лаборатории исследования социальных отношений и многообразия общества РЭШ), **Калюжнова Н.Я.** (д.э.н., профессор, зав. кафедрой экономической теории и управления Института математики, экономики и информатики Иркутского государственного университета), **Клейнер Г.Б.** (д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН, зам. директора ЦЭМИ РАН), **Минакир П.А.** (д.э.н., директор института экономических исследований ДВО РАН), **Мкртчян Г.М.** (д.э.н., профессор, Новосибирский государственный университет, декан экономического факультета), **Порфирьев Б.Н.** (д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН, зам. директора института народнохозяйственного прогнозирования РАН), **Сандлер Д.Г.** (к.э.н., доцент, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н.Ельцина, директор Высшей школы экономики и менеджмента), **Санкова Л.В.** (д.э.н., профессор, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А., зав. кафедрой экономики труда и производственных комплексов), **Тваронавичене М.** (PhD, профессор, Вильнюсский технический университет им. Гедиминаса), **Чуйкин А.М.** (к.э.н., доцент, Балтийский Федеральный университет имени И. Канта).

Редактор М.Э. ПОТАПОВА

Адрес редакции:

119991, Москва, Ленинские горы, экономический факультет, тел. (495) 939-28-82.

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.

Свидетельство о регистрации № 1551 от 14 февраля 1991 г.

Решением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования Российской Федерации журнал «Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика» включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук»

Подписано в печать 21.04.2023. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 10,5.

Уч.-изд. л. 9,97. Тираж 120 экз. Изд. № 12295. Заказ №

Издательство Московского университета.

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11).

Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com

Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com

Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

ИНДЕКС 39309 (каталог «Пресса России»)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 0130—0105
ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 6. ЭКОНОМИКА. 2023. № 2. С. 1—168